

НОРДИЧЕСКИЕ
ОЛИМПИЙЦЫ

А. Васильченко

НОРДИЧЕСКИЕ ОЛИМПИЙЦЫ

HISTORY
FILES

А.В. ВАСИЛЬЧЕНКО

НОРДИЧЕСКИЕ ОЛИМПИЙЦЫ

Спорт в Третьем рейхе

Москва

«Вече»

УДК 94(100-87)
ББК 75.5/7
В11

Васильченко, А.В.

В11 Нордическис олимпийцы. Спорт в Третьсм рейхе / А.В. Васильченко. — М. : Вече, 2012. — 304 с. — (History files).

ISBN 978-5-9533-4829-4

Знак информационной продукции 18+

«О спорт, ты — мир!» Этот легендарный лозунг мог обрести в Третьем рейхе совершенно иное прочтение. Национал-социалистическая Германия по праву могла считаться одной из самых спортивных держав мира. Но дело было отнюдь не в том, чтобы создать совершенного и гармонично развитого человека. Руководство Третьего рейха нуждалось в закаленной молодежи, которой предстояло стать солдатами, направленными на завоевание мира. Однако у спорта могли быть и другие предназначения. Вне всякого сомнения, самым важным спортивным событием 30-х годов стали Олимпиады 1936 года (зимняя и летняя), которые проходили на территории Германии. В книге историка Андрея Васильченко рассказывается о том, как спорт, олимпийское движение переплелись с политикой и тайной дипломатией. И, конечно же, в центре этого повествования оказалась Берлинская Олимпиада 1936 года.

УДК 94(100-87)
ББК 75.5/7

ISBN 978-5-9533-4829-4

© Васильченко А.В., 2012
© ООО «Издательский дом «Вече», 2012
© ООО «Издательство «Вече», 2012

Глава 1

ВЗГЛЯД НА СПОРТ ИЗ РЕЙХСКАНЦЕЛЯРИИ

Согласно конституции Северогерманского союза, в 1867 году было создано специальное управление союзного канцлера, которое после учреждения империи приобрело характер бюро рейхсканцлера. По предложению Бисмарка в 1878 году этот орган власти был сформирован заново, после чего получил название «рейхсканцелярия» — имперская канцелярия. Классической задачей, которая была поставлена перед имперской канцелярией, являлось постоянное информирование канцлера об общих проблемах политики. Эти сведения, предназначавшиеся для канцлера, готовились специальными референтами, каждый из которых курировал определенную политическую сферу. Сразу же после революции, в 1919 году произошли существенные функциональные перемены в работе имперской канцелярии. С этого момента ассистент канцлера фактически становился лицом, ответственным за координацию деятельности всего правительства, которое по привычке продолжало именоваться имперским. После того как в 1933 году к власти пришли национал-социалисты, позиции имперской канцелярии зна-

чительно усилились. Теперь шеф имперской канцелярии являлся единственным лицом, который делал постоянные доклады главе правительства, то есть Гитлеру. Поскольку Третий рейх был жестко централизованным «фюрерским государством», то и рейхстаг, и имперский правительственный кабинет подчинялись исключительно воле Гитлера.

Едва ли стоит пояснять, что все без исключения имперские министры должны были беспрекословно повиноваться фюреру. Кроме этого Гитлер мог самолично вносить поправки в действующее законодательство, для чего даже была изобретена формула — «указом фюрера». Поскольку Гитлер сосредоточил в своих руках функции правления и как глава имперского правительства, и как рейхсканцлер, то большинство политических решений документально оформлялись именно в имперской канцелярии. После смерти Пауля фон Гинденбурга канцелярия рейхспрезидента фактически была отстранена от политических дел. Вместе с тем Гитлер сформировал еще третий руководящий орган — канцелярию фюрера НСДАП, которой были переданы значительные властные полномочия. Имперская канцелярия и канцелярия фюрера НСДАП должны были действовать в теснейшем сотрудничестве, что нашло даже свое визуальное выражение. Оба этих органа власти со временем стали располагаться в одном и том же здании, здании Новой имперской канцелярии, которая была построена по проекту Альберта Шпеера.

Если говорить о функциях имперской канцелярии, то в Третьем рейхе было официально закреплено, что она являлась «информирующим и распорядительным органом власти при главе правительства». В ее задачи входило поддержание постоянного контакта с имперскими министерствами, а так-

же со всевозможными государственными и политическими объединениями. Поскольку Гитлер со временем отказался от практики созыва правительственного кабинета в полном составе (министры так ни разу и не провели совещания в специально созданном кабинете в Новой имперской канцелярии), то глава рейхсканцелярии фактически стал организационным руководителем имперского правительства. Уже в середине 30-х годов продолжительные заседания правительства стали рассматриваться как ненужная и обременительная «роскошь». Гитлер предпочитал решать проблемы, отдавая короткие приказы отдельным имперским министрам, полагая, что подобная политическая практика позволит ему «освободить голову для принятия великих решений». Такой стиль руководства приводил к тому, что требовалось строго заверять все принятые решения и приказы, которые обретали статус законов. Именно это позволило Гансу Генриху Ламмерсу, начальнику рейхсканцелярии с 1933 по 1945 год, превратиться из незаместного бюрократа в ключевую политическую фигуру Третьего рейха. Все важные документы проходили именно через него.

Поскольку совещания кабинета министров сначала сократились, а затем и вовсе перестали практиковаться, выросло не только влияние, но и ответственность Ламмерса. Ламмерс должен был не только подготавливать проекты указов Гитлера, но лично докладывать ему об их выполнении. Кроме этого начальник имперской канцелярии мог рекомендовать фюреру оперативно принять тот или иной указ, что приводило к решению некоторых актуальных проблем. Как организационный руководитель имперского правительства Ламмерс должен был готовить тексты всех законов, указов и распоряжений фюрера, после необхо-

димых консультаций редактировать их и, наконец, представлять на подпись Гитлеру. На практике это означало существенные органические процедуры принятия властных решений, что позволило превратиться имперской канцелярии из «вспомогательного органа диктатуры» в центральный элемент административно-управленческого аппарата. Функции рейхсканцелярии в значительной мере расширились, когда в 1938—1939 годах Ламмерсу было поручено ведение дел Тайного кабинетного совета и Совета министров по обороне рейха. По сути, это был момент, когда Ламмерсу удалось сосредоточить в своих руках максимум власти. Однако в годы войны можно было наблюдать обратные процессы. В 40-е годы Гитлер почти постоянно находился в своей ставке, а потому фактически не появлялся в рейхсканцелярии. С одной стороны, Ламмерс не мог поддерживать постоянный контакт с фюрером, с другой стороны, Гитлер предпочитал принимать решения, которые не были заранее проработаны. Кроме этого нельзя не отметить, что значительные полномочия получили так называемые имперские комиссары (Гиммлер — имперский комиссар по укреплению немецкой народности и т.д.), а потому центральные органы управления стали терять контроль над осуществляемыми политическими и военно-политическими мероприятиями. В этих условиях Ламмерс более не мог считаться «координатором деятельности имперского правительства». В конце концов его место занял Мартин Борман, являвшийся секретарем фюрера и руководителем партийной канцелярии. Поскольку Борман постоянно находился в ставке рядом с Гитлером, то именно он в годы войны стал фактическим «управляющим делами имперского правительства». Дело дошло до того, что в конце

войны уже Ламмерс представлял свои доклады Гитлеру через Бормана, а не наоборот, как это было до 1941 года.

Будучи профессиональным юристом и хорошим управленцем, Ганс Генрих Ламмерс довольствовался небольшим штатом опытных сотрудников, которые задали органам власти деловой, «прусский» стиль управления. Несмотря на то что функциональные обязанности имперской канцелярии были фактически безбразными, она делилась всего лишь на два управления, каждое из которых возглавлял министерский-директор. К числу ответственных исполнителей в рейхсканцелярии относились: три имперских кабинетных советника, три министерских советника и два правительственных советника. Об объеме работы говорит хотя бы тот факт, что только в 1933 году в имперскую канцелярию поступило 375 тысяч входящих документов, которые надо было не только обработать, отсортировать, но и во многих случаях подготовить соответствующие ответы. По большому счету четкая работа имперской канцелярии была налажена еще при правительствах Брюнинга и фон Папена. В типичном канцелярском стиле велась крайне педантичная работа с документами. Сотрудники уровня референтов, начальников отделов имели ясно обозначенный функционал, что позволяло избежать дублирования функций, а также сохранять «преданность» вышестоящему начальству. Путь документа от подготовки текста до его подписи, делавшей оный документ вступившим в силу, был четко отработан. Однако во всей этой процедуре, которая принципиально не поменялась при национал-социалистах, был один немаловажный, но в то же время весьма субъективный момент, а именно: доклад фюреру. Это было очень важное действие, посредством которого Ламмерс компенсировал отсутствие

постоянно собирающегося кабинета министров. О самих докладах известно очень немного, о них сохранились лишь короткие протокольные записи.

Ни одна из существовавших директив не регламентировала то, как должны были проходить доклады у Гитлера. Это делалось на усмотрение самого Ламмерса, который лично определял актуальность тех или иных тем, а также классифицировал их по степени важности. Подобная субъективность касалась не только политических проблем, но и вопросов спорта, которые так или иначе приходилось курировать рейхсканцелярии. Можно лишь отметить, что в докладах приоритет отдавался сюжетам, связанным с внешней политикой. В то же самое время внутривнутриполитические проблемы и персональные дела ставились на конец доклада. В некоторых случаях Ламмерс мог на некоторое время придержать те или иные документы, в первую очередь это касалось проблем, связанных с «борьбой компетенций», то есть с конфликтами, которые нередко возникали между отдельными партийными функционерами и государственными служащими. В каждом отдельном случае Ламмерс лично устанавливал регламент и сроки прохождения документа. В итоге все политические функционеры и даже имперские министры были вынуждены обращаться за помощью именно к Ламмерсу. Нередко начальник имперской канцелярии встречался и с представителями немецкого спорта. Так, например, председатель Немецкого имперского комитета по физической культуре Теодор Левальд, представлявший интересы Германии в Международном олимпийском комитете, очень часто созванивался с Ламмерсом, чтобы уточнить некоторые данные или узнать, был ли дан ход одному из подготовленных им документов.

Нельзя не отметить, что в стиле ведения дел Ламмерс и его сотрудники пытались занимать «нейтральную» позицию, то есть не выступали на стороне одной из многочисленных группировок, которые стали складываться в политическом руководстве рейха сразу же после 1933 года. Это позволяло им как бы находиться над «борьбой компетенций». Если говорить о подобных рамках в области спорта, то они, например, коснулись оберфюрера СС Христиана Вебера (о данном случае речь пойдет несколько позже). Но все-таки можно говорить о том, что Ламмерс, собственно, как и большинство служащих имперской канцелярии, благоволил к деятелям спорта. Это выразилось, в частности, в помощи в организации XI летних Олимпийских игр, которые были поддержаны имперской канцелярией. Аналогичную ситуацию можно было наблюдать, когда планировались зимние Олимпийские игры 1940 года. Усилия, которые приложили служащие имперской канцелярии, указывают, что они воспринимали спорт как весьма существенное явление, которое было возведено в ранг важных политических задач. Однако у самих деятелей спорта не было столь показательного единения. Еще в во времена Веймарской республики спортивные объединения ориентировались на развитие абстрактной «народной силы». Уже в 1933 году те же самые объединения взяли на вооружение националистические лозунги, которые преподносились с особым пафосом. Кроме этого в рейхсканцелярии не могли не учитывать, что спорт обладал огромным пропагандистским потенциалом. Вместе с тем приходилось учитывать некоторые особенности.

К тому моменту, когда национал-социалисты пришли к власти, немецкий спорт находился, мягко говоря, не в лучшем состоянии, во всяком случае, словосочетание «не-

мецкий спортсмен» едва ли могло произвести на кого-то в мире особое впечатление. Но это не помешало Немецкому имперскому комитету физической культуры заявить новым властям о своих «заслугах». Некоторые из руководителей спортивных союзов и организаций на свой страх и риск, минуя имперский комитет, пытались начать переговоры с гитлеровским правительством. Многие хотели заявить о своей преданности идеям национал-социализма через издаваемые спортивные газеты и громогласные заявления.

Но, прежде чем произошла жесточайшая централизация управления немецким спортом, которая сопровождалась не менее жесткой идеологической унификацией, имелось множество признаков того, что сами спортивные объединения давали радостное согласие на это. В немецких архивах сохранилось множество писем, адресованных «рейхсканцлеру Адольфу Гитлеру», в которых излагались «многолетние чаяния немецких гимнастических и спортивных союзов». Представители этих организаций показательно выпячивали свои националистические настроения, пытались обратить на себя внимание Гитлера, чтобы в будущем оказаться в «сиянии новой империи». Прошения, которые поступали в имперскую канцелярию в первые месяцы «национальной революции», в основном содержали в себе вполне конкретные просьбы. Часть из них касалась учреждения спортивными союзами почетных наград и премий. Приведем несколько наиболее показательных примеров. 8 марта 1933 года автомобильный клуб Мюнхена, «города, где родилось немецкое освободительное движение», просил у Гитлера средства на призы для победителей весенней автогонки. Рейхсканцелярия выделила на эти цели 300 рейхсмарок. 5 апреля Берлинское всеобщее объединение мотоспорта запрашивало сред-

ства на изготовление дипломов и медалей, посвященных «национальному возрождению Германии 1933 года». Было выделено 40 рейхсмарок. В петиции от 3 мая Дрезденский клуб мотоциклистов заявлял о желании учредить почетную премию для участников Немецкого уличного чемпионата. Показательно, что почти все принимавшие участие в нем были членами СА. Когда клубу было переведено 40 рейхсмарок, то в знак благодарности в рейхсканцелярию было направлено письмо, в котором говорилось о том, что отныне и впредь все соревнования, проводимые по линии клуба, «будут служить национальной объединительной идее».

Символическое вознаграждение просили даже совсем мелкие сельские стрелковые клубы, как это произошло, например, со стрелковым обществом Грюнвинкеля (Карлсруэ). Стрелковое общество Гармиша получило из Берлина 30 рейхсмарок для «партийца с билетом № 992854». Стрелковая гильдия «Хуберт» («Трир») ко Дню Потсдама, который традиционно проводился 21 марта, запросила средства на изготовление памятных значков, которые должны были «увечковечить великую победу объединенного немецкого рейха». Стрелковые клубы Висбадена называли свой город «оплотом национал-социализма на берегах прекрасного Рейна», за что им было переведено из канцелярии 20 рейхсмарок. Столичные стрелковые союзы претендовали 6 июня на грамоты, подписанные лично Адольфом Гитлером. В этой связи жители Берлина говорили о необходимости содействия военной подготовке и ставили перед собой цель «обучить мужчин правильно обращаться с оружием». Аналогичные заявления поступали и от генерала Кнута, который намеревался получить поддержку для возглавляемой им организации — Немецкой лаборатории ручного стрел-

кового оружия. Своей целью этот генерал в отставке видел «военную закалку немецкого народа», которая должна была производиться на специальных стрельбищах. Указанные объекты предполагалось также использовать при подготовке к Олимпиаде 1936 года. В своих запросах генерал Кнут был не столь скромнен, как его сельские коллеги. Так как его лаборатория занималась подготовкой инструкторов по стрельбе из состава НСДАП и «Стального плема», то запрашиваемая сумма составляла 150 тысяч рейхсмарок.

Надо сразу же отметить, что представители почти каждого вида спорта полагали свои «услуги» незаменимыми для «дела национальной революции». Наряду со стрелками и гонщиками в имперскую канцелярию нередко обращались представители конного спорта. 9 марта 1933 года Скаковой союз Тильзита задумал провести на местном ипподроме («с трибун которого можно было видеть Мемель») открытие скакового сезона в Восточной Пруссии. Победитель первых скачек с препятствиями должен был получить «Почетную награду Адольфа Гитлера». Берлин удовлетворил и эту просьбу, несмотря на то что запрашивалась совершенно нескромная сумма — 500 рейхсмарок. 12 апреля наездники из местечка Хальвер обратились в имперскую канцелярию с просьбой учредить почетную награду. Как и положено в данной ситуации, звучали гарантии, что члены спортивного клуба будут трудиться не покладая рук, «пока последний крестьянский сын не заставит служить своего коня и кусочек земли нашему любимому Отечеству». Скачки с препятствиями на «приз рейхсканцлера» проводились и в Ганновере. В письме от 12 апреля представители этого города увязывали свое спортивное мероприятие с «мощнейшим национальным подъемом».

Не оставались в стороне от этих процессов и легкоатлеты, которые также рассчитывали получить в свое распоряжение «почетные призы» либо финансовые средства на их приобретение. Например, Берлинский легкоатлетический клуб в качестве награды за 25-километровый пробег по имперской столице должен был вручить победителю картину с изображением Гитлера. Столичные легкоатлеты просили, чтобы фюрер лично поставил на ней автограф: «С радостью и признательностью». Однако в данном случае у Ламмерса возникли некоторые сомнения. Кроме этого к Ламмерсу обратились представители берлинского спортивного клуба «Комета». После того как была проверена политическая благонадежность этой организации, было выделено 50 рейхсмарок, которые должны были стать наградой для победителя марафа с полной выкладкой, в котором в том числе должны были принимать участие члены СА и «Стального шлема».

Немецкий спортивный легкоатлетический союз, осуществлявший всю деятельность на территории Восточной Пруссии и Данцига, приложил немало усилий к тому, чтобы получить финансовые средства для соревнований, которые были запланированы на 28 марта 1933 года. Дабы эта просьба выглядела более «убедительной», руководство упомянутого союза сообщало в имперскую канцелярию: «В наших рядах нет ни одного еврейского спортсмена». Министериаль-директор Рихард Винштайн выделил на эти цели стандартную для подобных ситуаций сумму — 50 рейхсмарок. Кроме этого можно отметить, что проявили некую активность и представители гребного спорта. Так, например, по образцу наездников из Тильзита гребцы из того же самого города просили у рейхсканцелярии «почетный переходящий кубок Адольфа Гитлера». И опять прозвучали слова о том, что

Тильзит располагался «на северо-восточной границе Германии, откуда можно было увидеть Мемель».

Кроме писем и петиций с просьбами в имперскую канцелярию от спортивных союзов также приходило огромное количество заявлений преданности и верности. Уже неделю спустя после того, как был принят закон о предоставлении Гитлеру чрезвычайных полномочий, что открыло путь к установлению национал-социалистической диктатуры, Немецкий плавательный союз через своего председателя, известного немецкого спортсмена Георга Хакса, направил один из таких «верноподданнических адресов». Этот документ, датированный 30 марта 1933 года, был приурочен к съезду плавательного союза, который проходил в Бреслау. Правление союза заявляло о том, что «потребуется от всех членов организации, чтобы они стали настоящими участниками народного сообщества, верно служили национальному движению, были преданы национальному правительству». 10 апреля в имперскую канцелярию прибыл документ от Немецкого спортивного ведомства легкой атлетики. В нем содержался не только отчет о проделанной работе, но помещались заверения в том, что в этой работе акцент делается на военно-спортивном направлении. Среди приносивших клятву верности Гитлеру были не только спортсмены-любители, но и представители академического спорта.

Штутгартское объединение академических гимнастических союзов 31 марта направило в имперскую канцелярию письмо, в котором выражало поддержку «национальному курсу на восстановление чести и военной свободы». Военно-спортивный комитет «Кёзенского конвента сеньоров» (традиционной студенческой корпорации) 1 июня пожелал, чтобы призы Адольфа Гитлера, которые вручались

после соревнований, производились только из немецкого железа. Ламмерс поддержал эту идею. Кроме этого телеграмму в имперскую канцелярию направило руководство Союза гимнастов, который мог по праву считаться одним из крупнейших спортивно-академических объединений. 29 июня 1933 года проходил общий слет этой организации, в котором принимали участие 16 тысяч человек. По этому поводу Гитлеру сообщалось, что все они «готовы безусловно следовать за ним, клянутся быть национал-социалистами, преданными старым принципам движения, осуществлять физическое и духовное воспитание молодых студентов, для чего готовы приложить все силы».

Даже эти немногие примеры показывают, насколько воодушевленно восприняли в спортивных и гимнастических союзах Германии «национальный курс», которым следовало новое имперское правительство. Однако, чтобы продемонстрировать свою преданность национал-социализму, использовался не его специфический лексикон, а вполне традиционная патриотическая фразеология, которая могла употребляться как во времена кайзера, так и при Веймарской республике. Если же говорить о самом стиле обращений, то они могли колебаться от наивных заверений, поступивших от сельских стрелковых клубов, до отточенных формул, предложенных предводителями конных клубов. Однако единой была предпосылка: в обмен на заверения в преданности спортивные объединения намеревались получить ответные знаки благодарности. Если мелкие объединения рассчитывали на деньги, то крупные спортивные союзы надеялись, что их интересы будут учитываться при выстраивании «новой политики». Однако в большинстве случаев все эти надежды были призрачными. Деньги, которые по-

ступали мелким спортивным союзам (от 20 до 50 рейхсмарок) более напоминали милостыню, нежели реальное финансирование. Сразу же надо отметить, что все эти средства переводились со счетов специального (резервного) фонда Гитлера. Ввиду того что каждая из этих сумм была весьма незначительной, сам собой возникает вопрос: стоило ли обрабатывать все эти письма и прошения, так как бюрократические издержки нередко были выше, нежели запрашиваемые средства? В любом случае в имперской канцелярии все эти документы тщательно изучались, систематизировались, собиралась соответствующая информация, во многих случаях были направлены ответы.

Однако Гитлер не всегда предпочитал экономить. Дабы понять, что указанные выше незначительные суммы пожертвований были не просто «вынужденной экономией», можно изучить дела позднего периода. В архивах сохранились документы, которые относятся к «сенсационному» случаю, произошедшему в 1938 году. Указанное происшествие не только позволит провести сравнение, но и выявить некоторые тенденции, относившиеся к финансированию немецкого спорта в годы национал-социалистической диктатуры. 6 августа 1938 года адъютант Гитлера передал Ламмерсу как начальнику имперской канцелярии следующее сообщение: «Фюрер предписал, чтобы мюнхенский банкирский дом «Мерки Финк» выделил 100 тысяч рейхсмарок попечительскому совету клуба “Коричневые ленты”». Позже Ламмерс в письме, адресованном президенту клуба Веберу, специально подчеркивал, что Видеман в телефонном разговоре лаконично добавил: «Сумма в 100 тысяч рейхсмарок была установлена лично фюрером. Последующей весной она должна быть вновь перечислена в том же

самом объеме». Как видим, Ламмерс в рейхсканцелярии получал распоряжения непосредственно из Оберзальберга. И эти приказы моментально выполнялись. Из документов следовало, что Гитлер на те же самые цели выделил только в 1939 году 250 тысяч рейхсмарок. В то же самое время имперская канцелярия ссылалась на недостаток денежных средств, когда речь заходила о финансировании «Ночи амазонок» — праздника, которое проводилось в парке замка Нимфенбург.

Данная ситуация примечательна двумя моментами. Во-первых, она заставляет задуматься о компетенции и степени влияния адъютантов фюрера, так как формально они не входили в число весомых персон Третьего рейха. Гитлер, вопреки всем налаженным связям, нередко прибегал к подобному способу передачи своих приказов. В условиях того, что Ламмерсу приходилось работать в обстановке конкурирующих между собой трех канцелярий (имперской, партийной и рейхспрезидента), то он был вынужден заручаться поддержкой адъютантов Гитлера. Во-вторых, кажется удивительным, что Гитлер, никогда не интересовавшийся проблемами клубного спорта, вдруг решил выделить столь крупную сумму на скачки, которые проводились клубом «Коричневые ленты». Едва ли фюрера вообще когда-то видели на скачках или на ипподроме.

Однако было бы ошибкой полагать, что скачкам в Германии не уделялось никакого внимания. Подобного рода мероприятия, организованные по высшему классу, всегда притягивали к себе множество зрителей. В Мюнхене, который считался «столицей национал-социалистического движения», скачки рассматривались едва ли не в качестве партийно-политической задачи. Об этом хотя бы свидетель-

ствуется один пример. В августе 1940 года имперский министр сельского хозяйства Рихард Вальтер Дарре возмущенно сообщал в имперскую канцелярию, что гауляйтер Рихард Вагнер распорядился передать во временное распоряжение клуба «Коричневые ленты» двух чистокровных жеребцов: Черное Золото и Октавиана. Проблема заключалась в том, что владельцами жеребцов были братья Оппенхаймы, которые в соответствии с нюрнбергскими законами не могли считаться «арийцами». Поскольку коричневый цвет считался партийным, то Дарре был возмущен, что в клубе, который ассоциировался в первую очередь с НСДАП, имелись жеребцы неарийских хозяев. Однако в событиях 1938 года нас должно интересовать совершенно иное, а именно фигура президента клуба «Коричневые ленты» Христиана Вебера. Уже после окончания Второй мировой войны в своих воспоминаниях «придворный архитектор» Гитлера Альберт Шпеер вспоминал, что к фюреру было позволено обращаться на «ты» только четверем людям. Все четверо были из числа «старой гвардии движения». К их числу принадлежал и бывший вышибала Христиан Вебер. Ему удалось сделать карьеру в СС, но, несмотря на это, он продолжал содержать заведение, пользовавшееся «сомнительной репутацией». О том, насколько Гитлер дорожил Вебером, показывает следующий пример. Во время «ночи длинных ножей» в Мюнхене были казнены все, кто пытался обличать Вебера и критиковать его в связи с тем, что тот владел сомнительным заведением. Среди казненных был священник Штемплер, которого многие считали первым редактором гитлеровской «Майн кампф». Сам же Вебер после 1934 года не проявлял никакой политической активности. Но это отнюдь не значило, что Гитлер утратил к нему доверие. Например, именно

Веберу было поручено нести символическую охрану во время встреч «ветеранов движения», происходивших в мюнхенской пивной «Бюргербройкеллер». Кроме этого именно Вебер был организатором всех крупных скачек в Мюнхене. В итоге нет ничего удивительного в том, что Гитлер в 1938 году внезапно распорядился передать конному клубу «Коричневые ленты» очень крупную сумму денег. Для подобного рода решений не требовалось логичного обоснования. Такие акты были «волевым решением фюрера», которые нельзя было ни обсуждать, ни оспаривать.

Как уже говорилось выше, многие немецкие спортивные объединения уже в 1933 году были готовы к принудительному сливанию и идеологической унификации. Однако в тот год спортивной жизнью Германии все еще продолжал руководить имперский комитет физической культуры. Эта организация появилась на свет в 1917 году, являясь детищем руководителей целого ряда «гражданских» гимнастических союзов. Руководителем штаба комитета был назначен Ганс фон Чаммер. Это была весьма противоречивая фигура. В свое время в ФРГ о нем предпочитали говорить как о «крупнейшем спортивном деятеле Европы», в то время как в ГДР называли не иначе, как «Геббельсом от спорта».

Проблема также заключается в том, что некоторые германские историки не проводили принципиальных различий между Немецким имперским *комитетом* физической культуры и Немецким имперским *союзом* физической культуры. Действительно, формально имперский союз можно считать наследником имперского комитета. Однако уже в 1937 году идеологи национал-социалистического спорта писали об «опустошительных результатах, которые были следствием либерально-марксистского мировоззрения», которого яко-

бы в свое время придерживалось руководство имперского комитета физической культуры.

Кроме этого с 1919 года Немецкий имперский комитет физической культуры возглавлялся людьми, которых едва ли можно было назвать «стопроцентными арийцами». В итоге уже в 1933 году эта организация стала подвергаться многочисленным нападениям в национал-социалистической прессе. Перед руководством комитета встала весьма насущная задача: доказать необходимость дальнейшей деятельности организации. В этой связи можно считать удачным тактическим ходом, когда руководство имперского комитета оказалось включено в состав Олимпийского организационного комитета, который должен был заняться подготовкой Олимпиад, проводимых в 1936 году на территории Германии. В имперской канцелярии прекрасно понимали, насколько важны были Олимпийские игры (летние и зимние), а потому Гитлер был вынужден выразить свою признательность руководству Немецкого имперского комитета физической культуры за проделанную работу. В ответ на это 25 марта 1933 года Теодор Левальд (президент комитета), Александр Доминикус (первый председатель комитета) и Феликс Линнеман (второй председатель комитета) заверили нового рейхсканцлера: «Имперский комитет физической культуры сохранит свою верность прошлым установкам и приложит все силы для того, чтобы содействовать национальному обновлению, которое мощным потоком сегодня накрыло всю Германию. Пусть гимнастическое движение небольшими ручейками и речушками сольется в столь же мощный поток, который будет способствовать увеличению силы молодежи, укреплению национального мышления, воспитанию могучего поколения людей». Однако как новые властители

могли воспринять эту патетическую метафору? Это была обычная буржуазно-патриотическая фразеология, в которой не было никаких признаков духовно-политического «щерлома». Впрочем, имперскому комитету все-таки была предоставлена возможность выразить свою солидарность с «новым правительством».

К слову сказать, положение имперского комитета было не столь уж безнадежным, как, например, «Центральной комиссии по вопросам рабочего спорта и личной гигиены», — эта организация была распущена, что фактически поставило крест на так называемом рабочем спорте, который традиционно курировался левыми организациями. Но «рабочие спортсмены» решили пойти на хитрость: после роспуска «Центральной комиссии» ее руководство добровольно влилось в состав Немецкого имперского комитета по физической культуре. До 1933 года «рабочий спорт» держал дистанцию от спорта «буржуазного». Марксистская историография в свое время конечно же клеймила подобные маневры как «подлое предательство со стороны социал-демократии», но едва ли у «Центральной комиссии по вопросам рабочего спорта» имелась хоть какая-то альтернатива. Принимая во внимание политическую нестабильность 1933 года, нельзя отрицать, что принятие под свой патронаж «марксистских» спортсменов было крайне рискованным шагом. Однако руководство имперского комитета решило не отказывать им. Впрочем, даже в данной ситуации требовались определенные условности и хитрости. Так, например, сразу же после этого руководство комитета направило в министерство внутренних дел меморандум, в котором говорилось о «сохранении в чистоте отечественного гимнастического и спортивного движения».

Все эти мероприятия были направлены на то, чтобы уже имевшееся руководство имперского комитета усилило свои позиции. А это было немаловажно в преддверии общего собрания комитета. Руководство комитета было по-своему прозорливым, когда назначило на 12 апреля 1933 года внеочередное общее собрание имперского комитета. Было ясно, что спортивное движение в Германии находилось накануне значительных трансформаций, а потому надо было застолбить место в системе «новой Германии». Руководители комитета были опытными политиками, которые могли использовать свой прошлый опыт. Так, например, Тсодор Левальд был, кроме всего прочего, тайным советником и статс-секретарем, Феликс Линнеман был советником криминальной полиции, а Александр Доминикус даже некоторое время в Веймарской республике занимал пост прусского министра. Административный опыт позволял им почувствовать, что надо было заявить о своей лояльности новому режиму. После того как состоялась телефонная беседа, 8 апреля 1933 года Левальд направил Ламмерсу в имперскую канцелярию письмо следующего содержания: «Поскольку господин рейхсканцлер предельно занят, то мы не смеем надеяться, что он сможет обратить личное внимание на данное мероприятие. По этой причине мы хотели бы обратиться к Вам с просьбой. Нам бы очень хотелось получить от господина рейхсканцлера телеграмму, в которой было бы рассказано о том, какое значение имеет физическая культура для новой Германии». Несмотря на то что в имперском комитете прекрасно понимали, что Гитлер едва ли «удостоит» личным присутствием общее собрание организации, ему тем не менее было направлено приглашение. В нем, в частности, говорилось, что комитет был готов при-

соединиться к «решению вопросов и проблем, жизненно важных для немецкой народности». Однако эти реверансы были напрасными. Имперская канцелярия не обеспечила ни ожидаемую телеграмму, ни присутствие Гитлера или его представителей. В итоге Немецкому имперскому комитету физической культуры оставалось только гадать, что же новые власти планировали в области спорта.

Между тем национал-социалистическая пресса, пребывавшая под воздействием «национальной революции», громко возмущалась тем, что спортивную жизнь «могли оккупировать буржуазные консерваторы». Больше всего «тревожились» газеты и журналы, издание которых курировалось непосредственно Геббельсом. «Доктор-малютка», как за глаза звали Геббельса, всегда тяготел к псевдореволюционной патетике. А потому он не уставая критиковал Теодора Левальда и Карла Дима, который в то время был генеральным секретарем имперского комитета физической культуры и генеральным секретарем организационного комитета по подготовке XI Олимпийских игр. В начале апреля 1933 года разрозненные нападки на этих двух человек превратились в полномасштабную пропагандистскую кампанию, которая была направлена против Немецкого имперского комитета физической культуры и его «неарийского руководства».

Несмотря на то что Гитлер, исходявший из интересов организации будущей Олимпиады, несколько раз пытался остановить волну нападков, Теодор Левальд решил подать в отставку с поста президента имперского комитета физической культуры. Сделано это было для того, чтобы не мешать вращению комитета в новую политическую систему. Однако за два дня до знаменательного заседания один из председателей

Олимпийского организационного комитета, обер-бургомистр Берлина Генрих Зам, обратился в имперскую канцелярию с просьбой разобраться с «делом Левальда» на «самом высшем уровне». Проблема заключалась в том, что в уставе Немецкого имперского комитета физической культуры было прописано, что президент комитета автоматически являлся президентом Олимпийского организационного комитета. В этой связи отставка Левальда только с поста президента комитета вынуждала внести соответствующие изменения в устав организации. Поскольку и Гитлер, и Гинденбург были заинтересованы в том, чтобы Левальд и далее находился во главе комитета по организации XI Олимпийских игр, то возникала весьма запутанная ситуация. Однако к мнению Генриха Зама в рейхсканцелярии не прислушались. Причина этого, скорее всего, крылась в том, что он стал обер-бургомистром Берлина в 1931 году, то есть еще во времена республики. Кроме этого Генрих Зам не был членом национал-социалистической партии, а потому его властные позиции ослабевали едва ли не с каждым днем. Между тем, несмотря на все старания, Немецкий имперский комитет физической культуры так и не получил никаких указаний из имперской канцелярии. На практике это означало, что его дальнейшая судьба выглядела весьма неопределенной. Впрочем, некоторые из спортивных функционеров совершенно неверно истолковали эту тенденцию. Они решили, что в эпоху «фюрерского государства» спорту была предоставлена некоторая самостоятельность. То есть отсутствие прямых директив было воспринято как признак того, что государство якобы не намеревалось вмешиваться в сферу спорта и физкультуры.

О ходе внеочередного общего собрания имперского комитета физической культуры, которое происходило 12 апре-

ля 1933 года в зале пленарных заседаний Имперского министерства экономики, в документах имперской канцелярии сохранилось всего лишь несколько коротких упоминаний. Впрочем, германским историкам удалось реконструировать события того дня. Представители отдельных спортивных объединений, которые входили в состав комитета, стали собираться еще накануне. Судя по всему, это делалось для того, чтобы заранее выработать текст общего заявления. Однако за несколько часов до начала общего собрания его демонстративно покинул руководитель «Немецкого турнершафта» — одного из крупнейших и политически весомых спортивных объединений Германии. В письменном заявлении он изложил свою позицию. Столь резкий шаг был вызван тем, что указанный руководитель «не считал возможным принимать участие в мероприятии, в котором для заявления не было предоставлено слова немецким гимнастам». С самого начала было понятно, что на общем собрании должен был разразиться скандал. Это подтверждали заголовки некоторых газет. В одной из них статья, посвященная общему собранию имперского комитета, называлась «Много руководителей — и ни одной мысли». В ней журналист указывал, что «к сожалению, опасения гимнастов оказались оправданными». Эдмунд Нойендорф, который возглавил «Немецкий турнершафт», буквально за несколько дней до собрания, где он учинил первый из скандалов, предельно точно знал, что и почему он делает. Уже в 1934 году в одной из статей он сообщал публике: «Я хотел добиться объединения гимнастических и физкультурных организаций в один большой и сплоченный «Немецкий спортивный союз». В рамках этого союза должен был учитываться опыт всех объединений, но тон должны были задавать члены «Турнер-

шафта». «Немецкий спортивный союз» должен был предоставить себя в распоряжение Адольфу Гитлеру, став наряду с СА и «Стальным шлемом» третьей восприимчивой национальной организацией». Эта идея отнюдь не была спонтанной. Нойендорф с конца марта 1933 года вел переговоры с видными деятелями партии, государства и рейхсвера. Позже Ганс фон Чаммер справедливо отметит, что подобные надежды были иллюзорными, а Нойендорф был «наивным идеалистом, полагавшим, что спортивная жизнь будет вздоравливать столь же быстро, как и Германия в целом».

В любом случае, когда началось общее собрание, то руководству имперского союза физической культуры пришлось на себе почувствовать, что ему придется вести дела не с неким «организационным сепаратизмом», а с людьми, которые даже не намеревались скрывать свою враждебность. В первую очередь себя «проявили» члены СА, состоявшие в спортивных союзах. Устроенная ими обструкция была описана Карлом Димом: «По прошествии некоторого времени облаченные в униформу СА люди стали мешать заседанию. Они кричали: “Евреи воп!” Но Левальд все-таки открыл заседание. Как мы и договаривались, ранее он объявил о своей отставке и передаче полномочий бургомистру [Дуисбруга] Джарресу. У меня было чувство, что этот превосходный человек не должен был иметь ничего общего с этой распоясавшейся бандой. К несчастью, он остался в зале, хотя было бы правильнее покинуть его. Не было никакого сомнения, что скандал был заранее спланированным». В одном из описаний даже сохранилось упоминание о том, кто «дирижировал» всей этой заварухой, Карл Дим упомянул имя Карла Крюммеля. Карл Крюммель был не просто руководителем одной из спортивных школ и шефом подго-

товительных курсов в СА, в марте 1933 года он выступил с инициативой, чтобы именно его назначили на должность имперского комиссара по делам спорта. Если верить Карлу Диму, то Крюммелю оказывал немалую поддержку генерал Райхенау. Позиция Крюммеля была предельно проста: спорт в его представлении должен был являть собой смесь милитаризма и «духа СА». Впрочем, годы спустя подобный подход отчасти оказался востребованным.

После того как Карлу Диму удалось призвать к порядку всех присутствовавших на мероприятии, общее собрание продолжило свою работу. Левальд был назначен почетным членом имперского комитета физической культуры. После этого предводитель немецких легкоатлетов Карл Риттер фон Хальт обратился к нему с просьбой сохранить за собой пост главы организационного комитета XI Олимпийских игр. Затем была оглашена резолюция общего собрания. Ее объявил начальник окружного управления Паули. В резолюции значилось: 1) признание национального подъема; 2) акцентирование на необходимости сохранения добровольности физической культуры; 3) актуальная насущность в появлении государственных директив, касающихся военно-спортивной подготовки. Уже из структуры видно, что документ страдал внутренними противоречиями. С одной стороны, физкультурники и спортсмены были готовы подключиться к реализации «новой политики», с другой стороны, они выражали несбыточные надежды на то, что национал-социалисты позволят спортивным объединениям в будущем сохранить «свободное самоуправление». После того как закончилось внеочередное общее собрание Немецкого имперского комитета по физической культуре, было принято решение направить имперскому правительству телеграмму, в которой

бы звучали «национальные заверения». В итоге несколько дней спустя на стол к Ламмерсу попала депеша, в которой значилось: «Немецкое гимнастическое и спортивное движение, которое на протяжении многих лет неутомимо вело бескорыстную работу во имя патриотических целей, готово всеми силами поддержать деятельность по национальному возрождению Германии. Господин рейхсканцлер, мы предлагаем Вам стать покровителем Немецкого имперского комитета физической культуры и всего немецкого спорта».

Однако, как сейчас уже известно, в 1933 году Гитлер вовсе не стал себя позиционировать как «покровитель немецкого спорта», он отнюдь не намеревался тормозить «революционные процессы», которые шли в немецком обществе. Более того, он планировал ввести должность Имперского комиссара по делам спорта, который должен был заняться беспощадной унификацией всех имевшихся в Германии спортивных и гимнастических объединений. Во всяком случае, на телеграмме, которая поступила в рейхсканцелярию от имперского комитета, имелась пометка: «Господин рейхсканцлер введен в курс дела и оставил принятие решения за собой». Еще более показательными являлись события второй половины апреля 1933 года. Рихард Винштайн буквально накануне назначения Чаммера по пост Имперского комиссара по делам спорта рекомендовал своим коллегам по рейхсканцелярии более не отвечать ни на одну телеграмму, поступавшую от физкультурных союзов. Причиной этого было названо скорейшее появление принципиально новой организации.

Необходимо отметить, что из всего имперского правительства интерес к вопросам спорта проявлял в начале 1933 года только министр внутренних дел Вильгельм Фрик.

Именно он использовал свое влияние на Феликса Линнемана, чтобы убедить общее собрание не избирать нового президента имперского комитета по физической культуре. Делалось это со ссылкой на «планы правительства, намеревавшегося провести обширные реформы». В итоге все дискуссии относительно структуры спортивного движения в Германии оказались безрезультатными. Общее собрание имперского комитета смогло лишь избрать специальную комиссию, которой было поручено дальнейшее ведение переговоров с гитлеровским правительством. В состав этой комиссии вошли: Нойендорф, Паули и Линнеман. Все трое уже не раз демонстрировали не просто лояльность новым властям, но поддерживали их из идейных соображений. Как уже говорилось выше, Эдмунд Нойендорф намеревался превратить «Немецкий турнершафт» в военизированное формирование национал-социалистической партии, сделать эту организацию неким подобием СА. Паули же говорил о представителях немецкого весельного спорта как «о верной свите Адольфа Гитлера». Феликс Линнеман видел задачу возглавляемого им футбольного союза в том, чтобы сделать всех членов организации «истинными народными товарищами национал-социалистического государства». Именно эти трое сыграли по-своему роковую роль, способствуя возвышению Чаммера.

28 апреля 1933 года Ганс фон Чаммер (полное имя Ганс фон Чаммер унд Остен), ранее никому не известный предводитель саксонских СА, получил от имперского министра внутренних дел задание «сплотить расколотое немецкое гимнастическое и спортивное движение», «избавив его от гово-
рильни несогласных через систему политического воспитания». В документах рейхсканцелярии сохранилось множество

сведений, которые касались развития этого процесса. 1 мая 1933 года Чаммер заявил о том, что у него была подготовлена специальная программа унификации. А уже три дня после этого последовало заявление, что «унификация спортивных союзов шла полным ходом». Решающее событие произошло 10 мая 1933 года. В тот день немецкая пресса опубликовала официальное уведомление: «После предварительных консультаций с Имперским комиссаром по делам спорта Гансом фон Чаммером унд Остеном сформированная 12 апреля на внеочередном общем собрании комиссия в составе профессора Нойендорфа, советника криминальной полиции Ф. Линнемана и начальника окружного правления Паули решила распустить Немецкий имперский комитет физической культуры. Имперский комиссар по делам спорта поддержал это решение. Все служащие имперского комитета освобождены от занимаемых должностей. Согласно §12 устава имперского комитета, все его имущество в случае ликвидации организации отходит государству. Лучше всего с пользой для спорта оно будет употреблено Имперским министерством внутренних дел». Собственно, в этом сообщении есть один момент, на который надо обратить отдельное внимание: никто не давал «триумвирату» права роспуска организаций, равно как управления делами имперского комитета, его всего лишь уполномочили вести переговоры с правительством.

В любом случае в своем последнем информационном бюллетене, который был выпущен Немецким имперским комитетом физической культуры в мае 1933 года, не было ни намека на возмущение. Более того, составлявший его автор пытался оправдать действия комиссии, ликвидировавшей организацию: «Общее собрание Немецкого имперского комитета физической культуры поручило специально

уполномоченным членам правления заняться преобразованием сферы немецкой гимнастики и немецкого спорта, что должно проводиться в теснейшем сотрудничестве с Имперским комиссаром по делам спорта, что, в свою очередь, должно облегчить ему перестройку немецкого спорта. В итоге Немецкий имперский комитет физической культуры в его нынешней форме прекращает свою деятельность». Чтобы снять возникшую напряженность и устранить опасения некоторых из спортивных функционеров, пресс-служба Имперского комиссара по делам спорта распространила специальное обращение, в котором сообщалось, что имперский комитет «прекратил деятельность всего лишь как самостоятельная организация, что стало итогом учета звучащих пожеланий». В итоге трое людей, ликвидировавших имперский комитет, настолько хорошо замаскировали свою деятельность, что даже Карл Дим затруднялся описать, как развивались события в реальности. Он сообщал в своих записках: «Наверное, Нойендорф и Линнеман сразу же стали выстраивать отношения с Чаммером, как только того назначили Имперским комиссаром по вопросам спорта. Судя по всему, Паули не сразу присоединился к ним». В этой версии есть своя доля истины, так как Феликс Линнеман в качестве председателя Немецкого футбольного союза приложил немало усилий, чтобы возвысить Чаммера. Сам же Карл Дим, которому было суждено сыграть немалую роль в истории немецкого спорта, отнюдь не безропотно воспринял новость о ликвидации комитета. Однако, несмотря на протесты, он был вынужден передать вверенные ему документы штурм-хауптфюреру СА Фрицу Мильднеру, который в 1933 году был введен в состав «Имперского союза руководителей немецкого спорта».

Глава 2

СПОРТ ПОД ЕДИНЫМ ЗНАМЕНATEЛЕМ

Смена власти в Германии имела далеко идущие последствия не только для немецкого спорта, но и лично для Карла Дима. В последние годы существования Веймарской республики он выполнял три различные функции, которые позволяли ему зарабатывать на жизнь. Во-первых, Карл Дим занимал должность проректора Немецкого института физической культуры. Во-вторых, был генеральным секретарем Немецкого имперского комитета физической культуры. В-третьих, являлся генеральным секретарем созданного в январе 1933 года организационного комитета, занятого подготовкой Олимпийских игр 1936 года. Если говорить о первой должности, то тревожный звонок прозвучал, когда в начале 1933 года представитель национал-социалистического студенчества объявил преподавательскому составу Немецкого института физической культуры, что в самое ближайшее время учебное заведение ожидают «самые серьезные перемены». Подобного рода заявления были санкционированы прусским министром Бернхардтом Рустом (позже имперский министр воспитания, науки и народного образования). Когда 1 мая 1933 года Карл Дим открыл новый учебный семестр своим традиционным обращением к студенчеству, то он еще не знал, что его увольнение с поста проректора института уже давно значилось в планах национал-социалистического руководства. Буквально несколько часов спустя после того, как Карл Дим произнес свою речь, его пригласил к себе ректор института профессор Зауэрбрух. Диму было рекомендовано «взять отпуск» на

весь ближайший семестр. Таким способом Зауэрбрух хотел успокоить студенчество, состоявшее в то время в основном из молодых национал-социалистов, которое выражало крайнее недовольство «интернационализмом» Карла Дима. Однако Дим не прислушался к данному совету. Это имело своим следствием то, что он был вынужден вообще оставить пост проректора института. Он лишился не только поста, но и был отстранен от преподавательской работы, которую считал смыслом своей жизни. Кроме этого подобного рода изменения имели для Дима весьма неблагоприятные финансовые последствия — он лишился заработной платы, которая составляла 3 тысячи рейхсмарок в год.

В своих воспоминаниях, которые Карл Дим написал уже после окончания Второй мировой войны, он предположил, что стал жертвой своеобразного заговора, который организовали национал-социалистические студенты и Карл Крюммель, который, кроме всего прочего, являлся сотрудником ректората. Напомним, что Карл Крюммель в 1933 году мечтал о том, что займет пост Имперского комиссара по делам спорта. На практике же ему удалось лишь возглавить структуру, которую с некоторыми оговорками можно считать преемницей Немецкого института физической культуры. Речь идет об Имперской академии физического воспитания. В этом предположении нет ничего нереального. Крюммель всеми силами пытался устранить конкурентов из различных областей спорта, а потому кажется вполне правдоподобным, что он спровоцировал отставку Карла Дима с поста проректора института. К тому же не надо забывать о том, что Дим не был сторонником политизированного подхода к обучению в институте физической культуры. Новое же руководство Германии, напротив, полагало, что все обучение и вос-

питание в рейхе должно было быть проникнуто идейным духом национал-социализма. Хотя бы по этой причине из многих высших учебных заведений во время «национальной революции» пытались удалить не только «либералов» и «марксистов», но и «консерваторов».

Не меньше проблем возникало и с должностью Карла Дима, которую тот занимал в Немецком имперском комитете физической культуры. Будучи генеральным секретарем комитета, он получал ежегодное жалованье в размере 18 тысяч марок, что полностью соответствовало заработной плате министриаль-директора. Причем подобное денежное содержание Карл Дим должен был получать вплоть до достижения возраста 65 лет. Втайне Дим надеялся, что национал-социалисты оценят его прошлые заслуги перед немецким спортом и оставят в его реорганизованной структуре. Хотя бы по этой причине Дим в своих обращениях и письмах к новым властителям акцентировал внимание на том, что «всегда пытался делать немецкий спорт национально ориентированным и пригодным для военных целей». Кроме этого ему пришлось согласиться на то, чтобы распространить «фюрер-принцип» на всю сферу спорта. Об этом свидетельствует статья Дима, которая была опубликована в свое время в сборнике «Олимпийский огонь». Дим предусмотрительно утверждал, что представленная в указанном сборнике статья была написана им в 1923 году. Называлась она «Тоска по вождю». Якобы в основу этого материала была положена речь, произнесенная Димом перед студентами Немецкого института физической культуры на открытии зимнего семестра 1923—1924 годов. В ней содержался следующий пассаж: «Когда мы сегодня произносим слово «вождь», то подразумеваем не полководца, не воен-

ного командующего, а совершенного руководителя, относящегося ко всем сферам политики, общественной жизни и свободного труда».

Дим всеми силами пытался показать, что еще в годы Веймарской республики использовал в своей деятельности многие национал-социалистические идеи. Кроме пресловутого «вождизма» он указывал на антиинтеллектуализм, акцентирование внимания на национальном сообществе, прославление армии, антикоммунизм. В этом отношении весьма показательной является его статья «Немецкое молодежное движение», которая была написана в 1932 году, то есть за год до прихода Гитлера к власти. В ней Карл Дим уделял большое внимание «огромному патриотическому размаху», который Италия приобрела при Муссолини. Особое восхищение у Дима вызывали так называемые десять заповедей дуче. В завершении статьи Дим писал: «Не надо быть пророком, чтобы предсказать победу национального молодежного движения, так как его идеалы обращены в вечность. В то же самое время социалисты страдают от самопрославления, а коммунизм умирает в силу своей интеллектуальной нищеты». Кроме этого Карл Дим никогда не скрывал, что с презрением относился к парламентской системе. Наиболее ярко эта антипатия нашла свое выражение во время выборов рейхспрезидента, на которых Карл Дим агитировал в пользу Пауля фон Гинденбурга. В 1932 году в одной из немецких газет Дим писал: «Мы должны быть счастливы, что институт президентства никак не привязан к партийно-парламентской системе». Дим не делал никакой тайны из того, что, по его мнению, «для Германии было бы оптимальным вернуть монархию». Однако он не мог отрицать того, что крушение немецкой монархии не было беспричинным,

а потому Германии приходилось жить в условиях демократии. Но это отнюдь не делало парламент в глазах Карла Дима привлекательным институтом, а потому «демократию» он понимал весьма специфически: «Если при автократии самодержец господствует над всеми, при фашизме одна группа — над всеми прочими, то при демократии большинство правит меньшинством». Однако Карл Дим всегда пренебрежительно относился к идеям «народного суверенитета». Он не верил, что народ мог правильно выбрать себе путь. Этот путь ему должны были указывать грамотные специалисты, образующие прослойку нравственных руководителей (вождей).

Несмотря на то, что с 1922 года Карл Дим состоял в умеренно консервативной Немецкой народной партии, он никогда не являлся сторонником идей парламентской демократии. Об этом он открыто заявил 18 апреля 1933 года: «Я никогда не был демократом». Нельзя отрицать, что ориентация на авторитарное государство и его ценности позволили Диму более-менее успешно вырасти в систему Третьего рейха. Но в то же время нельзя не признавать, что антидемократические взгляды еще не являлись залогом успешной карьеры в национал-социалистическом государстве, тем более что Дим с начала еще 30-х годов не слишком лицемерно отзывался о Гитлере. И причем делал это публично. Например, в 1932 году во время чтения лекций в институте физической культуры он предостерегал своих студентов от чрезмерной «увлеченности» Гитлером: «Едва ли мне доставляет радость, когда при слове «фюрер» возникает дикий восторг. Я не верю, что фюрером можно стать на основании процентов голосов, полученных на выборах. Это является самой неподходящей формой, чтобы пробудить истинного

вождя. В этих призывах чувствуется что-то женское, в них слишком проявляется готовность повиноваться». Но, скорее всего, Карл Дим скептически относился к Гитлеру в силу того, что фюрер был радикальным антисемитом. У Дима было несколько причин, чтобы отрицать антисемитизм. Во-первых, у его жены Лизелотты была бабушка-еврейка, то есть в соответствии с расовыми законами национал-социалистов она считалась «на четверть еврейкой». Во-вторых, во время организации поездок германской сборной за рубеж Диму не раз приходилось обращаться за помощью к предпринимателям-евреям. Например, спонсорскую помощь и в 1928, и в 1932 годах ему оказывал дом одежды «Адам». Но Карла Дима сложно было бы укорить в неблагодарности. В годы национал-социалистической диктатуры он не только не отвернулся от своих друзей-евреев, но даже пытался им всячески помогать.

После того как стало ясно, что Немецкий имперский комитет физической культуры прекратит свое существование, Карл Дим стал искать новое место работы. В качестве такого он видел Имперское министерство труда. Именно туда 25 марта 1933 года Дим подал специально подготовленную программу, претендуя на должность «руководителя спорта». Весьма показательна дата, когда был сделан этот шаг. За два дня до этого, 23 марта, Гитлеру были предоставлены чрезвычайные полномочия. Можно предположить, что Дим предвидел, что новый канцлер со временем станет диктатором. Некоторые места из представленной в министерство труда программы по своей стилистике весьма напоминали национал-социалистическую риторику. Приведем несколько примеров: «Физическая культура во всех народных кругах и возрастных группах должна быть унифицирована с

учетом общенациональной точки зрения, что имеет своей целевой установкой воспитание здорового и сильного поколения. Спорт должен стать средством национального воспитания... Необходимо осуществить полную унификацию всех органов и учреждений, что должно содействовать единообразному физическому воспитанию... Внедрение в школах обязательных ежедневных уроков физкультуры... Спортивная нагрузка для всех студентов 4-го семестра обучения должна составлять не менее четырех часов в неделю. Во время отдыха на каникулах для них обязательно участие в военно-спортивных занятиях. Национальная одержимость спортом».

Невзирая на то что программа Карла Дима нашла поддержку не только в министерстве труда, но и в военных кругах, в частности в министерстве по делам рейхсвера, она так и не была принята. Причин этого может быть несколько. С одной стороны, внутри самой национал-социалистической партии началась борьба между отдельными личностями и группами, которые стремились занять ключевые позиции в государстве. Карл Дим сделал неверную ставку. Он предпочел опираться на рейхсвер, в то время как верх одержало Имперское министерство внутренних дел, возглавляемое национал-социалистом Вильгельмом Фриком. С другой стороны, причина могла крыться в самой личности Карла Дима. Со своими консервативно-националистическими взглядами он считался представителем ушедшей в прошлое политической системы. Однако в начале 1933 года представители консервативных кругов все еще верили в то, что смогли бы в перспективе «приручить» Гитлера, ограничив его диктаторские притязания. Реакция национал-социалистического руководства на подобные попытки была предельно жесткой.

Уже к середине 1933 года все важные должности и посты в политической и общественной сфере были заняты исключительно национал-социалистами. Спорт не был исключением. Только так можно объяснить то, что контроль над спортивной жизнью Германии был поручен ранее никому не известному выходцу из СА Гансу фон Чаммеру.

Однако Карлу Диму нельзя отказать в настойчивости. Он решил продолжить свою деятельность даже после того, как оказался распущен Немецкий имперский комитет физической культуры. Он смог сыграть на слабостях Чаммера, который не имел достаточных организационных навыков в сфере спорта. Выполняя свои прежние функции, но уже в аппарате Имперского комиссара по вопросам спорта, Дим не только сохранил свою зарплату, но и смог «укрепить» свою репутацию в среде «революционных» национал-социалистов. Поскольку имперский комитет прекратил свою деятельность, то его место должна была занять новая организация. На некоторое время таковой стал «Имперский союз руководителей немецкого спорта», который был учрежден 12 июня 1933 года. Однако это была переходная организационная форма, главная задача которой заключалась только в том, чтобы подготовить полную реорганизацию и унификацию немецкого спорта, что должно было сопровождаться созданием новой имперской организации. Членами «Имперского союза руководителей немецкого спорта», как правило, были люди, до этого работавшие в составе имперского комитета физической культуры. Однако подбор был поручен лично Чаммеру, а кроме этого все члены «Имперского союза» (кроме самого Чаммера) не имели права принимать решения, они обладали лишь правом совещательного голоса. Однако внедрение «фюрер-принципа» в область

спорта поначалу мало что изменило. Канцелярия бывшего имперского комитета стала канцелярией имперского союза, почти не изменился и состав технического персонала. Неделю спустя после создания «Имперского союза руководителей немецкого спорта» Карл Дим уже претендовал на должность генерального секретаря этой организации.

Однако в последующие полгода Диму пришлось сосредоточиться совершенно на иных задачах. Во-первых, он вынужден был решать множество проблем, связанных с подготовкой Олимпиады. Во-вторых, его ожидала трехмесячная командировка в Турцию, в которой Карл Дим по поручению имперского правительства выступал в качестве консультанта. Теперь ему приходилось применять национал-социалистические принципы — вождизм, унификация и ориентация на военную службу — уже при организации спортивной жизни в этой восточной стране. В силу того что Дим постоянно находился в иностранных разъездах, он фактически был отстранен от принятия важнейших решений по вопросам организации немецкого спорта. Несколько позже критики из числа догматичных национал-социалистов поставят Диму в упрек, что тот «не сумел наладить живой контакт с имперским руководителем спорта¹». Словно желая опровергнуть эти упреки, Карл Дим в личных беседах выражал полную солидарность со всем, что заявлял Ганс фон Чаммер. В записях управления физической культуры Имперского министерства внутренних дел значилось: «Он в любое время был готов предоставить себя в распоряжение Имперского руководителя спорта в качестве личного

¹ Так стала называться новая должность Ганса фон Чаммера унд Остена.

консультанта». Сам же Чаммер вовсе не намеревался отказываться от помощи, которую мог предоставить ему Карл Дим. Едва ли бывший штурмовик мог обладать столь же широкими связями в области спорта, как бывший генеральный секретарь имперского комитета физической культуры. Компетентность Карла Дима едва ли кто-то мог оспорить.

23 января 1934 года был учрежден Немецкий имперский союз физической культуры. Однако это было сугубой формальностью, так как структура организации не была четко прописана, а сфера ее деятельности, как и прежде, оставалась размытой. В этой ситуации Чаммер остро нуждался в поддержке со стороны квалифицированных специалистов, а потому советы Карла Дима, который выражал лояльную готовность к сотрудничеству, оказались как нельзя к месту. К слову сказать, итоги деятельности Ганса фон Чаммера были более чем неутешительными: прошел почти год, как он был поставлен во главе немецкого спорта, а конкретных результатов так и не удалось добиться. В итоге на заседании Немецкого имперского союза физической культуры, которое состоялось 9 марта 1934 года, Чаммер рекомендовал ввести в состав организационного комитета союза «бывшего генерального секретаря имперского комитета». Карлу Диму было поручено налаживать связи с многочисленными спортивными объединениями, что по сути своей являлось основой для предстоящей реорганизации немецкого спорта.

Две недели спустя Чаммер созвал первое заседание организационного комитета имперского союза физической культуры. На этом мероприятии обсуждался проект программы действий, которая была составлена Димом. Тот в частной переписке со спортивным педагогом Эрихом Харте не без гордости отмечал, что программа была написана всего

лишь за три дня. В предложенной программе Дим пытался продолжить линию политики, которую он проводил ранее в имперском комитете физической культуры. В частности, это выражалось в попытках сохранить самостоятельность некоторых из спортивных объединений. Но все это сопровождалось политическими заявлениями, в частности требованием национал-социалистического воспитания спортсменов. Более того, Карл Дим задумал создать нечто вроде спортивного «министерства пропаганды», которое должно было целенаправленно заниматься прославлением немецкого спорта. Однако про самостоятельность некоторых из объединений и отдельных спортивных организаций можно было сразу же забыть. Этот пункт был исключен из программы действий. В изрядно переработанном виде она была оглашена 27 июля 1934 года на торжественном мероприятии, которое было преподнесено публике как учредительное собрание Немецкого имперского союза физической культуры.

Национал-социалистическое руководство было довольно работой Карла Дима, на что указывает несколько обстоятельств. 28 апреля 1934 года был продлен трудовой контракт между Карлом Димом и имперским союзом, который с марта 1934 года рассматривался как правопреемник имперского комитета физической культуры. Поначалу заработная плата Дима сократилась с 18 тысяч до 12 тысяч рейхсмарок. Однако по мере подготовки к Олимпийским играм она была вновь восстановлена в прежнем объеме. С этого момента в своей деятельности Дим подчинялся исключительно Имперскому руководителю спорта и Имперскому министерству внутренних дел.

По большому счету первым крупным спортивным мероприятием, проведенным национал-социалистами, счита-

ется «Немецкий гимнастический праздник», который прошел в 1933 году. Уже в марте в имперскую канцелярию от «Немецкого турниршафта» приходили заявления, в которых сообщалось, что организация «стремилась к созданию немецкого народного сообщества и сохранению народных сил в боеготовности». Несмотря на то что это были первые признания в верности со стороны спортивного объединения, референты дали ответ, позже ставший вполне стереотипным: «Принятие решения об участии в мероприятии фюрер оставляет за собой». Для служащих имперской канцелярии в 1933 году было весьма характерно занимать нейтральную позицию, не отдавая предпочтения какому-либо из физкультурных союзов. 4 апреля 1933 года председатель «Немецкого турниршафта» и один из руководителей имперского комитета физической культуры Александр Доминикус направил на имя Гитлера приглашения. Рейхсканцлера призывали прийти на «величайший народный праздник современности». Как нам уже известно, в апреле были предприняты меры по роспуску имперского комитета. Одновременно с этим происходят перестановки и в правлении «Немецкого турниршафта». Доминикус считался среди новых властителей «демократом», а потому под давлением он был вынужден уступить свое место Нойендорфу, уже не один год состоявшему в национал-социалистической партии. С этого момента более ничто не мешало национал-социалистам осуществить трансформацию «Немецкого турниршафта», который и до этого считался едва ли не самым националистическим из всех спортивных объединений Германии.

В архивных документах сохранилась «Сводка настроений в гимнастических кругах», подготовленная Теодором Зассе, «неизвестным национал-социалистом из Эрфурта, который

понимает дух многих тысяч гимнастов». 9 апреля 1933 года этот документ оказался на столе у Гитлера. В данной сводке, в частности, сообщалось: «Наше желание, чтобы председатель «Немецкого турнершафта» ушел в отставку, осуществилось. Именно он был повинен в том, что в организации подавлялся национальный дух гимнастов, а их устремления никогда не выходили за рамки условно патриотических порывов, соответствующих республиканскому черно-красно-желтому знамени. Однако мы, национал-социалисты, не сидели сложа руки. Мы стремились к тому, чтобы «Немецкий турнершафт» стал единой национал-социалистической ячейкой. Отныне нашим самым большим желанием является, чтобы мы смогли приветствовать на проводимом в этом году в Штутгарте «Немецком гимнастическом празднике» фюрера немецкого народа и величайшего рейхсканцлера Адольфа Гитлера». Несмотря на то что это письмо не отличалось ни изяществом стиля, ни аналитической углубленностью, Ламмерс отнесся к нему очень серьезно. По крайней мере последнее пожелание он подчеркнул красным цветом. Хотя бы на основании этого можно предположить, что в имперской канцелярии следили за деятельностью «Немецкого турнершафта» и весьма положительно оценили появление у этого спортивного объединения нового руководителя.

11 апреля 1933 года, то есть буквально-несколько спустя после своего назначения на пост председателя «Немецкого турнершафта», Эдмунд Нойендорф стал добиваться личной встречи с Гитлером. На аудиенции он хотел заявить о «твердой воле немецких гимнастов сотрудничать во имя национального возрождения», после чего планировал передать просьбу. Просьба заключалась в том, чтобы Гитлер взял личное покровительство над XV «Немецким гимнастическим

праздником». Чтобы подчеркнуть различия между собой и Доминикусом, Нойсендорф использовал не традиционную формулу «с глубоким почтением», а новый образец: «С выражением благоговейной преданности и с немецким приветом». Однако Ламмерс не спешил с принятием решения. Дело в том, что предстояло назначение Ганса фон Чаммера на пост Имперского комиссара по делам спорта, а также ликвидация имперского комитета по физической культуре. В итоге глава рейхсканцелярии занял выжидательную позицию. И только 23 мая 1933 года он дал уклончивый ответ от имени Гитлера: «Несмотря на то что господин рейхсканцлер уделяет большое внимание деятельности “Немецкого турниршафта”, тем не менее, к сожалению, по принципиальным соображениям он считает целесообразным отказаться от личного покровительства празднику и участия в нем. Однако он любезно просит, чтобы вы не отказывались от ваших благородных намерений, и передаст самые наилучшие пожелания устроителям XV “Немецкого гимнастического праздника”». В данной ситуации нельзя не учитывать, что инициатива Нойсендорфа столкнулась с определенным сопротивлением, которое оказывали Бломберг, Фрик, Руст, Гиммлер, Далюге и Бальдур фон Ширах.

В этих условиях Нойсендорф решил сосредоточиться исключительно на организации «Немецкого гимнастического праздника». Нельзя не отметить, что его очень беспокоили планы, которые в качестве Имперского комиссара по делам спорта выплывали из Ганса фон Чаммера. По этой причине Нойсендорф 16 мая еще раз обратился с письмом к Гитлеру, в котором пытался убедить фюрера в «исторической миссии, возложенной на «Немецкий турниршафт», который, являясь национальным боевым союзом, готов предоставить целую

армию пригодных к несению военной службы немецких гимнастов». Нойендорф уже давно вынашивал идею, согласно которой «Немецкий турниршафт» должен был утратить характер сугубо спортивного объединения и стать военизированным формированием «наряду с СА и “Стальным шлемом”». После того как этот текст был озвучен во время доклада Гитлеру, Ламмерс подчеркнул самые важные строки из письма красным карандашом, добавив свой снисходительный и ни к чему не обязывающий комментарий: «Весьма похвальное рвение». Аналогичным образом был составлен и ответ, который был направлен Нойендорфу 26 мая 1933 года: «Господин рейхсканцлер поручил мне выразить вам благодарность за то рвение, с которым вы хотите, чтобы “Немецкий турниршафт” начал более тесное сотрудничество с СА и “Стальным шлемом”. Господин рейхсканцлер поддерживает это начинание». Однако нельзя не заметить, что Нойендорфу отказали в его изначальной идее: «Немецкий турниршафт» должен был всего лишь осуществлять более тесное сотрудничество с СА и «Стальным шлемом», но отнюдь никто не санкционировал его самостоятельный статус, равный указанным военизированным организациям.

После того как все идеи, предложенные Нойендорфом, закончились буквально ничем, он вновь попытался добиться того, чтобы Гитлер принял хотя бы условное участие в «Немецком гимнастическом празднике». 12 июня 1933 года он направил в имперскую канцелярию третье письмо. В нем Нойендорф просил, чтобы Гитлер обратился на открытии праздника с приветственным словом к немецким гимнастам: «Ваше присутствие в Штутгарте будет неоценимым для национальной идеи и освободительного движения». В заключение сообщалось, что «немецкие гимнасты были

бы счастливы приветствовать в Штутгарте в своих рядах величайшего из руководителей». И опять от Ламмерса следует уклончивый ответ. После этого Нойсндорф решил подключить к делу другие инстанции. 22 июня с просьбой к Гитлеру уже обратился гауляйтер и имперский наместник Вильгельм Мурр, который считался региональным покровителем праздника в Штутгарте. Мурр решил прибегнуть к сугубо политическим аргументам и сообщал, что присутствие Гитлера на празднике могло бы «укрепить позиции тысяч немцев, проживающих за границей». Но, как и в прошлых случаях, от Ламмерса поступил отказ по традиционной формуле. Затем в имперскую канцелярию обратился министр-президент Вюртемберга Христиан Мергенталер, который считался «фанатичным старым борцом», то есть принадлежал к числу немногих людей, стоявших у основания национал-социалистической партии. Его приглашение в Штутгарт, датированное 5 июля, было написано высокопарным, напыщенным стилем. Присутствие Гитлера на празднике в Штутгарте объявлялось «истинным посвящением». Сам же праздник в данном случае должен был стать «крупнейшей национальной демонстрацией, которая могла бы показать стране и зарубежью, что Германия, как никогда, сплочена и знает только одного вождя — Адольфа Гитлера». Но и в данном случае ситуацию не удалось изменить, Ламмерс отправлял привычные для него формулировки отказа. И лишь 18 июля 1933 года он дал понять Мурру и Мергенталеру, что «фюрер примет решение в самое ближайшее время».

Подобные уклончивые ответы и отсутствие четкого решения в немалой степени беспокоили силы правопорядка. Так, например, 7 июля 1933 года руководитель политической по-

лиции при министерстве внутренних дел Вюрттемберга запросил в Берлине конфиденциальную информацию, которая должна была помочь ему с организацией безопасности на запланированном мероприятии. Более того, 21 июля имперский наместник и гауляйтер Вильгельм Мурр устроил форменный разнос местной полиции. Мурр считал, что не были предприняты все необходимые меры, которые могли бы воспрепятствовать беспорядкам во время «Немецкого гимнастического праздника». Подобные опасения были отнюдь не беспочвенными. Имелись сведения о том, что представители «рабочего движения», которые объединились в оппозиционное боевое содружество «Красный спорт», подготовили мероприятия, направленные на срыв праздника. Только после этого в среде «рабочих спортсменов» были проведены сотни арестов. Однако, даже несмотря на это, в городе появились листовки с протестами. В любом случае решение по празднику было принято только 30 июля. Именно тогда Гитлер решил отчасти уступить просьбам. В итоге на гимнастический праздник в Штутгарт были направлены Геббельс и фон Папен. Именно им было поручено приветствовать членов «Немецкого турнершафта» как «лучших представителей нашего народа, исполненных жизненной силой».

Глава 3

ПОЛЕТ «СЕРЕБРЯНОЙ СТРЕЛЫ»

Прежде чем начать рассказ о проекте «Серебряная стрела», необходимо вернуться к самым первым дням набравшей силу национал-социалистической диктатуры. Событие, произошедшее 11 февраля 1933 года, станет клю-

чевым моментом, далсе определявшим взаимоотношения национал-социалистической диктатуры и автомобильной промышленности Германии. В тот день Гитлер в торжественной обстановке открыл в Берлине Международную выставку автомобилей и мотоциклов. По привычке новый рейхсканцлер сделал несколько программных заявлений. Однако в данной ситуации это были не патетические обещания, а перспективная программа, которая могла изменить жизнь многих немцев. Именно 11 февраля 1933 года Гитлер взял курс на «национальную моторизацию». Эта программа подразумевала отмену налогов на автотранспорт, снижение налогов для предприятий, производящих автомобили и мотоциклы, строительство высокочассных шоссеых дорог, государственное содействие гоночному спорту. Это были вполне ясные сигналы, которые позволяли судить о том, что автомобильным концернам в Третьем рейхе будет отводиться очень важная роль, а сам национал-социализм хотел бы стать «диктатурой, дружественной автомобилю». Сразу же стал формироваться «миф об автобанах», которые были построены по приказу фюрера.

Автомобильные концерны оказались чутки к подобно-го рода сигналам. Чтобы продемонстрировать свою готовность поддержать «национальную моторизацию», Имперский союз немецкой автомобильной индустрии перевел на специальный счет Гитлера 300 тысяч рейхсмарок. Гитлер уже через год пребывания у власти стал активно продвигать идею «Фольксвагена» — «народного автомобиля», то есть транспортного средства, доступного для каждого члена «народного сообщества». Впрочем, Гитлер уже 11 февраля 1933 года решил, кто будет заниматься «народным автомобилем». Сразу же после выставки Гитлеру принесли поздра-

вительную телеграмму от Фердинанда Порше. В ней сообщалось: «Я поздравляю ваше превосходительство с блестящим выступлением на Международной автомобильной выставке. Я как человек, известный созданием множества узлов и конструкций в области немецкого и австрийского самолетостроения, уже более 30 лет веду борьбу за национальные цели. Мне хотелось бы надеяться, что мне и моим сотрудникам будет позволено подарить немецкому народу наши знания и наше мастерство». На это поздравление Гитлер ответил не сразу. Встреча фюрера и Фердинанда Порше состоялась только 10 мая 1933 года. Но, собственно, наша история не о «народном автомобиле».

Один из ведущих немецких гонщиков-испытателей, личный друг Порше Ганс Штук в своих воспоминаниях поведал, что в феврале 1933 года в его кабинете раздался телефонный звонок. К великому удивлению Штука, на проводе оказался Адольф Гитлер. Новый рейхсканцлер, не теряя времени, сразу же заявил: «Герр Штук, надеюсь, вы помните, что еще я в свое время вам обещал, что в случае моего прихода к власти рейху потребуются отличный гоночный автомобиль. Пришло время, чтобы я подтвердил серьезность своих намерений. Мне всегда импонировало, что вы отстаивали интересы Германии. На немецких автомобилях вы показывали прекрасные результаты и в Бразилии, и в Аргентине, чем преувеличивали славу Германии. Я жду от вас ответных предложений. Когда они будут подготовлены, то ожидаю вас у себя в имперской канцелярии».

Решение создать национальный гоночный автомобиль вызвало немалый переполох в немецкой индустрии. Государственную поддержку этого проекта решили одновременно получить и «Даймлер-Бенц», и т.н. «Автомобильный союз».

27 февраля свои усилия решили объединить «Автомобильный союз» и Порше. На переговорах, которые состоялись 7 марта 1933 года, было высказано мнение, что в качестве нового гоночного автомобиля надо будет продвигать одну из моделей «Хорьха». Между тем 10 марта 1933 года глава концерна «Даймлер-Бенц» Киссель прибыл на встречу с консулом Фричсм, который, кроме всего прочего, являлся вице-президентом Автомобильного клуба Германии. Фрич при поддержке Имперского министерства путей сообщения смог добиться значительного финансирования проекта гоночного автомобиля, который бы производился именно концерном «Даймлер-Бенц». На стороне «Даймлер-Бенца» оказался также Ганс Штук, который буквально накануне прихода Гитлера к власти ушел из предприятия Фердинанда Порше. 15 марта Вильгельм Киссель обратился с письмом к Гитлеру, в котором просил оказать государственную поддержку программе по разработке серии гоночных автомобилей. Концерн «Даймлер-Бенц» имел лучшие шансы, чем их конкуренты, но тем не менее «Автомобильный союз» и Порше все-таки получили 75 тысяч рейхсмарок на то, чтобы к 1936 году разработали двигатель на 250 лошадиных сил, который был бы рассчитан на 4500 заездов. При этом вес двигателя должен был снизиться с 800 до 750 килограммов. Принципиальным было требование, чтобы автомобиль, оснащенный этим двигателем, должен был развивать скорость не менее 250 километров в час. Однако этот заказ фактически так и не был выполнен, так как «Автомобильный союз» затребовал половину выделяемого финансирования. Ожидаемый двигатель не был разработан даже в 1937 году, что вызвало немалое недовольство у имперских структур. Но Фердинанд Порше был вне подозрений — весь гнев функционеров был выплеснут на

«Автомобильный союз». Сам же Порше вполне успешно занимался разработкой «народного автомобиля», что считал личным поручением фюрера.

Между тем глава правления концерна «Даймлер-Бенц» Вильгельм Киссель посетил Берлин. Во время обсуждения проблем, связанных с государственным финансированием работ по разработке «национального гоночного автомобиля», он попросил миллион рейхсмарок. Однако Имперское министерство путей сообщения было готово выделить не более 400 тысяч рейхсмарок. Недовольство со стороны Кисселя усиливалось еще и по причине того, что он был вынужден конкурировать с Порше и «Автомобильным союзом». В одном из писем он язвительно намекал: «Для того чтобы создать гоночный автомобиль, который будет символизировать собой не просто марку машины, но всю немецкую нацию, недостаточно одного талантливого конструктора, для этого потребуются мощь и стремление всех сотрудников концерна, которые обладают немалым опытом».

Тем временем концерн «Даймлер-Бенц» столкнулся с новой бедой — лучший немецкий гонщик Рудольф Караччиола попал в тяжелую аварию. Во время тренировки произошла авария, гонщика выбросило из его автомобиля марки «Альфа-Ромео» на бетонную лестницу. Он остался жив, но в нескольких местах была сломана правая нога. Врачи пытались сделать все, что возможно, но и их возможности были небезграничны. Правая нога легендарного Караччиола оказалась короче левой на пять сантиметров. Всю оставшуюся жизнь он ходил сильно прихрамывая — о возвращении в гоночный спорт не могло быть и речи. В итоге «Даймлер-Бенц» не мог использовать для испытания своих проектов лучшего гонщика Германии.

Но, несмотря на эту трагедию, гонка АФУС¹, которая приобретала статус международной, должна была непременно состояться. В то время как Порше еще только вынашивал свои планы, Мерседес-Бенц получил прекрасный шанс, чтобы показать властителям Третьего рейха свои наработки, которые были сделаны за десятки лет. В гонке принимали участие два гоночных «Мерседеса-SSK». В одном из них находился Манфред фон Браухич, считавшийся едва ли не лучшим немецким гонщиком. Он традиционно облачался в гоночный комбинезон серебристого цвета. Во втором автомобиле должен был стартовать Рудольф Караччиола. Однако после аварии его сменил 44-летний Отто Мерц. Это был опытный швабский гонщик. Однако в силу возраста он уже два года не принимал участия в гонках, но в сложившейся ситуации он был единственным вариантом для замены. При всем том уже на испытательных заездах стали происходить несчастные случаи. Одна из машин на мокром асфальте перевернулась. Погиб гонщик-испытатель.

Однако даже эта трагедия не убедила правление концерна снять со старта второй автомобиль. На карту было поставлено слишком много, а потому можно было рискнуть. Несмотря на то что на гонках не было Гитлера, здесь присутствовали министр пропаганды Геббельс, премьер-министр Пруссии Герман Геринг и принц Август Вильгельм фон Пройссен. Ави, как звали принца его друзья, был четвертым из детей кайзера Вильгельма II. На гонках он появился облаченным в форму оберфюрера СА. Он слыл ярым поклонником Гитле-

¹ АФУС (нем. *AVUS*, сокращение от нем. *Automobil-Verkehrs und Übungs-Straße* — «дорога для автомобильного движения и упражнений») — гоночная трасса, проложенная между районами Берлина Шарлоттенбург и Николасзее.

ра, а потому не считал зазорным вскидывать правую руку и подпевать, когда исполнялся «Хорст Вессель». Так произошло и на этот раз. Гонки открылись шествием знаменосцев, за которым стройными рядами следовало несколько подразделений НСКК — Национал-социалистического моторизованного корпуса. Иностранные гости, присутствовавшие на этих гонках, могли получить первое представление о том, как в только что возникшем Третьем рейхе могли увязываться между собой на первый взгляд такое аполитичное явление, как автомобильные гонки, и ничем не прикрытая политическая пропаганда.

По большому счету гонки АФУС, состоявшиеся весной 1933 года, были первым гоночным спектаклем, проходившим под знаком свастики. Но национал-социалистов ожидало разочарование. Серебристый «Мерседес-SSK», которым управлял фон Браухич, несколько раз останавливался из-за проколов шины. В итоге он занял всего лишь шестое место. Впервые за всю историю гонок АФУС первый приз достался иностранному гонщику! Это был итальянец А. Варзи, который на своем «Бугати» смог развить скорость 206,9 километра в час. Для концерна «Даймлер-Бенц» это могло означать форменный провал. Однако нет худа без добра. Сразу же после этого «позора» Имперское министерство путей сообщения выразило готовность выделить на разработку гоночного «Мерседеса» полмиллиона рейхсмарок. В то же самое время Порше получил на те же самые цели всего лишь 300 тысяч рейхсмарок. А потому поражение на гонках можно было рассматривать лишь как тактическую неудачу, которая в итоге привела к стратегическому успеху.

28 мая 1933 года, то есть буквально несколько дней спустя после того, как национал-социалистическое государство

выдало средства на разработку «национального гоночного автомобиля», состоялись состязания на автотреке Нюрбурга («Нюрбург-ринг»), в которых принимали участие, с одной стороны, международная сборная, с другой — элита немецких гонщиков. Несмотря на то что немцы выходили на засезд отнюдь не на «национальных гоночных автомобилях», это не являлось поводом для того, чтобы национал-социалистическая пропаганда не использовала это мероприятие в собственных целях. В одной из газет сообщалось: «Великолепные мотогонки являются блестящей демонстрацией новой Германии, которая достойна и уверенно принимает у себя в гостях иностранцев, что уже само по себе доказывает, что мы готовы помериться силами в мирной борьбе, имеющей своим итогом установление лучшего мирового порядка».

Открытие гонок происходило в четком соответствии с национал-социалистическими ритуалами: в почетном карауле замер штурм СС, непрерывно исполняла бравурные мелодии музыкальная капелла 28-го штандарта СА, повсюду развешивались флаги со свастикой. Сами гонки начались с минуты молчания, которой чтился «павший герой национальной революции Лео Шлагетер». Если автогонки еще обладали хотя бы номинальной видимостью аполитичности, то мотоспорт в Германии еще во времена Веймарской республики обладал ярко выраженным националистическим окрасом. Подтверждением этого являлось постоянное присутствие на мотогонках Германа Геринга. Даже став премьер-министром Пруссии, он не отказывал себе в этом удовольствии.

На самом деле национал-социалисты, судорожно начавшие поддерживать гоночный спорт, не были слишком origи-

нальными. Во многом они ориентировались на итальянские образцы. В самой Италии Энцо Феррари, владелец концерна «Скудериа Феррари», вступил в фашистскую партию. На этом настаивал лично Муссолини. К началу 30-х годов в Италии по инициативе дуче уже было построено несколько скоростных гоночных трасс, чья общая протяженность составляла приблизительно 500 километров. Одновременно с этим начали строить четырехполосные автобаны (именно эту инициативу у Муссолини несколько позже позаимствовал Гитлер, выдав за свое «изобретение»). За десять лет правления Муссолини в стране увеличилось количество легковых автомобилей — их общее число составило приблизительно 170 тысяч. Муссолини был буквально одержим гонками, он активно поддерживал проекты «Альфа-Ромео» и «Миглиа» — предприятия, выпускавшие мотоциклы. В стране ежегодно проходили гонки имени Муссолини, проведение которых курировал лично зять дуче, граф Чиано. Эту моду перенимали и приближенные Муссолини. Итало Бальбо, один из организаторов «марша на Рим», назначенный в 1934 году губернатором Ливии, сразу же организовал гонки «Гран-премио — Триполи».

Итак, пока на сцене не появился «национальный гоночный автомобиль», национал-социалисты предпочитали использовать в качестве плацдарма для развития своих пропагандистских идей мотогонки. Чтобы унифицировать эту сферу деятельности, она была полностью подчинена руководителю Национал-социалистического моторизованного корпуса Адольфу Хюнляйну. Тот уже давно оценил пропагандистский потенциал мотоспорта. Опираясь на итальянские образцы, он дал старт массовой акции «2000 километров по Германии». Начало этого пути должно было

находиться в Баден-Бадене. В заезде могли принимать участие автомобили и мотоциклы самых разных марок. Сам путь пролегал по следующему маршруту: Баден-Баден — Штутгарт — Ульм — Аугсбург — Мюнхен — Нюрнберг — Хемниц — Дрезден — Берлин — Магдебург — Брауншвейг — Хаммельн — Кёльн — Манхейм — Баден-Баден. Маршрут заезда образовывал кольцо, которое пролегало по территории всей Германии. Собственно, этот заезд было суждено проехать отнюдь не всем — он сопровождался многочисленными авариями. В авариях побывало 103 из 176 автомобилей и 81 из 212 мотоциклов. Однако сам Хюн-ляйн оценил итоги заезда как своеобразный триумф: «Они [участники заезда] справились со сверхчеловеческой задачей. В их сердцах и моторах пылает настоящий дух СА, который призывает их к бескорыстной борьбе. Нам нужна эта спортивная молодежь, готовая к тяжким испытаниям, готовая подчинить себе не только машину, но, если потребуется, то и саму немецкую мощь».

Люди, склонные к анализу, уже в 1933 году видели, к чему шло дело. В Германии были запрещены партии, НСДАП установила политическую монополию, но это не мешало большинству немцев поддерживать Гитлера. Хотя бы по этой причине проект «2000 километров по Германии» был поддержан не только партийными функционерами, но и рядовыми автолюбителями, а также заводскими командами. Среди участвовавших в этом странном на первый взгляд пробеге были те, кому судьба уготовила стать гонщиками, ставившими рекорды на «Серебряной стреле» (именно так именовался проект по созданию «национального гоночного автомобиля»).

Принимал участие в автопробеге и Эрнст Хенше. Он родился в 1904 году. И в 1929 году впервые участвовал в гон-

ках. В 1930, 1932, 1936 и 1937 годах ему удалось поставить на его БМВ абсолютный мировой рекорд скорости. Вначале это было 216,75 километра в час, что в итоге превратилось в 279,5 километра в час. Этот рекорд смогут побить только в 1951 году. Концерн «Даймлер-Бенц» направил на «2000 километров» своих лучших гонщиков: Августа Момберсгра, Германа Принца цу Ляйнингена, Эрнста Гюнтера. Наряду с этими именитыми гонщиками в заезде принимали участие водители, которым еще только предстояло завоевать известность и славу: Эрнст фон Делиус, Рудольф Хассе, Ули Бигальке, Георг Майер.

Как уже говорилось выше, до финиша добрались отнюдь не все автомобили и мотоциклы. Среди них был член «Автосоюза» и ветеран национал-социалистической партии Ёртцен, который ездил на «Хорьхе». К финишу пришла и небольшая DKW¹, в которой сидел 34-летний непрофессиональный гонщик Пауль Лайнс. Ему еще только предстояло в будущем стать командиром автобригады НСКК Саксонии. Именно он инициирует строительство близ Дрездена «Великогерманского автотрека», на котором в 1940 году должны были стартовать «Серебряные стрелы». Однако этим планам не будет суждено сбыться — на них поставит крест начавшаяся Вторая мировая война. Пауль Лайнс погибнет в первые же дни «польской кампании».

В заезде принимал участие еще один не менее интересный персонаж. Его звали Рудольф Улехаут. Он считался подающим надежды гонщиком и даже получил специальную лицензию от Автомобильного клуба Германии. Рядом с ним

¹ Dampf Kraft Wagen — марка немецких автомобилей и мотоциклов. Зарегистрирована в 1916 году, прекратила существование в 1966 году.

схал хауптштурмфюрер СС Виктор Брак. Он слыл личным другом Генриха Гиммлера и даже некоторое время был водителем рейхсфюрера СС. Но печальную известность он заработал не как гонщик, а как инициатор использования грузовых автомобилей для осуществления программы эвтаназии. На процессе по делу врачей-преступников в Нюрнберге его приговорили к смертной казни. Он был повешен 2 июня 1948 года.

Как видим, гоночный спорт никак нельзя было отделить от политики. И этому всячески способствовал Адольф Хюнляйн. Национал-социалистический моторизированный корпус возник в 1931 году на базе «Мотор-СА». В июне 1933 года Гитлер распорядился, чтобы НСКК был самостоятельной организацией, равной по своему статусу СА. Фактически это стало сигналом для того, чтобы Хюнляйн начал программу унификации, которая предполагала влияние в состав НСКК всех существовавших в Германии гоночных организаций и автомобильных клубов. Имеет смысл сказать несколько слов об Адольфе Хюнляйне. Он не был молод. Он родился в 1881 году. Участник Первой мировой войны, он не принял ноябрьской революции 1918 года. По этой причине он сразу же вступил в добровольческий корпус фон Эппа, который принимал участие в ликвидации Мюнхенской советской республики и подавлении восстаний в Руре. Затем он хотел продолжить службу в рейхсвере. Но 9 ноября 1923 года уже в чине майора принял участие в «пивном путче». Когда мятеж провалился, Хюнляйн на пять месяцев был помещен в тюрьму. Из нее он вышел убежденным сторонником Гитлера. С этого момента Хюнляйн мыслил только как политический солдат. Он сразу же оказался в составе руководства СА. Его можно было назвать идеаль-

ным штурмовиком — неразговорчивый, но всегда готовый к действию.

Когда он смог «мобилизовать» в ряды НСКК более 500 тысяч человек, то ему удалось (не без поддержки со стороны автомобильных концернов) создать целую сеть автомобильных школ НСКК. Речь шла не столько о подготовке из немецкой молодежи будущих гонщиков, сколько военных техников. Но все-таки первая из этих школ возникла летом 1933 года именно в Эйфеле, близ трека «Нюрбург-ринг».

Однако доступ в эти школы, собственно, как и в сам гоночный спорт, был ограничен. Национал-социалистическая унификация всех сфер жизни закрыла путь для тех, кто считался «неарийцем». Установление гитлеровской диктатуры, например, положило конец спортивной карьере Лео Штайнвега из Мюнстера. Этот успешный мотогощик был евреем. Во время майских гонок он отказался скидывать руку в «германском салюте». Почти сразу же после этого он получил анкету, в которой в том числе содержались вопросы относительно его национальности. Он порвал анкету в клочья и ушел из спорта. Судьба этого гонщика была трагичной. Он оказался в концентрационном лагере, где был расстрелян незадолго до окончания Второй мировой войны.

Но функционеры долгое время не решались ограничивать участие еврейских гонщиков, которые прибывали из заграницы, а потому не представляли интересы Германии. В частности, 23 июля 1939 года в гонках на «Большой Приз Великой Германии» принимал участие Рене Дрейфус, который занял 4-е место. Кроме этого против немцев в гонках не раз выступали такие известные гонщики, как Ги Мольте или Ласло Хартман. Некоторым из немецких гонщиков еврейского происхождения удалось только после войны вер-

нуться в гоночный спорт. После окончания Второй мировой войны в ФРГ начался необычный судебный процесс. Бывший гонщик-испытатель концерна «Даймлер-Бенц» Адольф Розенбергер пытался доказать, что ему принадлежало несколько рекордов. Он привел показания нескольких свидетелей, которые заверяли, что осенью 1933 года на «Нюрбург-ринге» в тестовых заездах на «Серебряной стреле» принимал участие не только Ганс Штук. Причем во время заездов, в которых принимал участие Розенбергер, он проехал дистанцию на 2 секунды быстрее, нежели Штук. Тогда он мог заработать 100 тысяч рейхсмарок. Однако был отстранен от проекта «Серебряная стрела» по причине своего еврейского происхождения. В сентябре 1935 года он был арестован и направлен в концентрационный лагерь. Фердинанд Порше утверждал, что именно он смог добиться освобождения гонщика-испытателя, но он не смог предоставить доказательств. В итоге суд решил, что концерн «Порше» должен был выплатить Розенбергеру 200 тысяч марок и предоставить легковой автомобиль «Фольксваген», обустроенный по последнему слову техники.

В 1964 году в ГДР вышли воспоминания бывшего гонщика, а затем восточногерманского спортивного функционера Манфреда фон Браухича. Они назывались «Без борьбы нет победы». В своих мемуарах он утверждал, что всегда презирал национал-социалистов и Гитлера. Впрочем, о некоторых фактах из своей биографии он предпочел «забыть». Например, 15 февраля 1936 года на открытии 4-й Международной выставки автомобилей и мотоциклов он лично вручил Гитлеру в руки поздравительный адрес. Опять же несколько иного взгляда на проблему придерживался Рене Дрейфус. Он был на гонках в США, когда Франция капиту-

лировала под решительным натиском немецких войск. Гонщик решил не возвращаться на родину через нейтральные страны. Так вот Дрейфус полагал, что фон Браухич весьма вольготно чувствовал себя в Третьем рейхе и, более того, до конца жизни оставался «тайным нацистом».

Факт остается фактом. Манфред фон Браухич в феврале 1936 года не только вручил поздравительный адрес, но по радио признался в любви к режиму. Тогда он заявил на всю Германию: «Мой фюрер, от лица всех немецких гонщиков я сердечно благодарю вас за то, что вы сделали для нас. То, что в последнее время немецкие гоночные автомобили бьют мировые рекорды, а немецкие гонщики считаются лучшими в мире, является вашей личной заслугой и заслугой немецкой индустрии, являющейся вашим детищем. Вы заложили фундамент для наших потрясающих успехов. Вы пробудили интерес немецкого народа к автомобилю, чем дали толчок к развитию гоночного спорта. Вы вернули нам веру в великое будущее Германии. Все это позволяет нам побеждать и идти вперед».

Однако подобного рода заявления не всегда делаются от чистого сердца. Проблема заключалась в том, что буквально накануне открытия выставки Манфред фон Браухич оказался втянутым в громкий скандал. Он, находясь в гостинице вместе с подвыпившими приятелями, позволил себе недвусмысленные намеки в адрес проходившей мимо женщины. На его несчастье, указанная особа оказалась женой Имперского руководителя молодежи Бальдура фон Шираха и дочерью «придворного фотографа фюрера» Генриха Хоффмана. Генриетта отвесила гонщику пощечину, после чего пожаловалась супругу. Тот в приступе гнева избил гонщика. В ответ гонщик вызвал шефа гитлерюгенда на дуэль. Фон

Ширах отказался от вызова, но в то же самое время обратился к дяде Манфреда, к генералу Вальтеру фон Браухичу, который предвкушал свое главное назначение в жизни: он ожидал звания генерала-фельдмаршала и назначения на пост командующего сухопутными войсками. Скандал начал выходить из-под контроля. Его удалось с трудом замять. Не исключено, что именно для этого потребовались столь напыщенные признания в любви к национал-социалистическому режиму.

При некоторых обстоятельствах этот конфликт мог поставить крест на карьере Манфреда фон Браухича. В концерне «Даймлер-Бенц» были серьезно озабочены его поведением. Но все-таки решили, что фигурой равнозначной по популярности фон Браухичу, был только Ганс Штук, а он вновь работал на конкурентов. Ганс Штук был немецкой легендой и вел себя как живая легенда. Он даже выдумал себе дату рождения. Везде он утверждал, что являлся ровесником века, то есть родился в 1900 году. На самом деле он родился либо в 1895-м, либо в 1896 году. Подобные приписки оправдывались еще и тем, что автоконцерны предпочитали, чтобы их интересы представляли молодые гонщики. Подобный подлог можно выявить очень легко — достаточно было посмотреть на его официальную биографию. В ней говорилось, что в годы Первой мировой войны он служил в артиллерийском полку, гдегодились его знания по алгебре. Один этот факт указывал на то, что Ганс Штук никак не мог появиться на свет в 1900 году.

Когда национал-социалисты пришли к власти, ему шел четвертый десяток. Ганс Штук умело воспользовался личными связями, в том числе знакомством с Гитлером. Подобными навыками политического маневра молодой Манфред

фон Браухич никак похвастаться не мог. Казалось бы, судьба благоволила к Штуку. 15 июля 1934 года он завоевал «Большой Приз» на «Нюрбург-ринге». Это был первый триумф «национального гоночного автомобиля». Вдвойне было показательным, что это был триумф Порше и «Автосоюза», а не концерна «Даймлер-Бенц». Изнурительная гонка длилась почти пять часов. Но даже после этого Ганс Штук нашел в себе силы, чтобы радостно позировать у своего серебряного автомобиля. Собираясь всеми силами, он произнес в кинокамеру: «Я несказанно рад, что немецкое автомобилестроение и немецкий гонщик завоевали “Большой Приз”. Я благодарю фюрера за его поддержку». После этого он повернулся к трибуне и провозгласил «Хайль фюрер!». Трибуны ответили ему дружным «Хайль!»

Но и над головой Штука стали сгущаться тучи. Его вторая жена, Паула, известная теннисистка и спортивный журналист, имела еврейские корни. Неизвестные написали как-то на покрытии автотрека: «Ганс Штук — еврейский прихвостень». После этого гонщик несколько дней не садился за руль автомобиля. Не исключено, что подобные выходки мог спровоцировать Адольф Хюнляйн. Но трек не был исключением, оскорбительные надписи с заведомой регулярностью появлялись в цехах завода. В этих условиях Ганс Штук старался как можно чаще встречаться с Герингом и Геббельсом, охотно принимал поздравления от партийных функционеров.

Великий немецкий социолог Вернер Зомбарт, описывая современный ему капитализм, отмечал: «*Скорость* какого-нибудь события, кем-нибудь предпринятого, интересует современного человека почти так же, как и массовый характер. Ехать в автомобиле «со скоростью 100 километров» —

это именно и представляется с современной точки зрения высшим идеалом. И кто сам не может двигаться вперед с быстротою птицы, тот радуется читаемым им цифрам о какой-нибудь где-нибудь достигнутой скорости; так, например, что *скорый поезд между Берлином и Гамбургом снова сократил время* своего переезда на десять минут; что новейший гигантский *пароход прибыл в Нью-Йорк на три часа раньше*; что теперь письма получаются уже в половине 8-го вместо 8-ми; что газета смогла принести (может быть, ложное) известие о войне уже в 5 часов пополудни, тогда как ее конкурентка вышла с ним только в 6, — все это интересует странных людей наших дней, всему этому они придают большое значение. Они создали также своеобразное понятие, чтобы запечатлеть в своей душе и своей памяти быстрее в каждом данном случае действия в качестве высших ценностей; это понятие, также находящее себе применение в сравнении количеств, которому действительность вполне соответствует лишь тогда, когда в одном действии *соединяются и величина, и скорость*: понятие *рекорда*. Вся мания величины и вся мания скорости нашего времени находят себе выражение в этом понятии рекорда. И я не считаю невероятным, что историк, который должен будет через пару столетий изобразить наше время, в котором мы ныне живем, озаглавит этот отдел своего труда: «*Век рекорда*».

Еще до прихода к власти национал-социалисты критиковали «капиталистическое» увлечение рекордами, но с установлением собственной диктатуры они предпочли забыть про эту критику. Проект «Серебряная стрела» был изначально ориентирован не на то, чтобы создать «национальный гоночный автомобиль», а на то, чтобы создать машину, которая будет неизменно ставить мировые рекорды.

И это было задачей государственного уровня. Уже с середины 30-х годов в Имперском министерстве авиации с соблюдением предельной секретности велись разработки специального двигателя DB 601. Если бы этот двигатель был установлен на автомобиль, то можно было бы без проблем побить абсолютный рекорд скорости (не путать с гоночными рекордами). Он был поставлен на прямой трассе 3 сентября 1935 года англичанином Дональдом Кэмпбеллом на автомобиле «Блю Бирд». Поставив на машину авиационный двигатель, англичанину удалось разогнаться до скорости 484,6 километра в час. Желание во что бы то ни стало превзойти эту скорость стало настоящей манией немецких автомобильных инженеров. Впрочем, весь Третий рейх был одержим мегаломанией. Самая большая скорость, самый большой стадион, самый большой мост и т.д. Впрочем, «Серебряная стрела» не была самым претенциозным проектом. Самым значительным проектом в области спорта стала Берлинская Олимпиада.

Глава 4

ПРЕДЫСТОРИЯ БЕРЛИНСКОЙ ОЛИМПИАДЫ

Едва ли кто-то сделал для немецкого спорта больше, чем Карл Дим, который еще до Первой мировой войны принимал участие в создании Немецкого олимпийского комитета. Однако, когда началась «великая война» (именно так в Германии предпочитали называть события 1914—1918 годов), его стали одолевать сомнения, что после предполагаемого окончания боевых действий вряд ли было возможно возвращение к прошлым принципам олимпийского движения.

В этом отношении Дим были полностью солидарен с кайзеровским правительством, когда в статье 1915 года заявлял: «Физическая культура является настолько незначительным проявлением в общей жизни нашего народа, что едва ли она обладает правом двигаться собственным путем, а уж тем более указывать путь всему нашему сообществу». Впрочем, Карл Дим не отрицал возможности продолжения международных спортивных отношений. Он был решительно против «спортивной изоляции Германии», так как, по его мнению, спорт «ведет к проявлению национального характера, когда он проявляется на уровне международных соревнований». В 1918 году, после окончания Первой мировой войны, Дим все еще вынашивал надежды, что он мог продолжить свою деятельность в олимпийском движении. Но не прошло и года, как эти надежды стали казаться ему иллюзорными и призрачными. В первую очередь это было связано с подписанием Версальского мирного договора, который фактически поставил Германию в политическую изоляцию. Сам Дим, как и многие немцы, мирный договор именовал не иначе, как «Версальским диктатом». Действительно, экономические требования, навязанные странами-победительницами, были настолько вызывающими, что в пору было говорить о «грабже, слегка прикрытом дипломатическими соглашениями». Германия в послевоенной Европе считалась «отверженной страной», «государством-парией». По этой причине нет ничего удивительного в том, что никто не пригласил Германию к сотрудничеству с бельгийским комитетом, который занимался организацией Олимпийских игр 1920 года, которые проходили в Антверпене. В числе «отверженных» оказалась не только Германия, но и все ее бывшие союзники: Австрия, Венгрия, Турция, Бол-

гария. Более того, представителей указанных государств в обход всяких официальных процедур исключили из состава Международного олимпийского комитета. Это была еще одна разновидность политического бойкота. Германии фактически отказывали в участии в Олимпиадах. А потому не стоит удивляться тому, что для большинства немцев слова «интернациональный» и «международный» обладали отчетливо негативным оттенком.

Сам же Карл Дим оказался в очень сложной ситуации. С одной стороны, он всеми силами пытался предотвратить международную изоляцию германского спорта. Но, с другой стороны, как человек, не чуждый политики, был полностью солидарен со своим народом и выражал возмущение тем, что его страну унижали при каждом удобном случае. В начале 20-х годов могло показаться, что Дим стал склоняться в сторону «национального спорта», то есть выступал за развитие оного в условиях вынужденной изоляции. По этой причине Немецкий имперский комитет физической культуры, в состав которого входил Дим, решил сделать ставку на так называемые «Немецкие игры», первые из которых прошли в 1922 году в Берлине. Это была своеобразная, «национальная» альтернатива «интернациональной» Олимпиаде. В «Немецких играх» могли принимать участие только немцы (вне зависимости от их страны проживания). Нужно отметить, что эта инициатива нашла хотя и не самую большую, но все-таки поддержку у республиканского правительства. По крайней мере на проведение «Немецких игр» из государственной казны было выделено 300 тысяч марок. В 1921 году Карл Дим писал о сути и смысле «Немецких игр»: «Немцам отказали в праве принимать участие в международных соревнованиях. И я не удивлюсь, если

у них в будущем не будет желания воспользоваться таким правом. Для нас достаточным возмещением должны стать «Немецкие игры».... Имперский комитет физической культуры предлагает их в качестве выражения народного единства, в качестве повода для того, чтобы наша молодежь могла проявить свою физическую силу и ловкость, что может являться поводом для ее гордости». Как видим, «Немецкие игры» имели двоякое предназначение. С одной стороны, эти турниры должны были стать заменой недоступных для Германии Олимпиад, с другой стороны, они могли стать массовым действием, в ходе которого должно быть продемонстрировано символическое единство народа и спорта. Кроме этого не стоило скидывать со счетов то обстоятельство, что, организуя «Немецкие игры», имперский комитет физической культуры заявлял о себе как о главной спортивной организации страны.

Проведенные в 1922 году в Берлине первые «Немецкие игры» оказались настолько успешными, что правительство и спортивное руководство пришли к мысли о том, что в будущем эти соревнования будут проходить по олимпийскому образцу, но только в национальном масштабе. Главным отражением этой идеи стала периодичность «Немецких игр». Было решено, что они, подобно Олимпиадам, будут проходить один раз в четыре года. В 1926 году эти состязания прошли в Кёльне, а в 1930 году — в Бреслау. Когда к власти пришли национал-социалисты, то Карл Дим занимался подготовкой очередных «Немецких игр», которые должны были пройти в Нюрнберге. По сути, эти соревнования были последними, которые были подготовлены «буржуазными» функционерами от спорта. Несмотря на грандиозный успех «Немецких игр», нельзя не отметить, что Карл Дим все-таки не отка-

зался от идеи вновь вывести Германию на международный спортивный уровень. Он прилагал множество усилий, чтобы наладить сотрудничество с международными спортивными организациями. И эти попытки не были напрасными.

В 1923 году Карл Дим не без внутренней гордости мог сообщить публике, что «Германия вновь вошла в международную спортивную семью». Впрочем, речь шла об Олимпиадах. Неофициальное взаимодействие с Международным олимпийским комитетом началось только в 1923 году. Именно тогда Пьер де Кубертен пригласил Карла Дима в Рим, где проходила очередная сессия МОК. Однако Дим потребовал официального приглашения, в противном случае он грозился отказаться от поездки. Позиция Карла Дима была предельно понятна. Он был возмущен тем, что никак не мог повлиять на решение Международного олимпийского комитета, который решил не допускать Германию до участия в Олимпийских играх 1924 года, которые проходили в Париже. С другой стороны, он отказывался от членства в МОК, которое ему мог обеспечить Пьер де Кубертен. Реакция Карла Дима была настолько бурной, что на некоторое время он вновь дистанцировался от международного олимпийского движения. В некоторых из своих выпадов в адрес МОК он даже позволял себе расистские пассажи: «Даже Олимпийские игры в 1924 году решено провести во Франции, в стране, которая захлебывается в приступах враждебной ненависти... Ни один немец не появится на так называемом празднике мира в Париже до тех пор, пока негры во французской военной униформе топчут берега немецкого Рейна!»¹ Для нас полновесной заме-

¹ Подразумевается франко-бельгийская оккупация в 1923 году части западных земель Германии.

ной должны стать наши собственные состязания». Впрочем, скрытый расизм был присущ Карлу Диму почти всегда. Еще в годы Первой мировой войны он не раз рассуждал в своих статьях о «непобедимости германской расы». Но нельзя не отметить, что Дим никогда не был расистом в национал-социалистическом смысле этого слова.

Но, несмотря на эти размолвки, сближение немецкого спорта и международного олимпийского движения было неизбежным. Эта тенденция стала вполне отчетливой, когда в 1924 году в состав Международного олимпийского комитета были введены президент имперского комитета физической культуры Теодор Левальд и Оскар Раперти, являвшийся главой Немецкого союза весельного спорта. После этого Карл Дим был просто-напросто вынужден вновь искать контактов с олимпийцами. В 1925 году Левальд, Дим и еще пять немецких спортивных функционеров официально принимали участие в VIII Олимпийском конгрессе, который проходил в Праге. На этот раз немцы не только были полноправными участниками мероприятия, но даже сыграли на нем важную роль. Когда Германия в 1926 году вступила в Лигу Наций, то постепенно нормализовались международные и внешнеполитические отношения. После этого Карл Дим вновь стал верить в то, что было возможно возвращение к изначальным идеям олимпийского движения. Впрочем, эти события встретили понимание далеко не у всех. С протестами выступали многие националистические спортивные объединения, к числу которых можно отнести «Немецкий турнершафт». Они пытались организовать бойкот Олимпийским играм, которые в 1928 году проходили в Амстердаме. Спортсмены-националисты считали невозможным состязаться с представителями стран, с которыми Германия

воевала в Первой мировой войне. Это считалось «национальным позором». Но, вопреки этому сопротивлению, Германия все-таки приняла участие в этой Олимпиаде.

Однако конфликт на этом не был исчерпан. В знак протеста «Немецкий турнершафт» вышел из состава Немецкого имперского комитета физической культуры. Вернуть организацию в комитет удалось не сразу. Карлу Диму пришлось приложить для этого немало усилий. Однако итогом этих нелегких переговоров стало создание Немецкого Олимпийского комитета, во главе которого встал сам Дим. Именно он стал координировать все контакты немецких спортсменов с международным олимпийским движением. Как не покажется странным, но импульсом к созданию Немецкого Олимпийского комитета стало не желание присоединиться к международному движению, а диаметрально противоположная позиция, которую занял «Немецкий турнершафт». В любом случае Карл Дим получил прекрасный повод, чтобы начать активную агитацию общественности в пользу участия в Олимпийских играх. Чтобы ослабить позиции ультраконсервативных «гимнастов», он использовал как раз аргументы, учитывающие такие понятия, как «национальная честь» и «национальная гордость». Карл Дим заявлял: «Немец более не может позволить себе быть презираемым, немец должен требовать, чтобы Германия завоевывала мир. Это должно стать лозунгом для всех наших устремлений в области культуры, науки, искусства, экономики. После войны мы потеряли слишком много времени, чтобы завоевать себе место под солнцем. Это относится и к немецкому спорту, который стал частью немецкого образа жизни. Он более не может жить в замкнутости, изолированный от международной арены в своем национальном углу».

Теперь Карл Дим предпочитал не обращать внимания на «негров, топчущих берега немецкого Рейна». Теперь он делал ставку на национальное величие, которое было необходимо продемонстрировать всему миру. Хотя бы поэтому он уделял большое внимание тому, чтобы немецкая сборная обязательно приняла участие в зимних Олимпийских играх, которые в 1928 году проходили в Санкт-Морице (Швейцария), и в летней Олимпиаде, которая в том же году состоялась в Амстердаме. Карла Дима не могло не волновать, что впервые за 16 лет немецкие спортсмены могли бы представить свое отечество в борьбе на самых престижных соревнованиях мира.

26 мая 1926 года Немецкий имперский комитет физической культуры получил давно ожидаемое приглашение из Амстердама, после чего началась непосредственная подготовка к участию в Олимпиаде. Главная задача, которую перед собой поставил на этом подготовительном этапе Дим, заключалась в том, чтобы собрать как можно больше пожертвований и выплат от органов власти и от немецкой индустрии. А для этого надо было развернуть пропагандистскую кампанию. Опуская некоторые детали, можно сказать, что Карл Дим справился с этой задачей блестяще. За относительно небольшой промежуток времени ему удалось собрать более миллиона марок. Распределением этих средств должна была заняться специальная финансовая комиссия, в состав которой входил и сам Дим. Кроме этого именно он стал инициатором проведения «предолимпийских» игр, в ходе которых можно было выявить среди участников самых подготовленных и самых талантливых. Дим отдавал подготовке к участию в Олимпиаде не просто всю свою энергию, но и всего себя. Он планировал каждое мероприятие

до мельчайших деталей. Например, он лично подбирал в Амстердаме жилье для немецких спортсменов. В качестве признательности за эту бурную деятельность Дим был избран руководителем немецкой сборной (в то время это называлось «шеф национальной миссии»).

Впрочем, успех к немцам пришел не сразу. На зимних Олимпийских играх в Санкт-Морице германская сборная фактически никак не проявила себя. Ей удалось завоевать лишь одну бронзовую медаль (санные гонки — прототип бобслея). Но уже в Амстердаме немцев ожидал форменный триумф. Немецкая сборная с 11 золотыми, 9 серебряными и 19 бронзовыми медалями заняла второе место, уступив пальму первенства США. Но если наметился успех немецкого спорта на международном уровне, то это не стоило воспринимать как само собой разумеющееся обстоятельство. Карл Дим полагал, что это было результатом его многолетних усилий. Немцы, побеждавшие на Олимпиадах, были для него не каким-то «чудом», а «нормальными, хорошо натренированными, талантливыми борцами с сильной волей, которые являлись естественным проявлением здорового народа». Как бы то ни было, но общественность оценила заслуги Дима. В октябре 1928 года рейхспрезидент Пауль фон Гинденбург во время официальной встречи с представителями Немецкого Олимпийского комитета выразил им признательность за успехи спортсменов. Фактически это означало, что государство было готово в полной мере поддерживать немецкий спорт. С этого момента была поставлена новая задача: добиться того, чтобы одни из Олимпийских игр были проведены в Германии.

В 1927 году во время сессии Международного олимпийского комитета, проходившего в Монако, президент Немец-

кого имперского комитета физической культуры Теодор Левальд внес Берлин в число городов, которые претендовали на то, чтобы принимать у себя летние Олимпийские игры 1936 года. По большому счету это была импровизация, так как немецкое спортивное руководство стало обсуждать эту идею только в 1928 году. Нельзя не отметить, что мнения по этому вопросу расходились. Если Теодор Левальд хотел во что бы то ни стало провести Олимпиаду 1936 года в Берлине, то Карл Дим считал это начинание преждевременным. Однако Левальду удалось одержать верх. Он не только смог переубедить Дима, но и сломил сопротивление «Немецкого турнёршафта», для чего ему пришлось заручиться поддержкой самого Гинденбурга. С этого момента от Дима более не раздавалось ни слова критики — он полностью посвятил себя тому, чтобы содействовать «победе» германской столицы. Ведь решение было принято только Немецким Олимпийским комитетом, но МОК еще не вынес своего вердикта.

Первая реальная попытка повлиять на решение Международного олимпийского комитета была предпринята в 1930 году, когда в период с 25 по 30 мая в Берлине проходил X Олимпийский конгресс. Данное мероприятие по предложению Левальда было использовано, чтобы продемонстрировать членам МОК готовность германской столицы принять международные соревнования столь высокого уровня. В первую очередь надлежало показать организаторские способности немецкого спортивного руководства. Задача оказалась не столь простой. Проблема заключалась в том, что в самом разгаре находился мировой экономический кризис, начавшийся в 1929 году. Выделенные германским правительством на проведение конгресса 50 тысяч марок рисковали обесцениться. Но треволнения оказались напрас-

ными — X Олимпийский конгресс прошел на очень высоком уровне. По этой причине Карл Дим и Теодор Левальд ожидали благоприятного для Германии решения членов МОК по вопросу, в каком городе должна была проводиться Олимпиада 1936 года. Всего же за эту почетную обязанность боролись четыре столицы: Берлин, Барселона, Рим и Будапешт. Окончательное принятие решения должно было произойти в апреле 1931 года в Барселоне. Позиции Берлина значительно усиливались тем, что предварительно из «гонки» выбыли Рим и Будапешт. В итоге членам Международного олимпийского комитета приходилось выбирать между Барселоной и Берлином. 43 голоса было отдано Берлину, 16 — Барселоне. Давнишняя мечта немецкого спортивного руководства стала претворяться в жизнь: Олимпиада 1936 года должна была пройти на германской земле.

Тем не менее не все немцы одинаково восторженно восприняли это решение. Многих смущало, что готовиться к Олимпиаде надо было в условиях кризиса, который традиционно сопровождался безработицей, нуждой и политическими потрясениями. Немалое количество жителей Германии полагали, что подготовка к проведению Олимпиады в подобных условиях была ничем не оправданной расточительностью. Вновь стали заявлять свои протесты представители «Немецкого турнершфта». Однако Карлу Диму удалось составить олимпийскую программу, финансирование которой не должно было нанести ущерба немецкому спорту. Но даже это не могло снять все вопросы; сопротивление со стороны некоторых спортивных объединений можно было ощущать годы спустя. Под сомнение даже ставилась необходимость участия германской сборной в Олимпийских играх 1932 года, которые проходили в Лос-Анджелесе. Но,

несмотря на многочисленные протесты, у Карла Дима не было никаких колебаний. Если Берлин хотел принять Олимпиаду в 1936 году, то германская сборная непременно должна была быть в Америке в 1932 году.

И вновь Карлу Диму пришлось разрабатывать план по сбору средств. Опять проводились многочисленные рекламные и пропагандистские мероприятия, но кризис давал о себе знать. Диму удалось договориться лишь о софинансировании. Одну треть расходов, связанных с поездкой за океан, должны были взять на себя спортивные объединения. Речь шла приблизительно о 450 тысяч марок. Еще столько же были готовы выделить немецкие промышленники и представители германских финансовых кругов. И такая же сумма должна была быть выделена правительством Веймарской республики. Между тем в Германии усиливалась критика предстоящих расходов на Олимпиаду. Ее нельзя было не учитывать, а потому Карл Дим принял нелегкое решение: он существенно сократил германскую сборную, которая направлялась в Лейк-Плэсид (США, штат Нью-Йорк) на зимние игры 1932 года. Сборная была ограничена хоккейной командой, несколькими фигуристами и командой бобслеистов. В итоге не было ничего удивительного в том, что германская сборная в общекомандном зачете заняла только 9-е место, завоевав лишь две бронзовые медали. Сэкономленные деньги спонсоров и государства было решено направить на летнюю Олимпиаду. В Лос-Анджелес германская сборная направилась уже в полном составе. Несмотря на то что Карл Дим был вновь назначен «шефом миссии», успех 1928 года не удалось повторить. Германия опять заняла девятое место, завоевав всего лишь три золотые, двенадцать серебряных и пять бронзовых медалей. Первыми традици-

онно были американские атлеты. А второе и третье места заняли сборные Италии и Франции соответственно. Немцы уступили даже венграм и японцам, которые никогда до этого не считались особо сильными спортсменами. Как и стоило предположить, после столь неутешительного результата Немецкий Олимпийский комитет подвергся жесточайшей критике в германской прессе. Некоторые из газет требовали немедленной отставки Карла Дима и Теодора Левальда, но те никак не соглашались пойти на это, предпочитая обороняться от нападок. Карлу Диму вновь пришлось прибегнуть к «национальной» риторике, чтобы объяснить необходимость участия немецких спортсменов в международных соревнованиях. В привычно резких формулировках он заявил: «Как еще можно вдолбить в голову немецким патриотам, что германский флаг надо водружать за пределами нашей страны, а мы были только лишь передовым отрядом?»

Однако Карл Дим не был настолько самоуверенным, чтобы не видеть, что у германской сборной имелись серьезные проблемы, в итоге приведшие к провалу в Лос-Анджелесе. Главную причину несудач он видел в недостаточных тренировках и откровенном «шапкозакидательстве», присущем многим немецким атлетам. Прежде чем Олимпиада прошла бы в Германии, Дим задумал создать очень жесткую систему, которая должна была коренным образом изменить обстановку в немецком спорте. В первую очередь планировалось сделать ставку на тяжелые и регулярные тренировки. Карл Дим заявлял публике: «Будущие олимпийские победы предполагают беспощадную воспитательную работу. И от этого зависит уважение, которое будут испытывать к Германии во всем мире. Если к 1936 году мы сможем добиться этого уважения, то мы приложим руку к осуществлению нашей

немецкой миссии. Эта вера будет удивительным образом расти день ото дня. Но она еще не является явленной нам действительностью в борьбе за место под солнцем».

Уже из сделанных заявлений было предельно понятно, что Левальд и Дим намеревались превратить «праздник спорта» в показательное мероприятие, в ходе которого предполагалось продемонстрировать всему миру величие и силу Германии. Однако, когда только началась реальная подготовка к Берлинской Олимпиаде, над ней вновь сгустились тучи. Это было связано с тем, что 30 января 1933 года к власти пришли национал-социалисты. Для многих было очевидным, что появление новой власти должно было отразиться на спорте в целом и подготовке и к Олимпийским играм в частности. Вопрос заключался в том, собиралось ли имперское правительство Гитлера вообще проводить Олимпиаду. В начале 1933 года многие видные национал-социалисты яростно критиковали «олимпийское примиренчество». В то же самое время Теодору Левальду удалось кое-что сделать буквально накануне прихода Гитлера к власти. 24 января 1933 года им был учрежден Организационный комитет по проведению Олимпийских игр 1936 года. Он смог сформировать состав этого комитета еще до того, как на это могло повлиять национал-социалистическое правительство. Генеральным секретарем организационного комитета Олимпиады был назначен Карл Дим. Именно он становился ответственным за организацию игр в Берлине. Однако его «олимпийская мечта» вновь оказалась под угрозой. Опять можно было вспомнить времена Первой мировой войны.

Когда в 20-х числах января 1933 года создавался организационный комитет по проведению Олимпийских игр в Берлине, то в него сознательно пригласили обер-бургомистра

германской столицы Генриха Зама. Именно он смог поначалу убедить членов комитета в том, что не было никакой необходимости создавать новый стадион, а для проведения Олимпиады было вполне достаточно развить и модернизировать уже имевшиеся спортивные объекты в Грюневальде, о чем незамедлительно была уведомлена имперская канцелярия. Впрочем, в те дни члены организационного комитета и имперского комитета физической культуры беспокоились не столько о поддержке канцлера, сколько о покровительстве рейхспрезидента Пауля фон Гинденбурга. Гинденбург дал свое согласие только 9 февраля 1933 года, то есть когда уже полторы недели у власти находилось правительство Гитлера. Именно это обстоятельство заставило многих членов Немецкого Олимпийского комитета занять выжидательную позицию. Они прекрасно понимали, что при определенных условиях было просто необходимо заручиться также поддержкой нового рейхсканцлера. Ожидание закончилось 6 марта 1933 года, то есть сразу же после того, как на выборах в рейхстаг подавляющее большинство получили национал-социалисты и Немецкая народно-национальная партия. С психологической точки зрения это был очень выгодный момент, чтобы вновь обратиться в имперскую канцелярию. В тот день Теодор Левальд в своем письме сообщал: «Примите мои самые сердечные поздравления с той убедительной победой, которую вы, господин рейхсканцлер, смогли одержать. Я обращаюсь к вам с просьбой. Мне уже удалось добиться поддержки господина обер-бургомистра Зама, и теперь мне благосклонно хотелось бы рассчитывать на вашу помощь, господин рейхсканцлер. Я хотел бы дать краткий обзор предстоящих в 1936 году Олимпийских игр, которые будут проводиться в Берлине, а также хотелось,

чтобы вы стали почетным президентом только что сформированного организационного комитета».

О дальнейшем развитии событий лучше всего было сказано в воспоминаниях Карла Дима. Впервые об аудиенции у Гитлера он поведал на 75-летию Теодора Левальда (1935 год). Несмотря на то что сам Дим не присутствовал на встрече, в 1935 году он утверждал: «В своей яркой и захватывающей речи фюрер дал свое согласие». Однако уже в послевоенное время Карл Дим предпочитал давать более ироничное описание: «Он [Левальд] попросил о встрече. К нашему великому удивлению, нам сразу ответили согласием. На самом деле он никогда не рассказывал, насколько был любезно принят Гитлером и насколько Гитлер понял суть доклада. В любом случае нам была обещана поддержка... Когда уважаемый мною президент комитета вернулся, то он был настолько переполнен чувствами, что сразу же стал диктовать своему секретарю что-то цветастое о силе, который производил взгляд Гитлера». Однако если посмотреть на реалии, то можно утверждать, что однозначное решение не было принято Гитлером вплоть до октября 1933 года. Но в любом случае после встречи Левальда с Гитлером шеф имперской канцелярии стал делать заметки, которые должны были использоваться для подготовки сообщений в немецкой печати. В них значилось: «Фюрер продемонстрировал живой интерес к Олимпийским играм и охарактеризовал спорт как необходимое средство закалки немецкой молодежи. Он обещал, что всеми средствами будет способствовать спортивным интересам Германии».

То, что Левальду были даны отнюдь не пустые обещания, свидетельствует письмо, которое было направлено из Немецкого Олимпийского комитета в имперскую канцеля-

рию Ламмерсу на следующий день после встречи. Это было не просто очередное заверение в верности и преданности, а четко сформулированный перечень вопросов и требований. По большому счету все они укладывались в пять пунктов.

1. Мог ли Гитлер стать председателем почетного (попечительского) комитета?

2. Призыв к немецкой молодежи.

3. Пожелание, чтобы имперское правительство гарантировало участие в строительстве олимпийских объектов суммой не менее 6 миллионов рейхсмарок.

4. Повсеместная поддержка со стороны Имперского министерства пропаганды.

5. Просьба создать при Фрике (министерство внутренних дел) специальную структуру, возглавляемую членом Немецкого Олимпийского комитета.

По первому и второму пунктам Ламмерс в характерной для него манере ответил весьма уклончиво. По всем остальным пунктам он обещал передать поручения в соответствующие имперские министерства. Нельзя не заметить, что Теодор Левальд так выстраивал тактику общения с национал-социалистами, чтобы новое имперское правительство могло рассматривать организацию Олимпиады 1936 года исключительно как собственный проект. Когда Теодор Левальд составлял список своих предложений, то он сделал акцент на одном моменте, который по определению должен был заинтересовать национал-социалистов. Речь шла об использовании пропагандистского потенциала Олимпийских игр. Опять же нельзя не учитывать, что за три дня до этого было создано Имперское министерство пропаганды во главе с Йозефом Геббельсом. Как видим, Теодор Левальд словно интуитивно почувствовал склонность новых властей оценивать

предстоящую Олимпиаду не только как политический акт, но и как пропагандистское действие. И Геббельс подхватил брошенную Левальдом реплику, но уже в собственном стиле и для собственных целей. Левальду удалось вполне успешно наладить взаимодействие с различными структурами и имперскими министерствами. По крайней мере поручения им были разосланы непосредственно из имперской канцелярии. В итоге Геббельс обещал, что пропаганда предстоящей Берлинской Олимпиады начнется уже с лета 1933 года. В то же самое время министр внутренних дел Вильгельм Фрик, который в 1933 году курировал вопросы спорта и физкультуры, дал гарантию, что обратится с просьбой в Имперское министерство финансов, дабы то выделило необходимые для строительства средства. Осталась переализованной только одна-единственная просьба: по самым различным причинам Гитлер не захотел становиться председателем почетного комитета, который фактически должен был выполнять функции попечительского совета.

На первый взгляд может показаться, что решение организационных вопросов удавалось Теодору Левальду легко и без каких-либо усилий. Чтобы развеять это заблуждение, необходимо обратиться к одному эпизоду, который имеет значение не только для истории спорта. Как уже указывалось выше, весной 1933 года Левальд подвергался нападкам со стороны национал-социалистической партийной прессы. И речь шла отнюдь не о единичном случае, а о планомерной кампании, которая являлась отголоском антиеврейского бойкота, начатого в Германии 1 апреля 1933 года. Постепенно бойкот перешел из сферы торговли в сферу управления и культуры. Не смогло избежать травли и руководство Немецкого имперского комитета физической культуры. Карл Дим

вспоминал в своих мемуарах: «Меня травили попеременно то в “Народном обозревателе”, то в “Атаке” (“Ангрифф”). Мне ставилось в вину, что я был человеком, зависимым от заграницы». После того как выпады в курируемой Геббельсом «Атаке» коснулись Теодора Левальда, тот решил использовать свое влияние. Он направил 3 апреля 1933 года в редакцию журнала возмущенное письмо. В нем сообщал, что всегда придерживался национального мировоззрения, а физическое воспитание всегда видел в привязке к несению военной службы, что сближало его с Имперским министерством по делам рейхсвера. Словно оправдываясь, Теодор Левальд заявлял: «Только благодаря мне и Карлу Диму стрельба из мелкокалиберной винтовки и марш-броски в полной выкладке сейчас считаются символами немецкого спорта и физкультуры».

Принимая во внимание, сколь много он сделал для немецкого спорта, что подтверждалось личной встречей с Гитлером, Теодор Левальд решил обороняться, причем в агрессивном стиле. 3 апреля 1933 года он пожаловался Ламмерсу на нападки партийной прессы: «После того как при вашем любезном посредничестве была организована моя встреча с господином Гитлером, а также с господами имперским министром внутренних дел Фриком и с имперским министром пропаганды и народного просвещения Геббельсом, отношение ко мне этих ведущих партийных изданий, безусловно, смягчилось. Мне никогда не был присущ реакционный образ мышления. Я всегда придерживался лишь идеи, что моей задачей было содействие спорту с целью формирования национального мышления, народной силы и боеготовности». Левальд отнюдь не стремился «реабилитироваться» в глазах новой правящей верхушки. Он открыто настаивал

на том, что должен быть центральной фигурой при подготовке Олимпийских игр 1936 года, а потому прибегал к весьма жестким аргументам. Теодор Левальд категорически отказывался рассматривать даже гипотетическую возможность своего ухода из Немецкого Олимпийского комитета. Кроме этого он недвусмысленно предупреждал: «Международный олимпийский комитет не может навязывать [Германии] никаких личностей».

С другой стороны, Левальд демонстрировал разительное простодушие. Например, по поводу некоторых обвинений он заявлял следующее: «По поводу упреков о моем семитском происхождении мне хотелось отметить следующее. Моя мать была дочерью главного суперинтенданта Детмольда (Липе). Дед же происходил из семьи вестфальских священников, чья родословная прослеживается вглубь на многие века. Мой отец был крещен еще в юношеском возрасте». Подобная наивность показывает, что Левальд не совсем четко себе представлял суть расовой теории национал-социализма.

Сейчас сложно сказать, какой именно из аргументов произвел впечатление на Гитлера, но реакция не заставила себя ждать. Уже 4 апреля 1933 года Ламмерс продиктовал своему секретарю: «1. Известить заведующего отделом печати НСДАП, господина Дитриха, что господин рейхсканцлер выразил желание, чтобы в национал-социалистической прессе прекратились всякие нападки на господина Левальда. 2. Уведомить об этом по телефону самого господина Левальда». Но, несмотря на принятое в имперской канцелярии решение, положение Теодора Левальда все-таки было крайне шатким. Чтобы не ставить под угрозу возможность проведения Олимпийских игр в Берлине, он решил добро-

вольно оставить пост руководителя Немецкого имперского комитета физической культуры. Конечно же это должно было автоматически привести к перестановкам и в составе Немецкого олимпийского комитета, о чем были прекрасно осведомлены в имперской канцелярии. Однако в преддверии назначения Ганса фон Чаммера на пост Имперского комиссара по делам спорта Ламмерс и Винштайн рекомендовали Теодору Левальду на время сократить общественную активность. Проще говоря, в рейхсканцелярии не хотели без лишней на то надобности афишировать тот факт, что главой Немецкого олимпийского комитета должен был автоматически являться президент Имперского комитета физической культуры. С одной стороны, судьба имперского комитета уже была предreshена — он должен был быть распущен в самое ближайшее время. С другой стороны, национал-социалистическое правительство не хотело лишаться человека, который пользовался авторитетом в Международном олимпийском комитете.

6 мая 1933 года Теодор Левальд передал в имперскую канцелярию обращение Международного олимпийского комитета. Весьма показательно, что граф Анри де Байе-Латур (третий по счету президент МОК) обращался к Левальду, герцогу Адольфу Фридриху фон Мекленбургу и Карлу фон Хальте «дорогие коллеги». В указанном обращении говорилось, что олимпийское движение подчинялось определенным правилам, а потому возникало опасение, что в Берлине «могли бы возникнуть немалые трудности». В данном случае подразумевались слова Имперского комиссара по делам спорта Ганса фон Чаммера, который публично заявил, что организация Олимпиады в Берлине относится к его исключительной компетенции. Далее президент МОК выдвигал

сдва ли не ультимативные требования, принять которые было необходимо к началу июня, то есть к тому моменту, когда в Вене должно было произойти очередное заседание Международного олимпийского комитета: «Весьма важно, чтобы в Вене вы представили доказательства того, что Немецкий олимпийский комитет, который, собственно, и выдвинул Берлин для проведения игр в 1936 году, может быть уверен в немецком народе... Имперское же правительство со своей стороны должно дать письменные гарантии того, что никто не будет мешать соблюдению олимпийских правил». Кроме всего прочего, граф Анри де Байс-Латур указывал, что Олимпийские игры не могли иметь политического, расового или конфессионального характера, что организационный комитет по подготовке Олимпиады 1936 года находился в исключительном подчинении у МОК. «Если господин рейхсканцлер не может согласиться с данными условиями, то Берлин не может являться местом проведения Олимпиады».

Может возникнуть вопрос: почему возникла столь острая необходимость подтверждения того, что Германия была готова принять Олимпийские игры в 1936 году? Кроме упомянутого выше заявления фон Чаммера необходимо упомянуть студенческую акцию протеста, в которой принимали участие представители 18 германских университетов. С конца 20-х годов студенчество традиционно поддерживало национал-социалистов, считаясь едва ли не самой радикальной силой в национал-социалистическом движении. В Берлине эта акция вылилась в посадку саженцев дубов на гаревую дорожку стадиона, чем немецкие студенты продемонстрировали свое презрение к олимпийскому движению и так называемому большому спорту. Кроме этого студенты

активно подписывались под призывом Тило Шеллера, одного из самых молодых руководителей СА. В этом обращении сообщалось, что они «от лица всей немецкой молодежи выступали против проведения в Берлине Олимпийских игр в том виде, как они были запланированы».

Гитлер не смог скрыть своего разочарования столь бессмысленным радикализмом, который в том числе себе позволяли некоторые из руководителей спортивных объединений. В то же самое время он счел неприемлемым ультимативный тон обращения графа де Байе-Латура. Понимая, что организационный комитет по подготовке Олимпиады-1936 будет находиться в подчинении МОК, Гитлер отказался от поста председателя почетного комитета. Лсвальд оказался между молотом и наковальней. Ему пришлось в срочном порядке убеждать МОК в том, что в Германии царит большое воодушевление по поводу предстоящих Олимпийских игр, а потому нет никакого смысла переносить их из Берлина в другой европейский город. Одновременно с этим ему пришлось вести активную работу с министерством внутренних дел, чтобы то осадило фон Чаммера. В итоге Имперский комиссар по вопросам спорта получил в организационном комитете по подготовке Олимпиады всего лишь право совещательного голоса.

Как бы то ни было, но когда в июне 1933 года в Вене вновь был поднят вопрос о том, насколько власти рейха были готовы подчиниться олимпийским правилам, то были предоставлены все необходимые гарантии. Отдельное внимание было обращено на то, что в Олимпиаде могли без проблем принимать участие даже евреи. Но в этой связи надо задать двумя вопросами. Во-первых, не ослабил ли граф Анри де Байе-Латур свой решительный тон? Во-вторых, были ли

уполномочены германские делегаты давать подобного рода гарантии от лица имперского правительства? Сохранились сведения, что в венском заседании МОК принимал участие Ганс фон Чаммер, который и представил документы, подписанные министром внутренних дел Вильгельмом Фриком. Судя по всему, Гитлер категорически отказывался давать гарантии от своего имени. В то же самое время в архивах сохранились документы, из которых следует, что решение об участии в Берлинской Олимпиаде еврейских спортсменов было принято только в сентябре 1934 года! И произошло этого только после афинского заседания МОК.

Однако, несмотря на то что в Вене руководство МОК получило письменные гарантии от немецкой делегации, граф де Байе-Латур не смог полностью избавиться от терзавших его подозрений. В итоге, когда в 1934 году в Афинах вновь состоялось очередное заседание Международного олимпийского комитета, то тема преследования евреев в Германии вновь оказалась на повестке дня. Впрочем, на этот раз Байе-Латур в качестве президента МОК отметил, что «в этой стране прилагаются самые серьезные усилия, чтобы избавить спорт от политического влияния». Но это не помешало ему попросить представителей Германии вновь озвучить гарантии, которые были даны в Вене. В то время членов МОК очень беспокоили события, происходившие в Германии. И их опасения не были безосновательными. Пройдет год, и на очередном партийном съезде, который окрестят «съездом свободы», будут приняты так называемые «Нюрнбергские законы», согласно которым евреи окажутся ущемленными в своих правах. Именно к этому моменту достигнет своего апогея волна акций, в ходе которых звучали призывы бойкотировать Берлинскую Олимпиаду. Наиболее

сильно кампания критики и бойкота развернулась в США, и ее даже отчасти поддерживали американские члены МОК.

Между тем 7—8 марта 1935 года граф Анри де Байе-Латур проводил ревизию строящихся в Берлине олимпийских объектов. После этого он решил предпринять самые решительные меры. В октябре 1935 года он стал настаивать на личной встрече с Гитлером. Темой разговора должны были стать опять же еврейские спортсмены и проблема развернутой в США кампании бойкота. Чтобы упростить возможность встречи графа с фюрером, имперская канцелярия составила специальный документ, в котором Байе-Латур изображался как дружелюбный по отношению к Германии деятель. В частности, речь шла о письме американских членов МОК Ширила и Джанке, которые выражали скептическую позицию по поводу возможности проведения Олимпиады именно в Германии. Чтобы снять внутренние противоречия внутри Международного олимпийского комитета, Байе-Латур привел несколько аргументов, которые весьма ловко использовались Германией в собственных целях. Он указывал на то, что еврейские спортсмены в Германии были допущены к тренировкам, более того, на игры в Берлин была приглашена даже сборная Палестины. Президент МОК заявлял: «С марта этого года я нахожусь в постоянном контакте с господином Чаммером унд Остеном, который дал мне гарантии, что евреям разрешат входить в состав германской сборной». Более того, граф не упустил возможности, чтобы напомнить американцам, что у них в стране тоже не наблюдалось расового равноправия. В завершение он произнес, что ни одна из стран мира не разорвала дипломатических отношений с Германией из-за преследования евреев: «Не стоит спорт смешивать с политикой». На этот раз данный тезис играл в пользу Германии.

Принимая во внимание, под каким углом подавалась деятельность Байс-Латура, нет ничего удивительного, что он воспринимался как дружественный рейху деятель. Прежде чем организовать его встречу с Гитлером, Теодор Левальд подготовил для имперской канцелярии небольшую биографическую справку, в которой отразил основные вехи жизни президента МОК. Аристократ, близкий в свое время к покойному бельгийскому королю Альберту; много времени уделял дипломатической службе; состоял в браке с дочерью князя Клары-Альбрингена; член МОК с 1903 года; в 1925 году стал наследником Кубертена; в 1920 году президент организационного комитета по проведению Олимпийских игр в Антверпене. Теодор Левальд несколько раз восхвалял «совершенную беспристрастность графа». Учитывая кампании бойкота и дискуссии, имевшие место внутри МОК, Левальд добавлял: «Когда я в 1931 году предложил провести Олимпиаду в Берлине, то поддержал это начинание, а теперь выступаю против клеветнических измышлений, благодаря которым Америка хочет испортить репутацию Германии». Развивая этот сюжет, Левальд добавлял: «Граф готов лично направиться в Америку, чтобы, используя свое влияние и авторитет, положить конец кампании травли Берлинской Олимпиады».

По большому счету о встрече Гитлера и графа Анри де Байс-Латура, которая произошла 5 ноября 1935 года, известно не очень много. В официальных сообщениях пресс-службы имперского правительства лишь сообщалось, что «рейхсканцлер Гитлер в присутствии Фрика, Чаммера и Левальда принял президента МОК». Также указывалось, что состоялась длительная беседа, суть которой не передавалась. О ее содержании можно только догадываться, но

через несколько дней Байе-Латур заявил своим коллегам по Международному олимпийскому комитету: «Я имею честь довести до вашего сведения, что имел беседу с германским рейхсканцлером. Расследование, предпринятое мною, позволяет говорить, что ничто не может помешать проведению XI Олимпийских игр в Берлине и в Гармиш-Партенкирхене. Немецкий олимпийский комитет с глубоким почтением относится к принципам, которые изложены в Олимпийской хартии». После этого Байе-Латур заявил прессе, что ни один из членов МОК не поддерживает кампанию бойкота берлинских игр, так как «эта кампания является сугубо политической, и основывается она на беспочвенных утверждениях, ошибочность которых я могу легко разоблачить». Как бы то ни было, но визит Байе-Латура в Берлин на некоторое время защитил еврейских спортсменов Германии. Однако нельзя не признавать, что граф заблуждался, — он оказался во власти иллюзий.

Глава 5

СТРАСТИ ПО БОЙКОТУ

3 ноября 1933 года граф Анри де Байе-Латур сделал более чем откровенное признание. Он заявил: «Лично мне не нравятся евреи, и я скептически отношусь к их влиянию. Но я никоим образом не буду им досаждать. Я знаю, что они постоянно кричат о том, что нет никаких причин для их преследования. Но меня всегда поражал факт, почему общественное мнение не взволновали ужасы, происходящие в России, которые во сто крат хуже того, что творится в Германии? Почему? Потому что в данном вопросе пропаганда

поставлена не на должном уровне». Эти слова содержались в конфиденциальном письме, получателем которого был 46-летний глава Американского олимпийского комитета и шеф Любительского спортивного союза США Эйвери Брэндедж.

Этот человек был не только крупнейшим спортивным функционером в США, но состоятельным человеком. Впрочем, мировой кризис 1929 года поставил его на грань банкротства. Сам он вспоминал позже, что «у меня не было ни гроша в кармане, но об этом знали только мой бухгалтер и секретарь». В отличие от многих американских бизнесменов, Брэндедж решил не сводить счеты с жизнью. И во многом этим самообладанием он был обязан своей спортивной закалке. Эйвери Брэндедж мечтал не просто о карьере спортивного функционера, но о лаврах победителя Олимпиады. Нельзя сказать, что он был напрочь лишен таланта и способностей. В любом случае Брэндедж принимал участие в Олимпийских играх 1912 года, которые проходили в Стокгольме. Он решил попробовать себя в качестве атлета-пятиборца. Но на медаль ему едва ли приходилось рассчитывать, так как по итогам соревнований Брэндедж занял хотя и почетное, но явно непризовое шестое место. После этого он понял, что ему не хватало многих качеств, чтобы претендовать на олимпийскую медаль. Интересным является тот факт, что тогда в пятиборье победил известный американский атлет Джимми Торп, которого впоследствии лишили золотой олимпийской медали, так как выяснилось, что он выступал на платной основе за одну из бейсбольных команд, а потому не мог считаться спортсменом-любителем, а стало быть, его участие в играх 1912 года противоречило тогдашней Олимпийской хартии.

Несмотря на то что Брэндеджу не удалось добиться успеха на Стокгольмских играх, он сам рассматривал Олимпиаду 1912 года как идеальное воплощение благородных принципов олимпийского движения. Он писал по этому поводу: «Существовавшие социальные, расовые, религиозные и политические предубеждения очень быстро забывались, и спортсмены со всех континентов, придерживавшиеся различных взглядов, различных идей и различного образа жизни, казались одним дружелюбным единым целым, над которым витал олимпийский дух». Участие в Стокгольмской Олимпиаде настолько преобразило Эйвери Брэндеджа, что он позволил себе заявить: «Прикоснувшись к религии Кубертена, к олимпийскому движению, я, подобно многим другим, полностью изменился». Упоминание религии в связи с Олимпийскими играми не было простым речевым оборотом или преувеличением. Для многих Олимпийские игры были сродни религиозному действу, полному своих сложных обрядов и ритуалов. Кубертена почитали как пророка, а графа Анри де Байс-Латюра — как его ученика. Наиболее радикальные приверженцы олимпийских идей полагали, что Кубертен и Байс-Латур не могли ошибаться, так как являлись живым воплощением идеализма, который якобы позволял возвысить человека над его повседневной борьбой за существование. Именно в этой радикальной части олимпийцев начало формироваться новое мировоззрение, которое современные исследователи называют «языческим идеализмом». В этом «идеализме» не было речи о терпимости и равноправии. Сторонники этой псевдорелигии, подобно фанатикам других религиозных культов, полагали, что только их точка зрения была правильной, а все остальные — ложные. И как результат любой, кто мешал распространению олимпийских идеалов, мог рассматриваться в качестве врага.

Эйвери Брэнделдж принадлежал к числу именно таких фанатичных олимпийцев. Выступая в 1929 году перед представителями Торговой ассоциации Чикаго, он даже пытался обосновать собственный расовый идеал: «Не исключено, что мы можем стать свидетелями рождения новой расы, расы мужчин, которыми движет спортивное мастерство, являемое ими на спортивных площадках. Но ту же самую спортивную силу эти мужчины никогда не будут проявлять без липинсей на то надобности в обыденной жизни. Это будет физически сильная раса, нравственно и духовно окрепшая. Эта раса не будет знать заката, так как она готова бороться за свои права и физически приспособлена к этому. Люди этой расы будут помогать своему противнику, верх над которым одержат в справедливом спортивном поединке. И они будут бесстрашны в желании устранить несправедливость». Конечно, эти идеи несколько отличались от расовой доктрины национал-социализма, но Эйвери Брэнделдж никогда не скрывал своего восхищения тем, что в Германии нарождался «новый культ тела». Только принимая в расчет эти сведения, можно понять суть письма, которое граф Анри де Байе-Латур направил в ноябре 1933 года Брэнделджу. Это письмо было наполнено внутренними противоречиями. С одной стороны, Байе-Латур признавался в антисемитизме, с другой стороны, хотел преуспеть в деле защиты евреев-спортсменов. Когда он писал это сообщение, то его в первую очередь волновало, чтобы германские власти сдержали свое слово, которое немецкая делегация дала на заседании Международного олимпийского комитета.

Чтобы эти гарантии не были пустыми словами, Байе-Латур решил обратиться к Эйвери Брэнделджу: «Я полагаю, что было бы весьма полезным, если бы Любительский

спортивный союз США по итогам своего ежегодного собрания обратился к спортивным организациям Германии, дабы удостовериться, что данные в Вене обещания не будут аннулированы под каким-нибудь предлогом. Немецкую сторону также надо уведомить о том, что если подобное произойдет, то будет поставлено под сомнение участие немецких атлетов в играх 1936 года, а также едва ли Американский олимпийский комитет выдвинет своего представителя для участия в работе организационного комитета по подготовке XI Олимпийских игр». Кроме этого Байе-Латур считал, что поддержка американских спортсменов может усилить его личные позиции, так как он нередко становился объектом для обвинений в сознательной дискредитации национал-социалистической Германии. Граф Анри де Байе-Латур не был в состоянии опровергнуть резкие заявления Теодора Левальда, в которых говорилось, что «критика Германии была исключительно порождением ненависти, которую испытывают американские евреи к нашей стране». Надо отметить, что Теодор Левальд был прекрасно осведомлен о том, что Байе-Латур был антисемитом, а потом решил сыграть на его чувствах.

Обратившись к Эйвери Брэндеджу, бельгийский граф смог с предельной точностью разыграть собственную «дипломатическую» партию. Уже 18 ноября 1933 года фешенебельный отель «Уильям Пенн», находившийся в центре Питтсбурга, заполнили делегаты, которые съехались на ежегодное собрание Любительского спортивного союза. Вопрос об отношении к Берлину рассматривался одновременно с проблемой применения на международных соревнованиях метрической системы. По «немецкому вопросу» мнения присутствовавших разделились. Одни придержива-

лись точки зрения, что спортивная организация не должна была вмешиваться во внутренние дела чужой страны. Другие полагали, что США не должны были принимать участия в Олимпиаде, на которую не допускались еврейские спортсмены. Эйвери Брэндедж поддерживал вторую позицию.

Он критиковал Германию не за то, что в ней предпринимались меры по преследованию евреев, а потому, что политика не так давно пришедших к власти национал-социалистов была во многом направлена против олимпийского движения. Обсуждение этого вопроса затянулось не на один день. Собрание союза началось в субботу, а закончилось после некоторых перерывов только в понедельник утром. Любительский спортивный союз США принял решение, что его члены будут бойкотировать Берлинские игры, и такому решению призывали последовать Американский олимпийский комитет, заседание которого должно было произойти в Вашингтоне во вторник. Подобное решение было сформулировано Густавом Кирби, в прошлом президентом Американского олимпийского комитета. Против принятия такой резолюции проголосовали только три человека. Один из них был американец немецкого происхождения Дитрих Вортман, являвшийся предводителем Германо-американского спортивного клуба Нью-Йорка. На Олимпиаде 1904 года, проходившей в Сент-Луисе, он уже представлял американскую сборную. На тех играх он смог завоевать бронзовую медаль в качестве борца, выступавшего во втором полусреднем весе. Во время обсуждения вопроса о возможном бойкотировании Берлинских игр Дитрих Вортман занял жесткую позицию, полагая, что принятие подобных решений относилось исключительно к компетенции Международного олимпийского комитета, а потому «общественная организация даже права не име-

ла поднимать этот вопрос». Кроме этого Вортман напомнил всем собравшимся, что Любительский спортивный союз США запретил темнокожим атлетам принимать участие во многих соревнованиях. По большому счету потом Германия не раз прибегала к этому аргументу. Однако доводы Вортмана не были услышаны. Более того, его обвинили в симпатиях к национал-социалистической Германии. Однако вскоре он обрел поддержку там, где меньше всего ожидал ее найти, — его союзником стал Эйвери Брэндедж.

Не успели прозвучать обвинения в адрес Третьего рейха, как Германия незамедлительно прореагировала. Уже вечером 21 ноября 1933 года Теодор Левальд опубликовал в международной прессе заявление, в котором еще раз подтверждал, что все обязательства, взятые на себя Германией в Вене, будут «непременно выполнены». В этом вопросе Левальда активно поддерживал Ганс фон Чаммер, который опубликовал собственное письмо, в котором утверждал, что евреи-спортсмены не подвергались в Германии никакой дискриминации. В принципе все это заявление сводилось к четырем положениям:

1. Ни правительство рейха, ни Имперский спортивный руководитель не издавали приказ об исключении евреев из спортивных клубов.

2. Ни правительство рейха, ни Имперский спортивный руководитель не издавали приказ, запрещающий еврейским спортивным объединениям принимать участие в общественных мероприятиях.

3. Ни правительство рейха, ни Имперский спортивный руководитель не издавали приказ, запрещающий евреям принимать участие в соревнованиях.

4. Если подобные меры были предприняты местными властями, то это будет расценено как превышение служеб-

ных полномочий, после чего будут приняты «соответствующие меры».

Все эти четыре пункта были откровенной дезинформацией. Для того чтобы понять, что международной общественности откровенно лгали, достаточно принять в расчет декрет от 26 апреля 1933 года, который запрещал евреям состоять в спортивных объединениях Германии. Теодор Левальд знал, что это была ложь. Он не был антисемитом, хотя и был националистом. В данном случае им двигали совершенно другие мотивы. Его желание непременно провести Олимпиаду в Берлине было настолько большим, что ради его исполнения он был готов пойти на отказ от принципов олимпийского движения.

Как бы то ни было, но заявления Левальда и Чаммера произвели впечатление на американцев. Во всяком случае, на заседании Американского олимпийского комитета, которое состоялось 22 ноября 1933 года тон обсуждения был более мягким. Предложенный Густавом Кирби «жесткий» вариант резолюции был отвергнут. В этом вопросе Дитриха Вортмана поддерживал генерал Шеррил, заявивший, что была достигнута самая важная цель, а именно получено принципиальное согласие на участие еврейских спортсменов в Олимпийских играх 1936 года. Кроме этого генерал заявил: «Я выступаю против столь резкой формы решения в основном потому, что оно может поднять волну антисемитизма в нашей стране. Она рискует захлестнуть даже те слои, которые до этого вообще ничего не слышали про евреев. Также будет весьма рассержена молодежь, которую лишат возможности участвовать в Олимпиаде из-за каких-то евреев. Подобные решения являются непродуманными, но они угрожают всей стране». Это заявление можно трак-

товать двояко. С одной стороны, генерал Шеррил открыто дал понять американским евреям, что тем не стоило вмешиваться в международные дела. С другой стороны, принятие жесткой резолюции, то есть открытого призыва к бойкоту Берлинской Олимпиады, напоминало «закон, нарушение которого не предусматривает наказания» (слова Чарльза Орнштейна, представлявшего еврейские спортивные организации США). Эйвери Брэндедж предложил собрать специальную комиссию, которая бы выработала текст постановления Американского олимпийского комитета: «Это должно быть доводом, но никак не угрозой. Если Германия не будет соответствовать олимпийским принципам, то мы не пошлем туда своих атлетов. И мы говорим об этом со всей ответственностью».

Впрочем, даже среди американских общественных и политических деятелей были те, кто сомневался в непредвзятости Эйвери Брэндеджа. Одним из них был американский генеральный консул в Берлине Джордж С. Мессерсмит. Его очень смущало поведение и Немецкого и Американского олимпийских комитетов. 18 ноября 1933 года он сообщал в США по этому поводу: «Известно, что к еврейским атлетам в Германии в целом относятся весьма предвзято. Им не дают возможности тренироваться, принимать участие в подготовке к Олимпийским играм в Берлине. Им даже закрыт доступ на соревнования, не имеющие никакого отношения к олимпийскому движению. Доктор Т. Левальд не смог дать мне вразумительных комментариев, так как он знал, что не смог бы отрицать все эти факты». Однако к предостережению Мессерсмита было решено не прислушиваться. В госдепартаменте США не посчитали положение еврейских спортсменов поводом, достаточным для того, чтобы вме-

пиваться по дипломатической линии. Информация была воспринята всего лишь как частный случай, имеющий отношение только к спорту.

Однако за событиями, происходившими в Германии, настороженно наблюдали не только в США, но и в Великобритании. По крайней мере в конце 1933 года Британский олимпийский комитет на полном серьезе рассматривал возможность отказа своей сборной от участия в XI Олимпийских играх. Во время достопамятного заседания МОК, происходившего в Вене, позицию американцев активно поддерживал лорд Абердэйр. Он продолжал придерживаться своей позиции даже несколько месяцев спустя. Лорд Абердэйр, имевший за своими плечами военное прошлое, был в первую очередь известен как талантливый теннисист. Он выходил победителем из пятнадцати международных чемпионатов, проводившихся на территории США, Канады и Великобритании. По вопросу давления на Германию лорда Абердэйра поддерживал секретарь Британского олимпийского комитета Эванс Хангер. Однако все остальные члены БОК занимали более благожелательную или мягкую позицию, а потому просто ожидали поступления новой информации из Третьего рейха. Позиция британцев на первый взгляд могла показаться нейтральной, но это было не совсем так. Зимой 1933—1934 годов лорд Абердэйр потребовал у Теодора Левальда сведений относительно судьбы нескольких еврейских спортсменов. Несмотря на то что тон письма был если не угрожающим, то весьма вызывающим, Теодор Левальд не мог проигнорировать его. Для него было очень важно, чтобы британская сборная приняла участие в Олимпийских играх 1936 года. Кроме того, не надо было забывать, что Великобританию считали «колыбелью» нескольких видов

спорта, весьма популярных в 20—30-е годы. Если бы Великобритания отказалась участвовать в Берлинских играх, то ее примеру могли последовать еще несколько государств. А если бы бойкот Олимпиады был организован США и Великобританией, то можно было говорить, что игры были полностью провалены.

Направленный Теодором Левальдом в Англию ответ был не слишком убедительным. Во-первых, он еще раз декларировал, что германская сторона намеревалась полностью соблюсти гарантии, данные в Вене. Что касается судьбы еврейских спортсменов, проживавших на территории Германии, то Левальду пришлось наводить справки. В письме он сообщал, что часть из них добровольно отошла от спорта. Кроме этого он утверждал, что секретарь Немецкого общества пловцов Вальтер Биннер вообще не был евреем, а теннисист Даниэль Пренн не планировал принимать участие в Берлинских играх, так как теннис не входил тогда в олимпийскую программу.

В завершении письма Теодор Левальд выражал наигранное удивление по поводу того, что лорд Абердейр «был настолько озабочен судьбой еврейских атлетов». В качестве аргумента для «изумления» Левальд приводил цифры статистики: из 414 спортсменов, представлявших Германию на Олимпиадах в Амстердаме, Лос-Анджелесе и Лейк-Плэсиде «только трое были евреями». Тактика, занятая Левальдом, была предельно проста: раз евреи не играли заметной роли в спортивной жизни Германии, то не стоило уделять положению еврейских спортсменов особого внимания. Как ни странно, но подобная тактика действия принесла свои плоды. Уже 5 февраля 1932 года лорд Абердейр прислал в Берлин письмо, тон которого можно было назвать «примири-

тельными» и даже «извиняющимся». Более того, английский аристократ заверял, что окажет воздействие на Британский олимпийский комитет, дабы тот не предпринимал «резких действий». Теперь можно было говорить, что Великобритания отстранилась от идеи бойкотирования Олимпиады в Берлине, национал-социалисты могли на время перевести дыхание.

Весной 1934 года национал-социалистическому правительству удалось убедить графа де Байс-Латура, что в рейхе предпринимается все возможное, дабы соответствовать «олимпийским идеалам». Граф не только поверил, но и попытался убедить Эйвери Брэндеджа. Аналогичные попытки предпринимал и вице-президент МОК Зигфрид Эдстрём.

Он писал Брэндеджу из Италии: «Только США и Великобритания заинтересованы в защите прав евреев. В этих странах евреи, как нигде, сильны, а потому употребляют свое влияние, чтобы использовать Олимпийские игры в собственных политических целях». Положа руку на сердце можно сказать, что Зигфрид Эдстрём никогда не скрывал своих антисемитских настроений. Еще в декабре 1933 года он писал Брэндеджу: «Не исключено, что настанет момент, когда вам придется остановить действия евреев. Они интеллектуальны, но нечистоплотны в делах. Многие из моих друзей являются евреями, а потому не подумайте, что я имею что-то против них. Но их надо держать в определенных рамках». Однако, несмотря на все эти заверения, Эдстрём пытался убедить Брэндеджа в том, что бойкотирование Берлинской Олимпиады являлось «происками сионистов». У Эдстрёма был один очень мощный «аргумент», который позволял переманить американца на свою сторону. Речь шла о членстве в Международном олимпийском комитете. Проблема заключалась в том,

что, являясь главой Американского олимпийского комитета, Эйвери Брэндедж не был членом МОК. В указанное время членами этой международной организации были только три американца: генерал Шеррил, полковник Уильям Гарланд и Эрнест Ли Джанке, некогда занимавший хороший пост на флоте. Джанке очень слабо разбирался в спорте, а потому его откровенно недолюбливали в МОК. Это прекрасно понимали и Шеррил, и Гарланд. А потому они предпринимали все возможное, чтобы заменить Джанке на кого-нибудь другого. И тут выбор падал только на Брэндеджа. Эдстрём заверял его, что как только Джанке подаст в отставку, то вопрос без проблем будет решен.

Впрочем, швед ни словом не обмолвился, почему Джанке должен был подать в отставку. Однако это несколько не интересовало Брэндеджа. Он знал только лишь то, что надо было поступать так, как этого хотели президент и вице-президент Международного олимпийского комитета. Те же хотя и пытались скрывать свои симпатии к Германии, но получалось у них это не слишком хорошо. С указанного времени меняет свое отношение к рейху и Брэндедж. Еще недавно он был сторонником бойкота, но уже в первой половине 1934 года начинает активно агитировать за участие американской сборной в Берлинских играх. Честолюбие, конформизм, вера в «создателей Олимпиады» сделали свое дело. Но одно дело — изменить своим убеждениям, а другое дело — убедить в необходимости сделать это многих других. И тут Брэндеджу надо было немало потрудиться.

Первая задача Брэндеджа состояла в том, чтобы по поручению Американского олимпийского комитета направиться в Германию, где предстояло изучить условия жизни еврейских спортсменов. И лишь на основании собранной инфор-

мации комитет в США должен был принять конкретное решение. Однако, прежде чем прибыть в рейх, американский деятель в августе 1934 года прибыл в Стокгольм, где проходил съезд представителей Международной федерации легкой атлетики. В Швеции все было заранее подготовлено к встрече Брэндеджа. В особняке, в котором проживал Зигфрид Эдстрём, он как бы случайно столкнулся с Левальдом, фон Хальтом, Димом и Юстасом Мейерхофом. Последний был евреем по национальности, что не мешало ему состоять в Берлинском спортивном клубе. Поведение Мейерхофа было настолько свободным, что Брэндедж не заподозрил подвоха. Об этой «случайной» встрече позже вспоминал Карл Дим: «Мы показали Брэндеджу документы, из которых следовало, что евреи могли свободно принимать участие в спортивных соревнованиях и в Олимпийских играх в том числе. Мейерхоф рассказал нам историю, как хотел покинуть Берлинский спортивный клуб, но его “отставка” не была принята. Никогда в жизни я не был горд за свой клуб, как в тот момент. Брэндедж был впечатлен не меньше».

Американец прибыл в Германию 12 сентября 1933 года. Вначале он оказался в Восточной Пруссии, в Кенигсберге. Его путешествие по Третьему рейху продолжалось чуть меньше недели. В эти несколько дней Брэндеджу пытались показать только привлекательную сторону «новой Германии». Ему даже позволили встретиться с еврейскими спортсменами. Но Брэндедж очень плоховато знал немецкий язык, а потому общаться ему приходилось через переводчиков, которые «любезно» были предоставлены национал-социалистическим правительством. В итоге у заморского гостя сложилось впечатление, что еврейским спортсменам не чинилось никаких препятствий и неудобств. Брэн-

дедж оказался настолько очарован рейхом, что год спустя в США на одном из собраний произнес: «Америка должна поучиться у Германии. В этой стране проведена эффективная и успешная работа. У этой страны есть дух». Принимая в расчет эти слова, нельзя не учитывать, что американец долгое время представлял себе Германию страной образца конца 20-х, то есть он думал увидеть страну, страдающую от «отчаяния», «долгов», а потому бездумно погруженную в «ночную жизнь» и «истеричное веселье». Однако взору Брэндеджа предстали подтянутые немцы в униформе, которые были «гостеприимными, учтивыми, хорошо воспитанными и дружелюбными людьми». Все же Брэндедж предпочитал видеть не национал-социалистический рейх, а «Олимпийскую Германию», в которой якобы никто не заслуживал несправедливых наград. Он заблуждался, и эти заблуждения привил своим соотечественникам.

Когда Эйвери Брэндедж вернулся в США, то стал всех подряд заверять, что для бойкотирования Берлинских игр не было ни причин, ни поводов. 26 сентября 1934 года его доклад заслушивал Американский олимпийский комитет. Еще не так давно Густав Кирби, настойчиво требовавший отказаться от участия в Олимпиаде 1936 года изменил свою позицию самым кардинальным образом. Он заявил: «Я полагаю, что Германия будет придерживаться всех своих обещаний. Из сообщения мы узнали, что она более не намерена сворачивать с курса, который был взят». Не менее восторженные слова себе позволял и генерал Шеррил. Он полагал, что именно американские спортсмены заставили национал-социалистов изменить если не отношение, то хотя бы условия жизни евреев. Не было ничего удивительного в том, что после этих слов все восемнадцать членов Амери-

канского олимпийского комитета единодушно проголосовали за участие сборной США в Олимпиаде 1936 года. Аналогичное решение было принято и по вопросу об участии в зимних Олимпийских играх, которые в феврале 1936 года должны были стартовать в Гармиш-Партенкирхене. После этого Теодор Левальд сделал «реверанс». В сообщении, адресованном АОК, он заявлял: «Олимпийские игры нельзя считать в полной мере таковыми, если бы в них не принимали участие американские спортсмены». Но не стоило полагать, что требования организовать бойкот сразу же утихли. В день возвращения в США Эйвери Брэндедж получил письмо от Сэмюэля Унтермейера, возглавлявшего так называемую «Антинацистскую Лигу». В письме говорилось: «Участие в этих играх нарушает экономический бойкот и культурную изоляцию, которые весь цивилизованный мир хочет использовать для борьбы с озверевшим режимом. Ни один обладающий чувством собственного достоинства еврей, в какой бы стране мира он ни проживал, не позволит себе прибыть в нацистскую Германию». Деятельность «Антинацистской Лиги» поддерживал Эдмунд Селлер, сенатор от демократов. Он заявил публике, что «Брэндедж оказался в силках, расставленных устроителями состязаний в рейхе, — решение было принято еще до того, как он приплыл в Германию».

Если же оценивать ситуацию 1934 года в целом, то протесты против участия в Олимпиаде и призывы к ее бойкоту были спорадическими. Тем не менее, вопреки тому, что Американский олимпийский комитет принял однозначное решение, из Любительского спортивного союза США все еще раздавались голоса, заявлявшие, что тема не была исчерпана. Между тем Эйвери Брэндедж решил оставить пост

главы этой организации, который он занимал шесть лет (по тем временам — немалый срок). На съезде союза, который проходил в Майами, он решил передать президентство бывшему нью-йоркскому судье Джереми Махони. Забегая вперед, можно утверждать, что Брэнделдж просчитался: долгие полтора года ему придется постоянно отражать атаки «законника». Накалялась обстановка и в Великобритании.

Лорд Абердейр был весьма разочарован тем, что американцы приняли решение по поводу участия без каких-либо консультаций с британской стороной. В письме Теодору Левальду он открыто заявлял: «Если бы Олимпиада состоялась в 1934 году, то с большой долей вероятности можно было бы утверждать, что наша сборная не стала бы принимать в ней участие». В этой связи последовал совет: показать миру как можно больше хорошего, чего смогла добиться Германия за прошедшие два года. По сути, Третьему рейху предлагалось устроить своеобразную рекламную акцию. В самом рейхе уже давно вынашивали такие же идеи. И ставку было решено сделать на поражающую своим величием архитектуру.

Глава 6

ПРОЕКТЫ ОЛИМПИЙСКИХ СООРУЖЕНИЙ

«Едва ли есть необходимость превосходить техническую масштабность американских стадионов. Они преимущественно предназначены для проведения крупных матчей различных лиг профессионального спорта, а потому ориентированы на потребности платежеспособной публики, ожидающей сенсаций. Хотя бы по этой причине финансирование содержания этих объектов до настоящего момента

осуществляется без заметных проблем. Немецкие сооружения должны служить любительскому спорту, который является народным спортом в самом широком понимании этого слова, так как его идеальной целевой установкой является общее духовное и физическое выздоровление народа». Такие слова в 1933 году в своей работе «Искусство и техника в конструкции стадионов» написал немецкий архитектор Вернер Марх. Но заглянем на несколько лет назад, прежде чем были написаны эти слова.

Итак, к концу 20-х годов XX века Германия смогла выйти из международной изоляции в вопросах спорта. Возвращение в «олимпийскую семью» было ознаменовано не только стремлением добиться побед на международных соревнованиях, но и немедленным желаниям модернизировать и перестроить спортивные объекты, имевшиеся внутри страны, что в первую очередь относилось к «Немецкому стадиону». Эта потребность была вызвана стремлением Теодора Левальда и Карла Дима провести одну из Олимпиад именно в Германии. Карл Дим никак не мог смириться с тем, что запланированные в 1916 году Олимпийские игры в Берлине так и не состоялись из-за начавшейся мировой войны. А ведь именно для их проведения был построен «Немецкий стадион». Олимпиада, проведенная именно в Берлине, стала для него смыслом жизни. Перефразируя его слова из гимна «вечной Олимпии», можно сказать, что для него это была «борьба за честь, отечество, мир и радость».

Впрочем, подготовка к модернизации спортивных объектов в Германии началась (хотя бы на теоретическом уровне) задолго до того, как было принято решение о проведении Олимпиады 1936 года в германской столице. Уже в 1922 году увидела свет книга Йоханнеса Зайфферта «Спортивные пло-

щадки и спортивные арены», в которой содержались рекомендации относительно того, как надо было строить большие спортивные объекты. После этого по личной просьбе Карла Дима Зайфферт занялся подготовкой концепции. В ней должны были быть изложены идеи, которые можно было бы использовать не только для строительства новых празднично-спортивных площадок, но и для реконструкции «Немецкого стадиона». На проходившей в 1925 году выставке «Народная сила» была продемонстрирована модель реконструированного «Немецкого стадиона», который, по замыслу Йоханнеса Зайфферта, отвечал всем требованиям, которые предъявлялись к объектам международного уровня. Имелись полосы, используемые в качестве велотрека, было увеличено спортивное поле, а сам стадион мог вместить большее, нежели ранее, количество зрителей.

Кроме этого Зайфферт исходил из того, что «еще долгое время потребностям международных игр не будет отдаваться должное», а потому предполагал использовать уже построенные объекты Немецкого института физической культуры. В 1927 году он в эскизах представил новый проект, в котором учитывались беговые дорожки, треки и трассы института. Преимуществом данного проекта должно было являться то, что «Немецкий стадион» фактически не подвергался существенной перестройке. Используя уже имевшиеся стадион и объекты института физической культуры, нужно было создать еще несколько спортивных сооружений, а потому можно было существенно снизить стоимость строительства. В качестве места возведения новых строений Зайфферт выбрал территорию, располагавшуюся к юго-западу от Хеерштрассе и площади Шольцплац. Однако, вопреки ожиданиям, предложения Йоханнеса Зайфферта не

вызвали широкого резонанса. Со временем он отстранился от деятельности Немецкого имперского комитета физической культуры, а потому в итоге утратил поддержку не только функционеров, но и своего приятеля Карла Дима. Однако нельзя не отметить, что в условиях начавшегося кризиса 1929 года строительство нового грандиозного олимпийского комплекса выглядело в глазах общественности не просто бессмысленной тратой денег, но некоей архитектурной утопией. И именно в это время к проекту реконструкции «Немецкого стадиона» был привлечен архитектор Вернер Марх.

Прежде чем продолжить рассказ о проектах олимпийских объектов, надо хотя бы несколько слов сказать о Вернере Мархе. Этот выдающийся немецкий архитектор родился 17 января 1894 года в пригороде Берлина Шарлоттенбург. Архитектуре он учился в Берлине и Дрездене. Именно Вернера Марха можно без всяких оговорок считать автором Имперской спортивной площадки¹, на которой в 1936 году проводилась Берлинская Олимпиада. Необходимо отметить, что проектирование спортивных объектов было едва ли не семейным делом. Дело в том, что отец Вернера, архитектор Отто Марх, в свое время создавал гоночные трассы в Грюнсвальде и «Немецкий стадион». Вернер Марх был одним из участников конкурса на проект «Немецкого спортивного форума», который в середине 20-х годов проводился по инициативе правительства Веймарской республики. Несмо-

¹ Несмотря на то, что словосочетание Reichssportfeld было бы правильнее переводить как «Имперское спортивное поле», в данном случае более логичным является перевод «Имперская спортивная площадка», что позволит избежать путаницы с полем Олимпийского стадиона.

тря на то что ему приходилось конкурировать с такими именитыми архитекторами, как Йоханнес Зайфферт, Макс Таут, Ганс Пёльциг, Герман Дернбург, именно проект Вернера Марха был признан самым удачным. Участие в этом конкурсе не было простым испытанием. Конечно, Вернер Марх рассматривался жюри не просто как талантливый архитектор, но и как ученик своего отца. Однако, с другой стороны, Вернеру приходилось противостоять Йоханнесу Зайфферту, который считался ведущим специалистом в проектном бюро, возглавляемом его отцом. Нельзя не отметить, что Зайфферт в то время слыл экспертом по устройству беговых дорожек и спортивных объектов. Кроме этого у Зайфферта было одно несомненное преимущество — в середине 20-х годов он был консультантом по вопросам строительства при Немецком имперском комитете физической культуры. А потому не было ничего удивительного в том, что Карл Дим настаивал на том, чтобы предпочтение было отдано проекту его приятеля.

Несмотря на то что в конкурсе на проект «Немецкого спортивного форума» Вернер Марх смог одержать верх, нельзя не отметить, что он со временем отошел от предложенных им идей, предпочитая пользоваться наработками Зайфферта. Кроме того, проекты, выставленные на конкурс этими двумя архитекторами, обнаруживали в себе много общего. Все это позволяет утверждать, что Йоханнес Зайфферт оказал немалое влияние на Вернера Марха. Если же говорить о самом «Немецком спортивном форуме», то в период с 1926 по 1929 год было возведено всего лишь несколько небольших объектов, входивших в этот комплекс. Его строительство так и осталось незавершенным — крест на нем поставил начавшийся в 1929 году мировой кризис.

Тем не менее со временем Немецкий имперский комитет физической культуры стал привлекать именно Марха к подготовке проектов возможной перепланировки «Немецкого стадиона». Поначалу это делалось только в свете возможного прохождения Олимпийских игр в Берлине, но со временем Вернер Марх смог подняться до уровня «официального олимпийского архитектора».

Первый шаг к этому был сделан, когда комиссия под председательством Карла Дима провела полную ревизию состояния «Немецкого стадиона». Именно после этого Вернеру Марху было сделано предложение подготовить предварительный проект реконструкции стадиона. 19 июля 1928 года Марх направил в Немецкий имперский комитет физической культуры приблизительную смету расходов на подготовку проекта. Вернер Марх в случае получения гарантий, что по итогам работ ему будет выплачен гонорар в размере 6 тысяч марок, был готов взяться за подготовку проекта. Кроме собственно подготовки набросков и модели реконструированного стадиона он обещал изучить все имевшиеся в тот момент «самые современные и значимые спортивные объекты», но для этого требовалась оплата его служебных командировок. В период с 25 по 30 мая 1930 года Марх постоянно присутствовал на заседании Олимпийского конгресса, который проходил в Берлине. На этом представительном мероприятии кроме самого президента МОК графа Анри де Байс-Латура и тридцати постоянных членов комитета присутствовало около сотни человек, представлявших интерес Германии, и многочисленные делегаты, направленные в Берлин от международных спортивных и общественных организаций. Главной целью немцев было презентовать Берлин иностранным наблюдателям в качестве «спортивной

столицы Германии». Надо отметить, что с этой задачей они справились почти идеально.

Когда в 1927 году Германия стала претендовать на то, чтобы в 1936 году XI Олимпийские игры проводились в Берлине, то предполагалось использовать в первую очередь «Немецкий стадион». Его планировалось привести в соответствие с требованиями, которые предъявлялись к спортивным объектам подобного уровня. Именно в эти дни Вернер Марх представил международной комиссии проект реконструкции «Немецкого стадиона». Если опустить несколько деталей, то за основу проекта были взяты отдельные идеи, предложенные в свое время Йоханнесом Зайффертом. В частности, это касалось уменьшения общей площади спортивного поля за счет создания дорожки велотрека. Кроме этого сам уровень спортивного поля должен был быть опущен на 4,5 метра. С одной стороны, это уменьшало размеры поля (500 × 600 метров), но, с другой стороны, позволяло увеличить вместимость спортивного объекта с 50 тысяч до 70 тысяч сидячих мест. Когда Карл Дим презентовал представителям МОК проект Вернера Марха, то он отдельно подчеркивал, что «Немецкий стадион» должен был использоваться в комплексе с примыкавшим к нему «Немецким спортивным форумом». Это устраивало все стороны.

Официально Берлин как место проведения Олимпийских игр 1936 года был провозглашен 13 мая 1931 года. С этого момента Вернер Марх приступил к непосредственной деятельности по перепланировке «Немецкого стадиона». В своих проектах он планировал существенно изменить бассейн, который примыкал к стадиону с севера. Марх думал не просто расширить бассейн, но снести старое («северное») стро-

сние и возвести его заново, но уже с восточной стороны. Подобная перекройка конструкции «Немецкого стадиона» позволяла сделать новый главный вход в спортивный комплекс. После пары месяцев работы модель нового объекта была продемонстрирована публике. Произошло это 1 июля 1931 года на архитектурно-строительной выставке, проходившей в столице Германии.

Перипетии, связанные с реорганизацией национал-социалистами структур, занимавшихся проблемами немецкого спорта, были изложены в предыдущих главах. Если же говорить о перестройке «Немецкого стадиона», то надо сказать, что 15 июля 1933 года под председательством Карла Дима прошло первое заседание специальной строительной комиссии, которая была создана при организационном комитете по проведению Олимпийских игр 1936 года. В состав комиссии входили в том числе директор Веймарского государственного высшего художественного училища Пауль Шульце-Наумбург, считавшийся едва ли не самым любимым архитектором Гитлера, начальник Имперского строительного управления Карл Райхле, Ганс фон Чаммер. Был в ее составе и Вернер Марх. На первом организационном заседании строительной комиссии было постановлено, что только «Немецкого стадиона» и примыкавшего к нему бассейна явно не хватало для полноценного обеспечения Олимпийских игр 1936 года. Были «забракованы» также отдельные из строений «Немецкого спортивного форума», возведение которого так и не было завершено даже в 1933 году. Тон на комиссии задавал Шульце-Наумбург, который считался выразителем национал-социалистического стиля в архитектуре. Именно он потребовал, чтобы олимпийский комплекс являл собой единое целое. И этот комплекс должен был

быть построен в едином стиле. Шульце-Наумбург исходил не столько из эстетических, сколько из политических соображений. По этой причине он заявлял, что спортивный комплекс «в 1936 году должен стать для всего мира символом сплоченной воли и непреодолимой внутренней мощи Германии». Именно по предложению Шульце-Наумбурга комиссия постановила, что необходима основательная персделка как «Немецкого стадиона», так и не возведенных до конца сооружений «Немецкого спортивного форума». После этого имперский советник Райхле выразил готовность выделить на осуществление этого проекта 5,7 миллиона рейхсмарок.

В начале октября 1933 года Международный олимпийский комитет еще раз подтвердил, что местом проведения Олимпиады в 1936 году будет Берлин. Несмотря на то что представителями МОК были уже одобрен проект олимпийских объектов, подготовленный Вернером Мархом, Гитлер решил внести в него значительные изменения. 5 октября 1933 года он предписал существенно расширить строительную программу. Именно эту дату можно рассматривать как поворотный момент в создании олимпийского комплекса в германской столице. Именно в это время Теодор Левальд в очередной раз встречался с фюрером. В записях спортивного деятеля остались следующие строки: «Канцлер пояснил, что стадион должен быть построен государством, а потому это строительство надо рассматривать как задачу имперского уровня. Если мы приглашаем в гости весь мир, то должно возникнуть что-то величественное и прекрасное». Находясь «на объекте», Марх продемонстрировал Гитлеру несколько образцов камня, подчеркнув, что здание стадиона предполагается обделать тесовым камнем. На это Гитлер заявил: «У нас в стране имеется 4 миллиона безработных, а пото-

му мы должны позаботиться, чтобы занять их. И не имеет никакого значения, если для этого нам придется потратить лишний миллион рейхсмарок». Это было своеобразным от-
встом на предложение Марха и Левальда воздержаться от
возведения «Дома немецкого спорта», что позволило бы сэ-
кономить на строительстве олимпийских объектов. Фюрер
был непреклонен: не имело смысла экономить, надо стро-
ить все, что было запланировано ранее. После этой встречи
Левальд сделал запись: «Я полагаю, что сегодня был сделан
решающий шаг на пути к осуществлению наших смелых
планов и чаяний».

В итоге с осени 1933 года комплекс олимпийских объ-
ектов стал именоваться Имперской спортивной площадкой.
Гитлер непременно хотел, чтобы проект в некоторых сво-
их чертах повторял культовые сооружения Античной Гре-
ции. Поскольку строительство олимпийских объектов стало
«имперским проектом», то было принято решение, что го-
родские власти Берлина будут отстранены от его реализа-
ции. В тот же самый день, когда Гитлер и сопровождавшие
его Теодор Левальд и Вернер Марх осматривали «Немецкий
стадион» и примыкавшие к нему строения, статс-секретарь
Имперского министерства внутренних дел Ганс Пфундтнер
получил приказ уведомить об этом обер-бургомистра Генри-
ха Зама. Сделано это было без лишней тактичности. После
ревизии объектов Гитлер попросил Вернера Марха «при-
быть на будущей неделе со всеми архитектурскими плана-
ми, чтобы в них можно было внести коррективы, включая
создание праздничной площадки под открытым небом, для
чего идеально подходили располагавшиеся к северу от ста-
диона овраги». Одновременно с этим Генрих Зам получил
письмо, сообщавшее, что «на встрече, которая на будущей

неделе состоится у господина рейхсканцлера, присутствие представителей городских властей Берлина, к сожалению, не предусмотрено».

На указанном совещании, проходившем в имперской канцелярии, кроме собственно Гитлера, Марха и Левальда присутствовали Ганс Пфундтнер и министр пропаганды Йозеф Геббельс. О состоявшемся обсуждении известно не слишком много. В архивных делах рейхсканцелярии и министерства внутренних дел сохранились лишь короткие записи. Но более подробная информация была приведена в специальном вестнике, который назывался «Навстречу Берлинской Олимпиаде 1936 года». Это издание имело подзаголовок: «Фюрер принимает решение». Несмотря на патетичность изложения материала, из него можно было узнать, что Гитлер заявил: «Если мы приглашаем гостей со всего мира, то им необходимо продемонстрировать, что новая Германия является культурной страной». И далее: «В Берлине непременно должна иметься специальная территории для проведения собраний и народных праздников».

Далее фюрер поинтересовался у Теодора Левальда: «Имелась ли в Берлине еще какая-нибудь территория, которая могла сравниться по красоте и практичности с тресками, трассами и дорожками Грюнесвальда?» Левальд ответил, что другой такой территории в Берлине не было. Поскольку объекты Грюнесвальда находились в долгосрочной аренде гоночного союза, то было решено выплатить этой организации некоторую компенсацию. Но этот вопрос меньше всего занимал присутствовавших на закрытом совещании. В центре внимания оказалась вместимость спортивных объектов: «Когда на его [Гитлера] вопрос, сколько людей могли вместить стадион и арена, последовал ответ: 120—130 ты-

сяч человек, то фюрер отметил, что это была явно недостаточная вместимость. Он попросил у архитектора Марха план местности, на котором обозначил располагающуюся к западу от стадиона территорию. Этого места было достаточно, чтобы создать там площадь для проведения собраний, празднований и демонстраций. По прикидкам Марха, на этой площадке могло разместиться около полумиллиона человека. Кроме этого архитектор заметил, что однажды его посетила идея пробить насквозь западный изгиб олимпийского стадиона, чтобы появилась возможность открыть пространство в данном направлении. Фюрер бойко подхватил идею архитектурного объединения олимпийского стадиона и праздничной площади. Он потребовал, чтобы архитектурное решение было согласовано с ним лично. Доктор Левальд указал на то, что после того, как символом Берлинских игр был избран колокол, то для него требовалось монументальное сооружение, с которого бы звон мог разноситься над всей округой. Это могла бы быть основательная колокольная, которая бы возвышалась над западным краем праздничной площади».

Приблизительно в указанное время одна из немецких газет сообщала о предстоящей новостройке: «Самым примечательным в этом проекте является его общая планировка, к которой с самого начала привязывались все строительные планы. Еще недавно передовым борцам за эту идею приходилось с трудом выбивать каждый пфенниг. Однако сейчас все проблемы исчезли — в Берлине должны возникнуть сооружения, которых еще не знала Европа». Эта цитата является показательной хотя бы в силу того, что национал-социалистический режим решил не жалеть денег на проведение Олимпиады. Олимпийские игры требовались

национал-социалистам и в качестве приёма, отвлекающего внимание публики от начинавшегося террора, и в качестве средства по укреплению доверия к Гитлеру как со стороны самих немцев, так и иностранных держав. Уже в силу этих обстоятельств Гитлер решил не экономить на осуществлении подготовки и проведении Олимпиады, которую можно было рассматривать как престижный представительский проект.

14 декабря 1933 года Вернер Марх представил в имперской канцелярии три варианта проекта, которые имели в своей основе общую идею. Речь шла о наличии оси, в которой важнейшими координатами были: площадь для проведения демонстраций и массовых действий, а также возвышающаяся над всем олимпийским комплексом «башня фюрера». Гитлер выбрал один из проектов (проект Б). Именно на его основе должна была создаваться Имперская спортивная площадка. Предфасадная площадь, стадион, рассчитанная на 150 тысяч человек площадь для проведения демонстраций, трибуна для фюрера находились на одной оси, проходившей с запада на восток. Водный стадион, который в отвергнутых проектах должен был примыкать к стадиону с восточной стороны, в утвержденном варианте находился к северу от основного спортивного строения. Здания «Немецкого спортивного форума» находились за водным бассейном, что предусмотрено проектом 1931 года.

Одновременно с этим началось планирование широких улиц, по которым можно было бы без проблем достигнуть Имперской спортивной площадки. Финансирование этих работ было возложено на городские власти Берлина. К объектам олимпийского комплекса должны были вести три основные транспортные магистрали (Херштрассе,

Рейхсштрассе и шоссе Шпандауэр), к которым примыкали семь подъездных улиц. Даже по предварительным подсчетам, необходимо было учитывать, что на Имперскую спортивную площадку могло одновременно прибыть около миллиона человек. Однако вскоре программу дорожного строительства пришлось свернуть. Произошло это после того, как Вернер Марх подсчитал, что совокупная вместимость объектов Имперской спортивной площадки едва ли превышала 400 тысяч человек. В итоге к концу 1933 года строительный проект предполагал возведение легкоатлетического стадиона («Олимпийский стадион»), площадки для проведения демонстраций («Майское поле»), водного стадиона, стадиона для хоккея на траве, поля для конкура, теннисного корта, который по своим размерам более напоминал небольшой стадион, сцены под открытым небом («Сцена Дитриха Эккарта»), здания Имперской академии физического воспитания, здания «Дома немецкого спорта» и больших размеров ресторана.

22 января 1934 года состоялось очередное заседание правления Организационного комитета по подготовке Олимпийских игр 1936 года. Председествовавший на мероприятии Теодор Левальд заявил присутствовавшим, что с этого момента функции строительной комиссии переходили к специальному комитету, который при Имперском министерстве внутренних дел возглавлял статс-секретарь Пфундтнер. Новый строительный комитет решил привлечь к своей работе несколько специалистов по оформлению скверов и аллей. Скорее всего, это было сделано с учетом просьб имперского руководства «Союза борьбы за немецкую культуру» и Густава Аллингера, являвшегося президентом Немецкого садоводческого общества. В этом не было

бы ничего странного, но оформление скверов и зеленые насаждения как таковые должны были быть согласованы с Вернером Мархом как автором проекта «Имперской спортивной площадки», который был утвержден лично Гитлером. Только к марту 1934 года удалось добиться того, что консультантом Марха по вопросам ландшафтного дизайна будет Эрих Мауэр. Мауэр считался одним из лучших специалистов в своей отрасли. Являясь профессором садового растениеводства, он в конце 20-х годов возглавил Учебное и исследовательское учреждение садоводства, которое располагалось в Далеме, одном из районов Берлина.

В марте 1934 года Немецкий гопочный союз получил обещанное возмещение убытков, связанных с использованием трасс в Грюневальде, после чего началась основательная перестройка «Немецкого стадиона». Его чашу пришлось опустить на 12 метров. Эти земельные работы постоянно преподносились столичной публике как одно из средств по борьбе с безработицей. Изъятая земля использовалась для сооружения так называемого западного вала, на основе которого предполагалось возвести трибуны «Майского поля». Одновременно с этим велась подготовка к началу строительства «Сцены Дитриха Эккарта» и водного стадиона. Но только лишь в апреле 1934 года Вернеру Марху было официально поручено контролировать все строительные работы и художественное оформление объектов. Летом 1934 года было принято решение, что оформлением площадей, на которых будут иметься зеленые насаждения, придется заниматься Генриху Вилкинг-Юргенсману. Этого специалиста по ландшафтному дизайну привлекли к сотрудничеству по линии «Строительного управления нового имперского стадиона», а потому с Вернером Мархом его связывали исключительно договорные отноше-

ния. Поскольку к тому моменту, когда Випкинг-Юргенсман начал планирование, была уже утверждена общая концепция строительства Имперской спортивной площадки. То есть общий план озеленения должен быть привязан именно к ней. Предполагалось высадить деревья и озеленить территории, примыкавшие к площадке для конкура, к «Сцене Дитриха Эккарта», а также области близ входов на стадион и места, предназначенные для отдыха.

В июле 1934 года министру внутренних дел Вильгельму Фрику из Имперского министерства финансов было направлено письмо. В нем выражалось сожаление по поводу того, что отсутствовала проектная документация для значительной части олимпийских объектов. В случае со «Сценой Дитриха Эккарта» и с трибунами на площадке для конных видов спорта имелись только проектные рисунки. По этой причине нельзя было составить даже приблизительную смету расходов, связанных с возведением Имперской спортивной площадки. Министерство финансов просило «повлиять» на Вернера Марха, дабы тот в самые сжатые сроки предоставил если не точную документацию, то хотя бы ее проекты. Только при этом условии можно было рассчитывать на выделение зарезервированных 9,2 миллиона рейхсмарок. Кроме этого было совершенно непонятно, достаточно ли было этой суммы для того, чтобы завершить строительство всех спортивных и культурно-массовых объектов. Тут за дело пришлось взяться Рихарду Шпонхольцу — руководителю «Строительного управления нового имперского стадиона», который к 23 июля 1934 года подсчитал, что при 11,6 миллиона рейхсмарок общих затрат на Имперскую спортивную площадку более 4 миллионов рейхсмарок должно было пойти исключительно на оплату строительных работ.

Буквально пару дней спустя статс-секретарь Пфундтнер направил письмо Фрицу Рейнхарду, своему коллеге из министерства финансов. В нем сообщалось, что финансовые затраты на строительство должны были быть больше приблизительно на 2 миллиона рейхсмарок: «Это связано с волей фюрера, который хочет, чтобы все используемые материалы были высшего класса. В данном случае национал-социалистическое государство сможет произвести впечатление на весь мир. Результатом этого, например, является более обширное использование тесового камня, нежели это было предусмотрено ранее». Пфундтнер просил незамедлительно уведомить о сроках поступления денег: «Мы должны быть уверены в том, что необходимая сумма будет иметься в распоряжении не позже 1935 года. Только в данном случае мы сможем распределять подряды и заказы. Я был бы весьма благодарен, что если бы вы в предельно сжатые сроки дали информацию, пока не предназначенную для оглашения, относительно наших финансовых возможностей». Однако в министерстве финансов этому письму не уделили должного внимания. В итоге в министерство внутренних дел информация не поступила «ни в предельно сжатые сроки», ни даже несколько недель спустя. Причина этого, скорее всего, крылась в том, что статс-секретарь Фриц Рейнхард находился в отпуске. 20 августа 1934 года Пфундтнер направил письмо уже на адрес курорта Аммерзее (Херршинг). Тон сообщения был не просто раздраженный, а почти угрожающий: «Я прошу вас предоставить затребованную мною информацию не позднее чем к 1 сентября сего года. В противном случае я буду вынужден доложить о сложившейся ситуации непосредственно фюреру. Я уже обсуждал вопрос с министром Геббельсом, который не имеет никаких сомне-

ний относительно того, что фюрер без проблем санкционирует увеличение сметы расходов».

Нельзя не учитывать, что Пфундтнеру приходилось решать не только вопросы финансирования, но и улаживать конфликты, назревавшие между тремя сторонами, которые были причастны к строительству олимпийских объектов. О том, что такие конфликты рисковали вырваться наружу, стало ясно в августе 1934 года. 25 августа 1934 года Пфундтнер составил специальную докладную записку, в которой изложил позиции сторон. Ганс фон Чаммер, к тому времени уже занимавший пост Имперского руководителя спорта, опасался, что реализация архитектурской программы приведет к тому, что совершенно будут забыты моменты, которые интересовали лично его, например Медицинский институт. Имперское управление строительства подозревало, что Вернеру Марху будет недостаточно выделенных финансовых средств, что в итоге приведет к срыву сроков строительства, за что «виновным» будет провозглашено именно управление. В свою очередь Вернер Марх боялся, что собственно художественное оформление Имперской спортивной площадки начнется с большим запозданием, а потому вместо выдающегося творения («на которое рассчитывает фюрер») на свет появится вариант сугубо казенного дизайна.

Чтобы снять все эти противоречия и опасения, статс-секретарь Пфундтнер распорядился собирать возглавляемый им строительный комитет в сентябре 1934 года каждый день. Изучая предложения сторон, он отметил, что действительно затягивались сроки с принятием художественного оформления олимпийских объектов. Например, в июне 1934 года только-только началось обсуждение торжественного оформления берлинских улиц, в то время как

вопрос о скульптурных изображениях вообще не поднимался. 18 сентября 1934 года Пфундтнер направил письмо имперскому министру науки, воспитания и народного образования Бернхардту Русту. В нем говорилось: «Я намереваюсь пригласить из состава художественной комиссии нескольких специально подобранных экспертов, которые бы на территории смогли сделать свой окончательный выбор». Упомянутая художественная комиссия была создана еще 7 марта 1934 года. В нее кроме Пфундтнера входили скульпторы Вильгельм Герштель, Людвиг Изенбек, Ульферт Янсен, Йозеф Вакерле, а также художник Фриц Эрлер. Еще в ней числилось по одному представителю от министерства внутренних дел, министерства пропаганды и министерства образования.

Когда было созвано первое заседание художественной комиссии, то не было даже подобия программы художественного оформления столицы рейха и Имперской спортивной площадки. Комиссия во многом считалась закрытой структурой. Например, несмотря на все усилия, в ее состав не удалось попасть даже Теодору Левальду, а ведь он был председателем организационного комитета по проведению XI Олимпийских игр. Ему было лишь позволено составить специальный меморандум, в котором Левальд настаивал на том, чтобы взять за основу для развития художественных идей античные образцы. Кроме этого Теодор Левальд непременно хотел, чтобы к оформлению Имперской спортивной площадки были привлечены «проверенный скульптор Гуго Ледерер, который в свое время проектировал некоторые элементы «Немецкого спортивного форума».

Нельзя сказать, что предложения, адресованные художественной комиссии, были каким-то исключением. Таковых

было немало. Председатель «Немецкого союза архитекторов» (позже президент Имперской палаты изобразительных искусств) Ойген Хёниг предлагал поставить в ряд несколько скульптурных изваяний вдоль террасы, которой заканчивалось «Майское поле». Карл Дим, в свою очередь, считал почти идеальным оформление «Форума Муссолини» в Риме. Но решение задачи с художественным оформлением олимпийских объектов затруднялось тем, что еще не была сформирована концепция национал-социалистического искусства, а потому было сложно предугадывать, какие критерии надо было применять при оценке скульптурных проектов с «национал-социалистической точки зрения».

Но уже в период лета-осени 1934 года велась активная подготовка по планированию строительства, так как 11 октября 1934 года была подготовлена специальная папка с иллюстративным материалом, альбом и специальная сопроводительная записка. В записке содержалась подробная информация о программе строительства, а также смета расходов. Теперь на возведение Имперской спортивной площадки планировалось потратить около 27 миллионов рейхсмарок. Немецкая спортивная арена (Олимпийский стадион) была рассчитана на 59 тысяч сидячих и 47 стоячих мест. В целом же вместимость оценивалась в 106 тысяч человек. В данном случае отдельное внимание уделялось тому, чтобы Олимпийский стадион в Берлине мог вместить на несколько тысяч человек больше, чем аналогичный объект в Лос-Анджелесе. Это был весьма характерный для архитектуры Третьего рейха момент — непременно быть больше, выше, вместительнее, нежели сходные строения, уже имевшиеся в мире. И это относилось не только к спортивным сооружениям. Если говорить о «Майском поле», то его размеры

составляли 295 на 374 метров, что позволяло разместить на нем 180 тысяч человек. Кроме этого поле с трех сторон окружали валы, на которых предполагалось возвести зрительские трибуны. На них должно было разместиться еще около 60 тысяч человек. Имперскую спортивную площадку планировалось использовать не только для спортивных, но и политических мероприятий. По этой причине, собственно, стадион и «Майское поле» рассматривались в комплексе с расположенными к северу от них территориями для отдыха и «Сценой Дитриха Эккарта». Использование звукоусилительной техники и специальных динамиков позволяло донести информацию одновременно до полумиллиона человек. Олимпийский комплекс в Берлине должен был иметь своей центральной осью линию, проведенную с запада на восток. Она начиналась у «башни фюрера», проходила по полю для демонстраций, затем по центру стадиона и через Олимпийскую площадь, вымощенную плиткой и с двух сторон окаймленную парковой зоной, заканчивалась у восточного выхода из Имперской спортивной площадки. «Башня фюрера» должна была быть с двух сторон обрамлена рядами знамен.

Представленные проекты вызвали у Гитлера если не восторг, то одобрение. По крайней мере уже 12 октября адъютант фюрера сообщил, что Гитлер запланировал на 17 октября провести осмотр строившихся объектов. Как и во многих случаях, когда какие-либо объекты посещает глава государства, было решено составить перечень людей, которые присутствуют при этом. Вернер Марх и личный референт Пфунднера предположили, что надо существенно ограничить список персон. Со скепсисом они отнеслись к тому, что с Гитлером могли напрямую общаться Теодор Левальд и Карл

Дим. Было также признано, что «не имелось никакой необходимости» приглашать Шульце-Наумбурга, Хёнига, Мазура, Випкинга-Юргенсмана, равно как заместителя Имперского руководителя спорта Арно Брайтмайера и Юлиуса Липперта, который в качестве государственного комиссара представлял интересы Берлина. По поводу представителей от Имперского министерства пропаганды (курировало строительство «Сцены Дитриха Эккарта») и Имперского министерства занятости (курировало строительство Имперской академии физического воспитания) решение должен был принять лично Гитлер.

Поскольку на стройках Имперской спортивной площадки в момент визита Гитлера находилось около тысячи рабочих, то отдельно обсуждался вопрос о безопасности фюрера. Было решено организовать три периметра безопасности, причем в этом вопросе фон Чаммер, Марх и Шпонхольц должны были наладить сотрудничество с начальником личной охраны Гитлера. Здесь им на выручку пришел временной фактор, так как ревизию объектов было решено перенести на 31 октября 1934 года. Программа, подготовленная Мархом, выглядела следующим образом: «Прибытие в здание спортзала. Доклад Марха в чертежном зале, в ходе которого рассказывается: об общей структуре Имперской спортивной площадки, об уличном движении, о вокзалах, о «Немецкой спортивной арене», о площади для демонстраций, об открытой сцене, об Имперском учреждении физической культуры, о парковом оформлении и поясе зеленых насаждений, о художественном оформлении. Осмотр стройки водного стадиона, «Дома немецкого спорта». Осмотр фронтонов стросний со стороны Градицкой аллеи. Осмотр ворот восточного входа на площадку. Изучение моделей некоторых частей стадиона в масштабе 1:1. Изучение пробных образ-

цов тесового камня и отделочных материалов. Осмотр опорных конструкций. Осмотр поля для демонстраций, на котором принимаются отдельные пожелания по поводу «башни фюрера». Осмотр открытой сцены. Отбытие с площадки на автомобиле». Однако в эту программу пришлось внести некоторые изменения. В частности, «на всякий случай» были приглашены Теодор Левальд и Карл Дим, которых было решено подпускать к Гитлеру, только если тот сам требовал этого. И эта предусмотрительность оказалась не лишней, фюрер как раз захотел услышать мнение Левальда.

Немецкая же пресса всю трубила о том, что строительство Имперской спортивной площадки подходило к концу. Однако даже в декабре 1934 года Пфундтнер постоянно связывался по телефону с рейхсканцелярией, выражая немалую обеспокоенность тем, что «до сих пор не было принято решение об использовании отделочных материалов и различных видов тесового камня». В то же самое время Вернер Марх еще только намеревался продемонстрировать фюреру последние модели строений Имперской спортивной площадки. И лишь 17 декабря 1934 года состоялось решающее заседание строительной комиссии, на котором присутствовали почти все заинтересованные лица. На этом заседании был принят окончательный проект оформления олимпийских объектов, который был предварительно одобрен Гитлером. Только после этого были предприняты все меры, чтобы закончить стройку в предельно сжатые сроки. Надо отметить, что это удалось осуществить: за год до старта XI Олимпийских игр, 22 августа, состоялось празднование по поводу окончания строительства Имперской спортивной площадки. Впрочем, оформление интерьеров и некоторые отделочные работы продолжались еще несколько месяцев.

Глава 7

ЗИМНЯЯ ПРЕЛЮДИЯ

Для Германии 1936 год был годом сугубо олимпийским, и начинался он с зимней Олимпиады, проводившейся в Гармиш-Партенкирхене. Подготовка к ее открытию была связана с множеством проблем, которые в первую очередь касались обещаний имперского правительства, данных Международному олимпийскому комитету. Сложнее всего оказалось обеспечить равноправие евреев. В делах рейхсканцелярии сохранилось множество документов, касавшихся этой щекотливой проблемы. Уже в мае 1935 года преследование евреев в Баварии приобрело угрожающий размах. Это была самостоятельная кампания, которую местные власти никак не согласовывали с Берлином. В итоге Карл фон Халпт был вынужден обратиться в министерство внутренних дел с просьбой предпринять оперативные меры. На праздновании 1 мая крайсляйтер Хартман обратился к населению Гармиш-Партенкирхена с просьбой «удалить все еврейское население». Подобная «самостоятельность» никак не сочеталась с образом дружелюбной и гостеприимной «новой Германии», который решило явить миру имперское правительство. Не стоило забывать, что зимняя Олимпиада была для Гитлера всего лишь репетицией Берлинских игр, а потому ничто не должно было свидетельствовать о радикализме режима. Конечно, в Берлине никого не волновала судьба евреев, но поставить под угрозу летнюю Олимпиаду было просто недопустимым. А радикальный антисемитизм буквально рвался на улицы. Только что построенная в Мюнхене Олимпийская улица пестрила табличками «Присутствие евреев здесь нежелательно».

«Немецкий трудовой фронт» в Гармиш-Партенкирхене отказывал евреям в предоставлении гостиничных номеров. В министерстве внутренних дел полагали, что ситуация рисковала выйти из-под контроля. Если бы внезапно не остановилась организованная местными властями антисемитская пропаганда, то не исключались эксцессы, устроенные местным населением. Дело могло дойти до нападений на тех, кого местные жители посчитали евреями. Все это никак не соответствовало заверениям, которые были даны не только графу де Байе-Латуру, но и Эйвери Бренделджу, и другим представителям МОК. По этой причине Карл фон Хальт, являвшийся президентом организационного комитета по проведению зимних Олимпийских игр 1936 года, вполне откровенно сообщал в своем письме Пфундтнеру: «Вы можете быть уверенным, что я проявляю столь повышенное внимание к этой проблеме отнюдь не потому, что я хочу помочь евреям, но потому, что меня заботят исключительно олимпийская идея и Олимпийские игры, которым, с давних пор занимаясь общественной деятельностью, я посвящаю все свое время».

Однако министр внутренних дел Вильгельм Фрик не спешил с принятием решения. Узнав о сложившейся в Гармиш-Партенкирхене, а равно как и в той части Баварии обстановке, он после некоторого раздумья обратился в рейхсканцелярию. Он разделял опасения Карла фон Хальта, что если антисемитская пропаганда не будет срочно свернута, то «многие крупные европейские страны могут отказаться от участия в зимних Олимпийских играх», что может впоследствии привести к очередному витку бойкота Берлинских игр. После этого он напомнил Ламмерсу еще раз об обязательствах, которые взяла на себя Германия. Копии это-

го письма были направлены Йозефу Геббельсу и Рудольфу Гессу.

В дальнейшем Вильгельм Фрик и Карл фон Хальт настаивали на том, чтобы «национальный престиж Германии не в коем случае не должен был пострадать», а потому допускали, что на некоторое время можно было изобразить терпимое отношение к евреям. В данном случае Гитлер решил, что не будет сам заниматься этим вопросом, а поручил решение сложившейся проблемы Рудольфу Гессу как заместителю фюрера по партии, который большую часть времени проводил в Мюнхене. Тот же, в свою очередь, предпочел переложить эту задачу на гауляйтера Вагнера. Чтобы избежать традиционной для Третьего рейха «борьбы компетенций», Гесс «раз и навсегда» распределил сферу ответственности отдельных функционеров: проведение спортивных мероприятий — Карл фон Хальт, работа с германской сборной — Ханс фон Чаммер, мероприятия, проводимые по государственной линии, — Пфундтнер, партийные вопросы — гауляйтер Вагнер. Однако даже это разделение обязанностей не гарантировало отсутствие противоречий. Например, в январе 1936 года Фрик и Гесс пришли к выводу, что «партийные вопросы» Вагнер понимал весьма специфически. Ссылаясь на принятые 15 сентября 1935 года на партийном съезде «Нюрнбергские законы», он продолжал осуществлять политику, направленную на удаление евреев из общественной жизни.

Об окончании подготовки к зимним Олимпийским играм 1936 года министр внутренних дел доложил Гитлеру 2 декабря 1935 года. В своем докладе он не упустил возможности процитировать слова графа Анри де Байе-Латура о «самом прекрасном в мире комплексе для зимнего спорта». 6 фев-

раля 1936 года Гитлер как рейхсканцлер Германии должен был торжественно открыть зимнюю Олимпиаду в Гармиш-Партенкирхене. Однако фюрер не спешил дать свое согласие. Причина этого может крыться в беседе, которая состоялась в ноябре 1935 года между Байе-Латуром и Гитлером. Это была вторая встреча президента МОК и германского диктатора. Нельзя сказать, что она прошла слишком гладко. Уже после окончания Второй мировой войны Карл фон Хальт вспоминал об этом событии: «Непосредственно перед стартом игр в Гармиш-Партенкирхене я и Байе-Латур встречались с Гитлером. Граф обратился к рейхсканцлеру со словами: “Я прошу вас, чтобы вы не забывали, что вы являетесь хозяевами, но не отнодь не организаторами Олимпийских игр. Это относится и к Гармиш-Партенкирхену, и к Берлину. Организатором игр является Международный олимпийский комитет, который наблюдает за тем, чтобы игры проходили в соответствии с установленными правилами, то есть свободные от какой-либо политической пропаганды. Я прошу также принять к сведению, что вы должны произнести на открытии заранее заготовленный текст”. После этого граф протянул Гитлеру несколько листов бумаги с текстом, напечатанным на машинке. Гитлер ответил: “Граф, я очень ценю вашу заботу о том, чтобы я выучил этот текст наизусть”».

Начало 1936-го олимпийского года «Имперский спортивный журнал» открывал со статьи, написанной в характерной национал-социалистической манере: «Сколько труда, времени, доброжелательности и личных жертв потребовалось в прошлом году от тысяч немцев и друзей немецкого народа! Это была настоящая битва, которая теперь уже осталась в прошлом, открывая путь к решающим схваткам наступившего года». Поскольку зимние и летние Олимпий-

ские игры проводились на территории рейха, то они неизбежно рассматривались как единый комплекс мероприятий, которые всего лишь отстояли друг от друга по времени на полгода.

К тому моменту, когда Гармиш-Партенкирхен оказался наводнен спортсменами и гостями из различных стран мира, это баварское местечко было основательно «причесано». Уже в январе улицы этого небольшого населенного пункта оказались украшены бесчисленными олимпийскими знаменами и флагами со свастикой. Однако подготовка к зимней Олимпиаде не ограничивалась репением «еврейской проблемы» и украшением улиц. Было проведено основательное строительство новых спортивных объектов. Была возведена новая 43-метровая «башня» для прыжков с трамплина. Но главным объектом гордости являлся зимний стадион, который мог вместить 15 тысяч человек. Конечно, по сравнению с Олимпийским стадионом в Берлине он был не так уж и велик, но не стоило забывать, что в 30-е годы зимние Олимпиады рассматривались как некое второстепенное действо, всего лишь предваряющее собственно Олимпиаду (то есть летние Олимпийские игры). Также необходимо упомянуть ледовый стадион, вместимость которого составляла 10 тысяч человек. В нем применялся метод искусственной заморозки льда (что в те годы было большой редкостью), поэтому объект мог использоваться круглый год. Чтобы устранить возможные недостатки, в 1935 году на ледовом стадионе уже проводилось несколько чемпионатов (по фигурному катанию и хоккею). По их итогам спортивный объект был признан идеально подходящим для зимней Олимпиады.

Впрочем, была одна вещь, которая волновала организаторов зимней Олимпиады даже больше, чем бойкот. Это был

теплый ветер, который мог лишить Гармиш-Партенкирхен самого важного — снега. Еще в январе 1936 года в Баварии шли теплые дожди, что не придавало особого оптимизма Карлу фон Хальту. Еще блиставшие идеальной белизной в декабре 1935 года снежные склоны оказались «украшены» мутноватыми разводами. Фон Хальт, равно как и другие немецкие спортивные функционеры, опасался повторения ситуации 1932 года, когда в Лейк-Плэсиде стояла настолько теплая погода, что зимнюю Олимпиаду чуть было не отменили. Среди некоторых членов Международного олимпийского комитета даже существовало своего рода поверье: зимние игры были «прокляты». Им вспоминались I зимние Олимпийские игры, проводившиеся в 1924 году в Шамони (Франция). Злые языки их нередко в шутку называли «соревнованиями по плаванию».

Если немцев беспокоила погода, то американцев волновали деньги. Поскольку было принято принципиальное решение, что сборная США все-таки будет принимать участие в Берлинских играх, то приходилось проводить разделение средств. Поездка американской сборной на летнюю Олимпиаду оценивалась приблизительно в 350 тысяч долларов. А это означало, что на снаряжение сборной по зимним видам спорта фактически не оставалось средств. На поездку в Германию требовалось найти 35 тысяч долларов, которые бы позволили разместить 70 американских спортсменов в гостиницах «Гусар» и «Почтамт». Чтобы лучше понять сложившуюся ситуацию, надо учитывать, что 35 тысяч долларов начала 1936 года соответствовали приблизительно 470 тысячам долларов по нынешнему курсу. Эти затраты казались членам Американского олимпийского комитета излишними, а потому немцам пришлось прибегнуть к ба-

нальным уговорам, убеждая заокеанских атлетов, что в обозначенных гостиницах будут проживать исключительно американцы. «Выход» из ситуации планировалось найти в том, чтобы американские спортсмены сами частично оплачивали свою поездку в Германию. Каждому из них предлагалось выложить около 400 долларов (почти 5,5 тысячи долларов по нынешнему курсу). Подобные затраты могли себе позволить отнюдь не все. Состоятельных спортсменов было не так уж много.

Одним из них был Альберт Линкольн Уолбёрн по прозвищу Линк, который специализировался на скоростном спуске и слаломе. Его отец был известным дипломатом, а потому семья смогла компенсировать необходимые расходы. Не меньше проблем создавала и экипировка американской сборной. Например, когда лыжники получили спортивную форму, то нашли ее совершенно бесполезной. Спортивная экипировка состояла из бриджей светло-голубого цвета, спшитых из весьма дешевого габардина, синей флотской рубашки, свитера-водолазки, пледа конькобежца (!) и кепи, в которой спортсмены «походили на фюреров из Нью-Гемпшира». В то же самое время функционеры Американского олимпийского комитета не уставая нахваливали «прекрасные пальто», которые на самом деле оказались всего лишь шинелями военно-морского училища, на которые был припшит олимпийский щит. Эйвери Брэндедж, который к тому времени уже был членом Международного олимпийского комитета, с немалым беспокойством отмечал, что «спортсмены сборной по своему внешнему виду напоминали трамвайных кондукторов».

Однако не надо считать, что экономические проблемы изводили только американскую сборную. Британские спор-

тсмены находились в более плачевном положении. Британский олимпийский комитет вообще не планировал хоть сколько-нибудь компенсировать расходы на поездку в Германию. Все расходы до последнего пенни предполагалось возложить непосредственно на спортсменов! Почему-то в БОК считали, что их соотечественники были настолько богаты, что в состоянии за собственные средства представлять интересы Великобритании в Гармиш-Партенкирхене. Более того, секретарь БОК Эванс Хантер вообще не видел никакой необходимости в проведении зимних Олимпийских игр (и не только на территории Германии). В декабре 1935 года он сообщил в письме, адресованном Эйвери Брэндеджу: «Для меня было бы лучше, чтобы вообще не было никаких зимних Олимпиад». Подобная беспечность привела к тому, что когда британская сборная все-таки прибыла в Баварию, то для нее даже не были забронированы гостиничные номера. В ответ на возмущенные заявления Эванс Хантер порекомендовал своим подопечным «все-таки где-нибудь отыскать кровать для ночлега».

Общей у американцев и англичан была еще одна забота — это возможное поведение спортсменов национальных сборных в Третьем рейхе. Уже 6 января 1936 года Густав Кирби, представлявший интересы Американской олимпийской сборной, обратился с письмом к Карлу Диму. В письме сообщалось, что «из анонимного источника стало известно, что некоторые из спортсменов в общественных местах планируют выкрикнуть “Долой нацистов!” или “К черту Гитлера!”». Кирби в качестве исключения просил не применять к людям, совершившим эти «выходки», меры административного воздействия: «Если вы бросите их в тюрьму, то только дадите еще один козырь сторонникам бойкота».

Олимпийцы стали прибывать в Гармиш-Партенкирхен за две-три недели до того, как началась Олимпиада. Многие были поражены неописуемой живописностью баварских пейзажей, которые как будто бы сошли в жизнь со специальных туристических открыток. Один из очевидцев вспоминал: «Есть некая театральность в видах Верхней Баварии. Цветущие города в долинах, альпийские скалы, которые величественны, но недостаточно велики, чтобы быть помпезно-торжественными. Все эти образы складываются в одну фантастическую картинку». Местечко Гармиш в те годы являло собой лабиринт из деревянных построек, возведенных в так называемом альпийском стиле. И почти везде можно было встретить уютную кофейню, где спортсменам и гостям Олимпиады были готовы услужливо подать горячий напиток и кусок пирога. Все это можно было принять за настороженную постановку, если бы не количество флагов со свастикой и с национал-социалистической символикой.

Ее можно было заметить на каждом столбе, на каждом доме, на каждом заборе. Несмотря на требования Густава Кирби, который хотел, чтобы зимние Олимпийские игры никоим образом не использовались для пропаганды и прославления национал-социалистического режима, Имперское министерство пропаганды решило проигнорировать подобные запросы. Еще до начала Олимпиады в Гармиш-Партенкирхене безвыездно пребывал статс-секретарь министерства пропаганды Вальтер Функ. 4 февраля 1936 года он организовал встречу с иностранными журналистами. После нескольких слов о предстоящих играх он сразу же перешел к рассказу об «истинном облике национал-социалистической Германии». Функ был настолько смел, что даже заявил: «Используйте представившуюся вам возможность, чтобы

узнать правду о Германии. Пресс-служба правительства рейха готова предоставить в ваше распоряжение хорошо обученных помощников и гидов». Национал-социалисты устами сотрудников министерства Геббельса намекали на то, что им было нечего скрывать от публики. Журналистам даже были готовы показать концентрационный лагерь Дахау. По данному поводу гауляйтер Адольф Вагнер заявлял: «Вы лично убедитесь, что мы держим там только уголовников». Национал-социалистические пропагандисты решили использовать имевшиеся в мире сомнения по поводу природы режима с пользой для себя. Любая возможность должна была использоваться как пропагандистский повод. По итогам встречи Вальтер Функ сказал журналистам: «Когда мы стоим на пороге наступления новой, олимпийской эры, Германия должна стать центром этого мира».

Пока гости зимних игр любовались пейзажами, а иностранные журналисты подвергались пропагандистской обработке, спортсмены не теряли времени зря. Несмотря на нехватку снега, многие из них облюбовали склоны окрестных гор. И тут выяснилось, что американские лыжники нуждались не только в финансировании, но и в спортивной подготовке. Спортсмены из Норвегии, братья Зигмунд и Биргер Рууды, без всяких проблем затмили британских и американских соперников. Американец Роберт Лайвмор вспоминал, как Биргер Рууд должен был упасть на трассе, но во время падения буквально продемонстрировал прием тогда еще не знакомого никому фристайла, после чего оказался на ногах. В этом не было ничего удивительного, на Олимпиаде в Лейк-Плэсиде Б. Рууд завоевал в слаломе и скоростном спуске золотую медаль. Когда же Лайвмору пришлось соревноваться с этим выдающимся норвеж-

ским спортсменом, то американцу казалось, что его ноги буквально вросли в землю.

К слову сказать, в Гармиш-Партенкирхене Биргеру Рууду так и не удалось получить «золото». Он стал лишь четвертым, уступив в скорости немцам Францу Пфньюру и Гуцци Ланченру, а также французу Эмилю Алле. Роберт Лайвмор из 32 участников соревнований стал 24-м. И это был отнюдь не самый худший из результатов, показанных американскими спортсменами! Четыре других его соотечественника заняли 26-е, 28-е, 29-е и 30-е места соответственно. Как уже говорилось выше, слабость своих позиций они могли почувствовать еще до начала игр, когда только разминались на склонах.

Утром 5 февраля, то есть за день до открытия зимней Олимпиады, в Гармиш-Партенкирхене случилось то, на что уже никто не надеялся, — пошел сильный снег. К вечеру началась форменная снежная буря, и организаторы игр не знали, сожалеть об этом или радоваться. Их переживания были напрасными: на открытие зимних игр, которое состоялось 6 февраля 1936 года, собралось более 50 тысяч человек, по тем временам цифра, просто немыслимая для подобного рода события. Трибуны стадионов были забиты до отказа, не имея возможности вместить всех желающих. Люди стояли толпами рядом со стадионами и всеми спортивными объектами. Но не надо думать, что все из них были вдохновлены спортом. Большую часть присутствовавших составляли немцы, которые прибыли в Гармиш-Партенкирхен только для того, чтобы увидеть «звезду №1», а именно Адольфа Гитлера. О приближении Гитлера к Гармиш-Партенкирхену можно было судить по неуклонно нарастающему шуму восторженных криков. Американский лыжник Альберт

Уошбёрн вспоминал: «Мы могли слышать усиливающийся гул. Когда Гитлер достиг долины, то ее полностью захлестнули крики “Зиг хайль!”, “Зиг хайль!”». Всех присутствовавших в то время в баварском местечке охватил немыслимый экстаз. Дело дошло до того, что Альберт Уошберн и его супруга, совершенно не симпатизировавшие национал-социалистам, тоже невольно вскинули в приветствии правые руки. Супруга Уошбёрна позже вспоминала: «У меня вся кожа покрылась мурашками, когда многие тысячи людей дружно скандировали “Хайль Гитлер!”. И я также поддавалась общему восторгу».

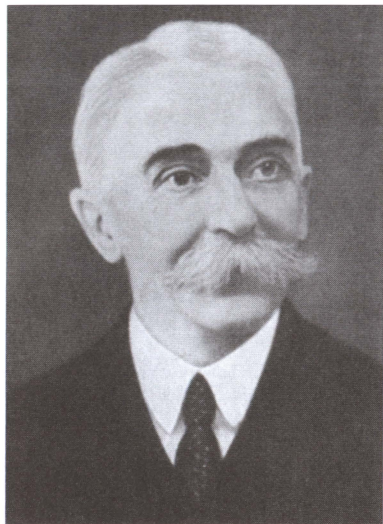
Гитлер появился на публике в форменной фуражке и кожаном плаще. Фюрер прибыл на зимнюю Олимпиаду не один. Его сопровождало множество видных деятелей НСДАП и Третьего рейха: Йозеф Геббельс, Герман Геринг, гауляйтер Франконии и издатель оголтелого антисемитского журнала «Штурмовик» Юлиус Штрайхер, министр внутренних дел Вильгельм Фрик, военный министр фельдмаршал Вернер фон Бломберг. Всех в 10 часов 50 минут встретил граф Анри де Байе-Латур. Представительность правительственной делегации однозначно указывала на то, что руководство рейха пыталось произвести самое благоприятное впечатление на Международный олимпийский комитет, дабы тем самым еще раз закрепить позиции Берлина как города, готовившегося принять летние Олимпийские игры 1936 года. Однако строгого следования олимпийским ритуалам не получилось — Гитлера и правительственную делегацию встретили отнюдь не «Олимпийским гимном», а исполнением «Хорста Весея» и гимна «Германия превыше всего». Ровно в 11 часов музыка замолкла, после чего началась церемония открытия зимней Олимпиады.

Первой на стадион вышла команда Греции, так было решено отдать должное грекам, впервые устроившим Олимпийские игры древности. Затем команды следовали в алфавитном порядке, по названиям стран, которые они представляли. За греками шли австралийцы, чья команда была представлена не столько спортсменами, сколько функционерами от спорта, воспользовавшимися удобным случаем, чтобы посмотреть Германию. Всего же в играх, проходивших в Гармиш-Партенкирхене, принимали участие 28 национальных сборных. Во время открытия подавляющая часть команд, проходивших мимо трибуны, на которой находился Гитлер и его окружение, в знак уважения склоняли флаги своих стран. Это отказались сделать только две команды, представлявшие Италию и США. Американцы полагали, что флаг страны можно было склонять только перед президентом США. Итальянцы придерживались мнения, что делать это надлежало только перед дуче, Бенито Муссолини. Опять же не надо было забывать, что в начале 1936 года отношения между фашистской Италией и национал-социалистической Германией нельзя было назвать совсем дружественными, — причиной противоречий служила Австрия, которую каждая из диктатур рассматривала в качестве «зоны собственных интересов». Как в Гармиш-Партенкирхене, так и позже в Берлине восторг собравшейся толпы вызывало то обстоятельство, что команды различных стран проходили мимо правительственной трибуны с так называемым олимпийским салютом.

Многим казалось, что спортсмены отдавали «фашистский салют» («римский салют», «немецкое приветствие»). Только этим можно объяснить то, что, когда британская сборная проходила мимо Гитлера, диктор по радио объявил:

«Британцы приветствуют фюрера Германии немецким приветствием!» Однако на открытии не вся британская сборная согласилась пройти перед Гитлером. Это отказались сделать Арнольд и Питер Ланны (отец и сын), специализировавшиеся на слаломе и скоростном спуске. Более того, Арнольд Ланн утверждал, что приветствовать Гитлера вышли только функционеры, а большинство британских спортсменов отказалось от этого. Если британская сборная оказалась в щекотливой ситуации, то сборные США и Голландии заранее предвидели возможную путаницу с типами салютов. Роберт Лайвмор вспоминал: «Поскольку мы не имели достаточных навыков, чтобы четко и безупречно сделать этот жест [олимпийский салют], то было решено отказаться вообще от каких-либо салютов». Однозначно утверждать можно лишь одно: Гитлер приветствовал каждую из проходивших мимо него команд не «олимпийским салютом», а «немецким приветствием», то есть вскинутой вверх и вперед правой рукой.

Шествие команд длилось не очень долго, приблизительно полчаса. Затем Карл фон Хальт произнес короткую речь, после чего пригласил Гитлера открыть IV зимние Олимпийские игры. Собственно текст открытия игр не отличался особой оригинальностью. Как только он был произнесен Гитлером, был поднят олимпийский флаг, зажжен олимпийский огонь и дан орудийный залп. После этого спортсмены, которым было доверено нести национальные флаги стран, чьи сборные принимали участие в играх, встали полукругом вокруг немецкого лыжника Вили Богнера, чтобы дать олимпийскую клятву. При этом он держал в левой руке флаг со свастикой, а правой отдавал «немецкое приветствие». Несмотря на то что открытие было не слиш-

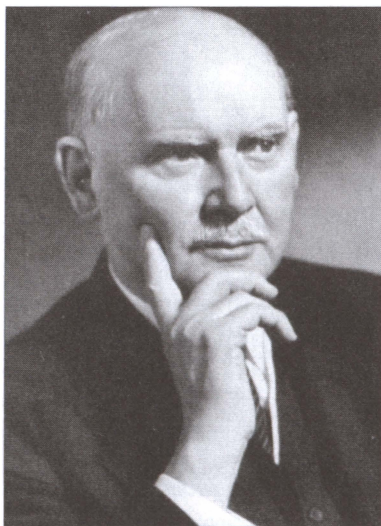
Барон Пьер де Кубертен

Граф Анри Байе-Латур

Карл Дим

Теодор Левальд

Ганс фон Чаммер унд Остен

Национал-социалистическое мероприятие, проводимое на стадионе

*Гитлер во время посещения «Спортивного форума» в 1933 году.
По сторонам от него Вильгельм Фрик (в плаще) и Ганс фон Чаммер (в форме)*

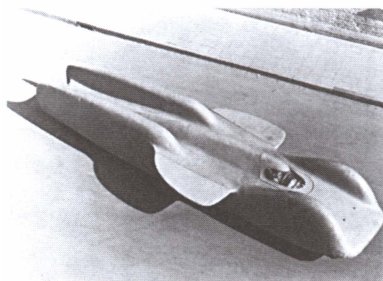
*Гитлер insпектирует строительство
олимпийских объектов (1934 год)*

*Гитлер на открытии
Олимпиады 1936 года*

*Гитлер и Соня Хени. В Голливуде это фото предпочитали
не тиражировать*

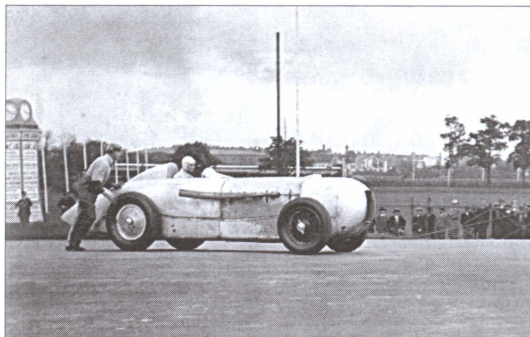
*Модель гоночного автомобиля,
который «Даймлер-Бенц»
так никогда не использовал*

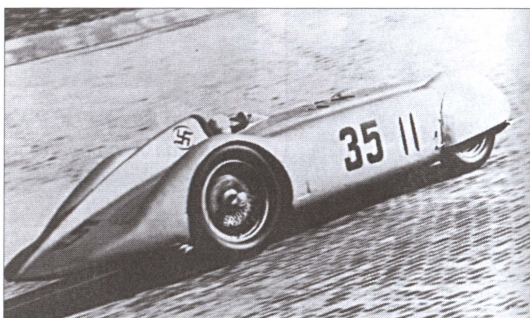
*Адольф Хюнляйн вручает
«приз фюрера»*

Рудольф Караччиола в «Серебряной стреле»

Манферд фон Браухич перед заездом

«Серебряная стрела» со знаком свастики

Немецкие гонщики в Будапеште (1936 год)

Эйвери Брэндедж

Эйвери Брэндедж и Карл Риттер фон Хальт на одном из заседаний Международного Олимпийского комитета

Эйвери Брэндедж передает свои полномочия Джереми Махони

Эрнест Ли Джанке

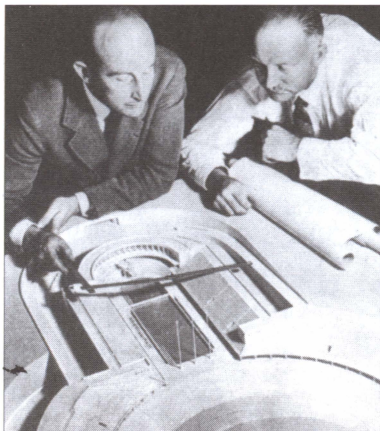
*Американские сторонники Гитлера
протестуют против бойкота игр
в Медисон сквере*

*Неистовый «радио проповедник» Чарльз Коулин разоблачает заговор,
направленный против Берлинских игр*

*Строительство
Олимпийского стадиона*

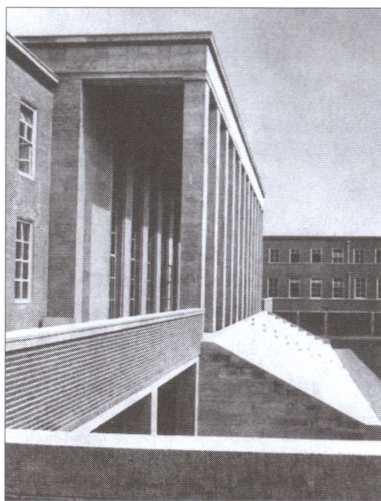
*Вернер Марх и Карл Дим
рассматривают модель
«Немецкого стадиона»*

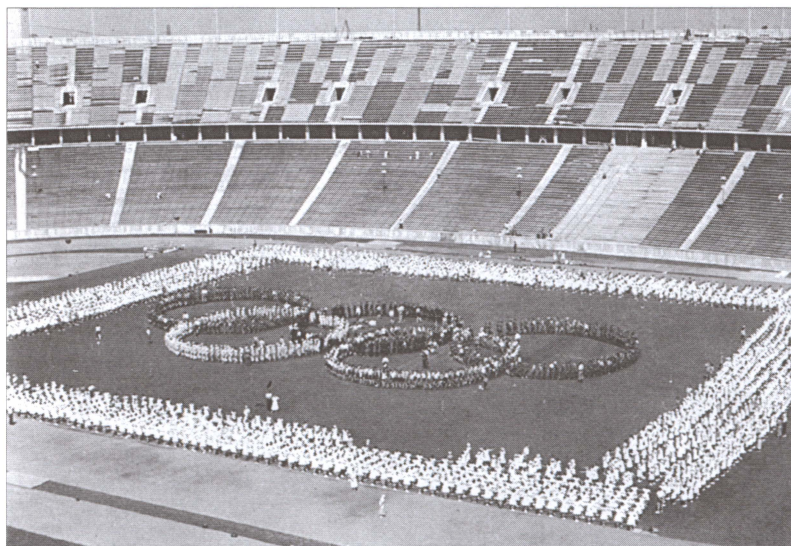
*Вернер Марх, Теодор Левальд и Ганс фон Чаммер
на месте строительства Олимпийских объектов (1934 год)*

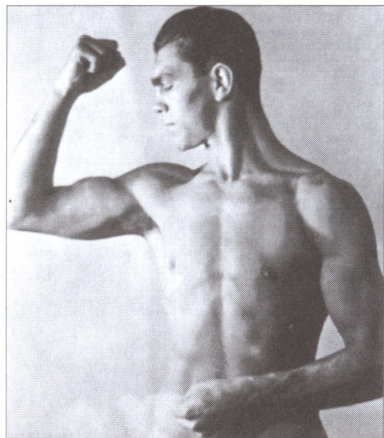
*Вид на стадион со стороны
водных ограждений*

*Вход
в «Дом немецкого спорта»*

Репетиция церемонии открытия Олимпийских игр 1936 года

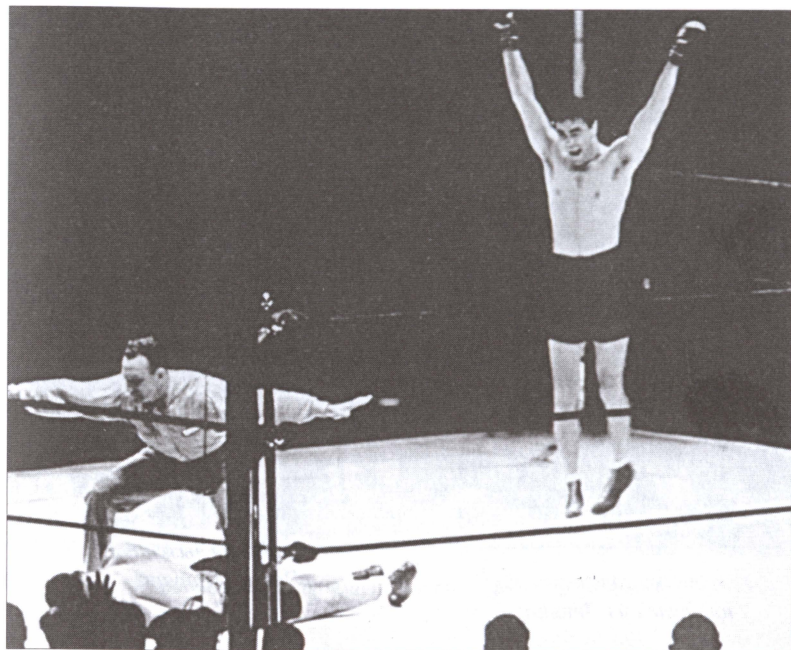
Макс Шмелинг

Макс Шмелинг и Рузвельт

Макс Шмелинг и Джо Луис на взвешивании

Нокаут!

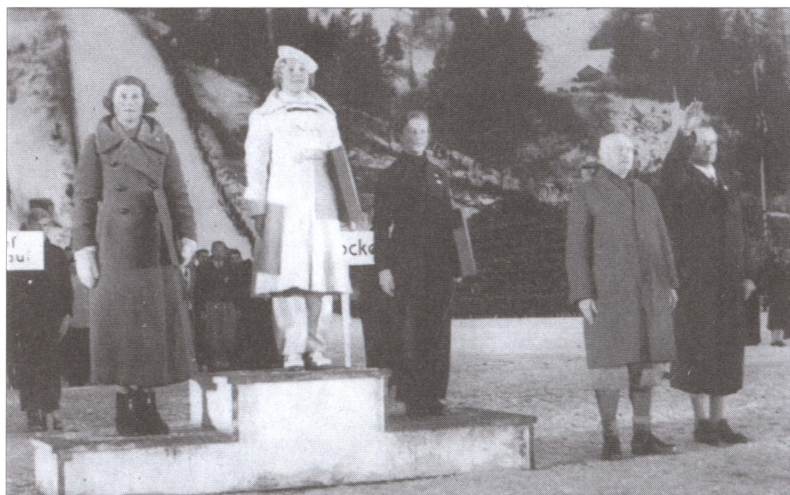
Толпа приветствует Шмелинга на аэродроме Темпельхоф

*Участники соревнования
патрулей из Италии*

*Английская лыжница
Эвелин Пинчинг*

Соня Хени и Сесилия Колледж на Олимпийском пьедестале

Норвежские спортсмены и их немецкие поклонники

На финише спуска

Выход на лыжню для соревнований

Английские спортсменки с «олимпийским салютом»

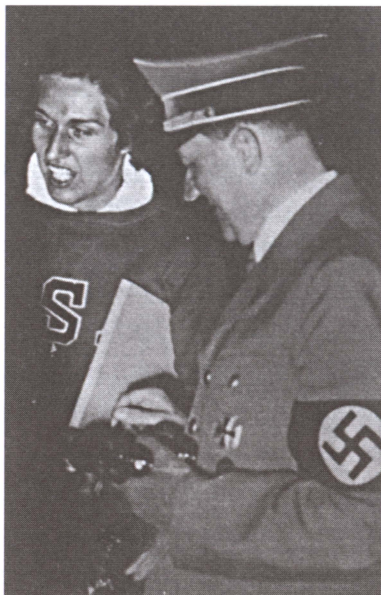
Хелена Майер

Джесси Оуэнс

Британская пловчиха Рутли Морис-Ханкок со своим талисманом

Гитлер и Элена Стивенс

Сон Ки-Чун

Чарльз Леонард во время скоростной стрельбы из пистолета

*«Зольдатенэльф Парижа»
в Марселе*

*Комиксы с изображением игры
«Зольдатенэльф Парижа»*

Рихард Херрман беседует с Рудольфом Харбигом.

ком продолжительным, погода преподнесла американской команде неприятный сюрприз. Стало заметно холодать, и температура на улице падала едва ли не каждую минуту. Спортсмены из легко экипированной сборной США стали замерзать. Американская лыжница Кларета Хет вспоминала: «Я откровенно проклинала Американский олимпийский комитет, который не смог найти денег на теплые вещи для команды. Мы в наших курточках синели прямо на глазах. Меня спас какой-то мужчина, который снял красивое синее пальто с эмалированными пуговицами и накинул его мне на плечи». В завершение церемонии открытия зимних Олимпийских игр команды должны были еще раз пройти перед правительственной трибуной. И тут зрителей ожидала сенсация. Когда австрийская команда проходила мимо Гитлера (напомним, что Гитлер был уроженцем Австрии), то отдала ему не олимпийское, а национал-социалистическое приветствие. Очевидец из числа немцев вспоминал: «Обращенные к нему лица австрийских спортсменов как бы говорили: вы и наш фюрер тоже! И это было не любезной формальностью». Как отметили многие наблюдатели, Гитлер ответил австрийской команде небольшим поклоном, после чего «задумчиво устремил свой взор в сторону гор по направлению к Австрии». Все эти жесты дали повод для многочисленных трактовок и прогнозов, а потому сразу же после открытия игр в прессе нередко обсуждалось будущее Австрии.

Однако геополитические рассуждения очень быстро сменились разговорами о 23-летней норвежской фигуристке Соне Хени. Эта белокурая скандинавка была ростом всего лишь в 159 сантиметров, а потому выглядела игривой девочкой-подростком. Но в реальности она была человеком редкостного трудолюбия. Ее по праву можно было считать

символом зимних Олимпиад. Впервые она приняла участие в зимних играх в 1924 году в Шамони, когда ей исполнилось всего лишь одиннадцать лет. Тогда юной норвежке не удалось добиться во Франции сколь-либо заметного успеха. Он ожидал ее четыре года спустя в Швейцарии. Именно тогда, в Санкт-Морице, она завоевала в фигурном катании свою первую золотую олимпийскую медаль. Этот успех она повторила в 1932 году в Лейк-Плэсиде. Кроме этого ей удалось добиться даже по нынешним временам немыслимого результата. В период с 1927 по 1936 год она становилась десять раз победительницей чемпионатов мира и шесть раз «золотой медалисткой» чемпионатов Европы по фигурному катанию. В 1936 году она находилась в зените своей спортивной славы. На фоне плоховато одетых американских и британских фигуристок Соня Хени выглядела настоящей принцессой. У нее был атласный костюм, весьма дорогая выходная одежда. Но публику пленяло ее исключительное мастерство, с которым никто не мог поспорить в Гармиш-Партенкирхене. В итоге публика встретила бурными овациями полученное Соней третье в ее биографии «олимпийское золото». Ее рекорд до сих пор не побит — Соня Хени остается единственной в мире фигуристкой-одиночницей, которой удалось завоевать подряд три золотые олимпийские медали¹.

Для Сони Хени 1936 год стал завершающим в ее спортивной карьере. В спорте важны не только сноровка и физическая подготовка, но и чутье. А чутье подсказывало норвежке, что у нее появилась очень серьезная конкурентка.

¹ В парном катании этот рекорд удалось поставить Ирине Родниной.

Это была 15-летняя англичанка Сесилия Колледж. Может быть, британской спортсменке еще не хватало светской утонченности, но Сесилия отнюдь не уступала Соне ни в мастерстве, ни в личном обаянии. Впервые она вышла на «большой лед» в 1928 году в Лондоне, где Соня Хени второй раз стала чемпионкой мира по фигурному катанию. На Олимпиаде в Лейк-Плэсиде Сесилия Колледж была приблизительно того же возраста, что и Соня Хени, когда та приняла участие в играх 1924 года. Прогресс в ее мастерстве был столь угрожающим для позиций Сони Хени, что многие наблюдатели уже пророчили скорейший переход короны принцессы фигурного катания к «английской выскочке». Однако в Гармиш-Партенкирхене ей явно не хватило опыта. И опять же в дело вмешался случай. Колледж должна была выступать второй (всего в одиночном катании принимали участие 23 фигуристки). Это было очень невыгодное для нее положение. Дело в том, что в то время на зимних Олимпийских играх «фавориты» предпочитали выступать последними, превращая свое выступление в некое представление для публики. Но когда Сесилия Колледж вышла на лед, трибуны были полупустыми. Галдящая публика еще только собиралась, что отвлекало юную фигуристку. Опять же она не могла похвастаться изысканным костюмом. Проблема заключалась даже не в плохом снабжении британской команды. Британская спортсменка искренне скорбела по поводу смерти короля Георга V, а потому даже во время выступлений не отказалась от траурного наряда (многие зрители так и запомнили ее с черной лентой на рукаве). Волнение и посторонний шум привели к тому, что во время выполнения одного из прыжков она поскользнулась и упала. До этого момента ее выступление было безупречным. В итоге,

несмотря на серьезный промах, Колледж сорвала бурные аплодисменты. У нее даже появились высокопоставленные поклонники. Например, рейхсмаршал Герман Геринг заявлял, «что не мог оторвать глаз от этой британской фигуристки». Впечатлены оказались также судьи, которые в общей сумме поставили Сесилии Колледж оценку 418,1. С учетом падения это была весьма высокая оценка.

Соня Хени, в отличие от своей конкурентки, выступала последней, то есть находилась в крайне выгодном положении. Своей программе она решила придать театральность. На некоторое время на катке погас свет (позже было принято решение, что все спортсмены должны выступать при одинаковом для всех освещении). Затем свет выхватил фигуру Сони, находившуюся в центре ледяного поля. Ни для кого не было секретом, что за этим зрелищем восхищенно наблюдал Гитлер, считавший Соню Хени «идеалом нордической красоты». Норвежская фигуристка отработала свою программу идеально, закончив выступление эффектным прыжком. Некоторое время над трибунами висела тишина, которая была нарушена громовыми овациями. После некоторых раздумий судьи поставили Хени оценку 424,5. То есть Колледж не хватило всего лишь 6,4 балла, чтобы претендовать на «золото». «Ледяная принцесса» смогла сохранить свою корону. Минимальность разрыва между Хени и Колледж станет очевидной, если учесть, что бронзовая медалистка уступала англичанке почти 25 баллов. Как бы то ни было, но золотой медалистке благоволил сам фюрер, который даже предложил Соне Хени сфотографироваться вместе с ним. Норвежская фигуристка, тяготевшая к светской жизни и славе, сама была рада, чтобы ее сфотографировали рядом с Гитлером. Тем не менее, оказавшись в Гол-

ливуде, норвежская звезда предпочла забыть про этот эпизод. В культовом фильме «Серенада Солнечной долины» (1941) Соня Хени уже изображала беженку, скрывавшуюся в США от гитлеровской агрессии.

Неявное противостояние Сони Хени и Сесилии Колледж было отнюдь не единственной «фигуристской интригой» зимней Олимпиады 1936 года. Нечто подобное можно было наблюдать и в парном катании. В начале игр в этом виде спорта явными лидерами считались немецкая пара: Макси Хербер и Эрнст Байер. Им с самого начала пророчили золотые медали.

Нельзя не отметить, что эта пара весьма активно поддерживалась национал-социалистами. Имперский союз физической культуры обеспечил им почти идеальные условия для тренировок, что фактически ставило под сомнение статус Хербер и Байера как спортсменов-любителей. Кроме этого для их выступления впервые в истории спорта была подобрана «подходящая музыка». То есть Макси Хербер и Эрнст Байер выступали, не просто показывая свое мастерство, но действовали синхронно, в такт звучащей музыки. Их неожиданными конкурентами стали юные австрийцы — брат и сестра Ильза и Эрик Паузины. Они стали своеобразным противоположным полюсом в парном катании. Они выступали под музыку «Сказок Венского леса». Козырем юных австрийцев стала не слаженность и синхронность, но задор и непосредственность. Их выступление было веселым и даже озорным. Публика буквально влюбилась в эту пару. Но оценки судей были неумолимыми. С преимуществом в одну десятую балла «золото» было присуждено Эрбер и Байеру, Паузины получили «серебро». Несмотря на то что большинство собравшихся на стадионе были немцами,

подобное решение было встречено криками возмущения и возгласами негодования. Но решение никто не стал менять.

В скоростном спуске и слаломе позиции спортсменов были ясны. Британцы и американцы, как показывали предварительные тренировки, не могли успешно противостоять немцам и скандинавам. Их задача состояла в том, чтобы не занять самые последние места. Однако спуски британцев и американцев вряд ли могли говорить об их мастерстве. Роберт Лайвмор вспоминал, как один его товарищ врезался в дерево и некоторое время провел, выкарабкиваясь из снега. Сам же Лайвмор выступил не намного лучше. Удачно начав спуск, он все-таки столкнулся с слью. После этого приблизительно 30 секунд ушло на то, чтобы вновь встать на ноги. В итоге Роберт Лайвмор показал результат 6 минут 4 секунды. У Альберта Уошбёрна за плечами было шесть с половиной минут. Для сравнения: Биргер Рууд смог спуститься по склону за 4 минуты 47 секунд. Американцам приходилось утешаться лишь тем, что они выступили не так плохо, как турецкие спортсмены. Например, Махмут Севкет преодолел тот же самый путь за 14 минут 18 секунд. Но самый «феноменальный» результат был у другого турка — 22 минуты 44 секунды! За такое время по склону можно было спуститься без лыж!

Американцам и британцам несколько больше повезло в бобслее. Когда шли соревнования мужских четверок, то американцы даже смогли стать своеобразной легендой этого вида спорта. Во время очередного виража из боба выпал тормозящий экипаж Джеймс Бикфорд. Его несколько метров на огромной скорости проволокло по ледяному желобу, но он продолжал держаться одной рукой за боб, рискуя при этом получить множественные переломы и увечья. Его

товарищ по экипажу Ричард Лоренс смог втянуть бедолагу обратно на управляемые салазки. Вне всякого сомнения, этот сюжет привлек прессу, но для спортивных итогов имел плачевные последствия. Несмотря на проявленный героизм, американцы заняли всего лишь шестое место. В четверках «золото» и «серебро» досталось швейцарцам, а «бронза» — британцам. Единственная золотая и одна из трех бронзовых медалей, которые сборная США завоевала на этой зимней Олимпиаде, были бобслей в «двойках» (двухместные бобы). В данных заездах швейцарцы получили не менее престижное «серебро».

Но все-таки самое большое внимание к себе приковывали не лыжные гонки и не фигурное катание, а хоккей. Еще накануне Олимпиады Эванс Хантер, секретарь Британского олимпийского комитета, предсказал, что на хоккейных матчах будет твориться форменное столпотворение, и он не ошибся. Он также предсказал, что часть матчей закончится громкими скандалами. А чтобы сделать этот прогноз, не требовалось быть пророком. Дело в том, что десять из двенадцати хоккеистов, представлявших Великобританию в Гармиш-Партенкирхене, на самом деле были канадцами, имевшими двойное гражданство. Во-первых, это ослабляло канадцев. Во-вторых, представители Канады заявили свой протест. Их возмущало, что в Олимпиаде, куда допускались только спортсмены-любители, на стороне Великобритании выступало по меньшей мере два профессиональных хоккеиста. Это были вратарь Джимми Фостер и полевой Алек Эрккер. Как видим, скандалы начались еще до начала Олимпиады. На некоторое время этих канадских игроков удалили из команды. Их вернули обратно только после того, как было экстренно созвано внеочередное заседание Международно-

го хоккейного комитета. Президент Канадской ассоциации любительского хоккея назвал поведение Великобритании, воспользовавшейся зависимостью Канады как доминиона, «рэккетом». Дело даже слушалось в канадской палате общин. Возмущение канадцев было легкообъяснимым — они с 1920 года неизменно брали олимпийское «золото» по хоккею, теперь же они могли проиграть.

Обе укомплектованные канадскими игроками хоккейные команды (Великобритания и Канада) встретились на льду вечером 11 февраля. К тому времени в полуфинал вышли команды четырех стран: Великобритания, Канада, США и Чехословакия. На стадионе и в его окрестностях собралось более 15 тысяч человек. Подавляющее большинство из них болело за «британцев». Не то чтобы в Германии не особо любили канадцев, просто пробританские настроения были несколько сильнее. Опять же за несколько дней до этого германская команда потерпела сокрушительное поражение от канадцев. Счет был 6:2. После этого в Гармиш-Партенкирхене чуть было не начались массовые беспорядки, настолько были недовольны исходом игры немецкие болельщики. К решению проблемы пришлось подключать Германа Геринга и Йозефа Геббельса, которые призывали через громкоговорители соблюдать спокойствие. После этого немецкие болельщики нсвольно болели за «британцев», надеясь, что хотя бы те накажут «обидчиков». Их ожидания были оправданы. Канадцы со счетом 1:2 проиграли «британцам». Поскольку медали распределялись по специальной системе, предполагавшей начисление очков, то после нескольких полуфинальных игр канадцы оказались на втором месте. «Серебро» их никак не устраивало, а потому чуть было не разгорелся международный скандал.

Заккрытие зимней Олимпиады происходило сразу после окончания хоккейного матча между США и Канадой. На церемонии присутствовало около 13 тысяч человек. Сама церемония носила ярко выраженный военизированный характер. Если говорить о спортивных итогах Олимпиады, то они были утешительными для национал-социалистического режима. В общем зачете лидировала Норвегия, чьи спортсмены получили семь медалей. Немецкие спортсмены завоевали шесть медалей. Великобритания и США занимали седьмое и восьмое места. А в самом низу, на одиннадцатом месте с одной бронзовой медалью, находилась Франция. После того как был погашен олимпийский огонь, мощные прожектора все еще продолжали устремлять свои лучи в небо. Это была явно «цитата» из организации партийных съездов в Нюрнберге. Однако, в отличие от Нюрнберга, в Гармиш-Партенкирхене было меньше порядка. В какой-то момент после закрытия Олимпиады возникла давка — люди устремились прочь с территории стадиона, чтобы увидеть Гитлера. Имевшиеся заслоны из служащих СС и вермахта в некоторых местах были прорваны. До трагедии дело не дошло, но несколько людей получили легкие травмы. И это было отнюдь не единственной недоработкой национал-социалистических властей. На десять дней все гостиницы Гармиш-Партенкирхена оказались переполненными. Нередко постояльцам по несколько часов приходилось ожидать пищи, так как персонал гостиниц и ресторанов не успевал справляться с поступившими заказами. Иногда приходилось обходиться только тем, что на кухне нашли официанты. Нельзя не отметить, что из США прибыла команда заметно большая, нежели этого ожидали в Третьем рейхе. В итоге некоторым спортсменам приходилось спать в ваннах. Также

иностранцев раздражала типично немецкая бюрократия — чтобы заселиться в гостиницу, им приходилось заполнять по четыре анкеты. Не меньше проблем возникало с пропусками и билетами на трибуны.

Но все это были мелочи. Главным победителем из этих соревнований вышел национал-социалистический режим. Многие люди оказались впечатлены тем, что видели «дружелюбных» немцев. Гитлер самолично раздавал автографы. Для иностранцев он вовсе не выглядел монстром, как его изображали в антифашистской прессе. Многие из этих иностранцев даже позволяли себе склоняться к тому, что «национал-социалистический режим, возможно, был не так уж плох». Распространение подобных настроений в корне подрывало возможность организовать эффективную кампанию по бойкоту Берлинских игр, запланированных на август 1936 года.

Глава 8

БОЙ ГИГАНТОВ

В начале лета 1936 года больше предстоящей Олимпиады немцев волновало только одно спортивное событие — намеченный бой германского боксера Макса Шмелинга и американца Джо Луиса. У этого поединка была своя длинная предыстория. 21 декабря 1935 года в Америке был распространен слух, что Джо Луис умер. Казалось бы, американцы должны были уже привыкнуть к подобного рода «сенсациям». Только в 1935 году этого темнокожего боксера «хоронили» по меньшей мере десять раз. Его «убивала» мафия, «отравляли» любовницы, «забивали насмерть» гангстеры. А также несколько раз он «разбивался на смерть» в автока-

тастрофах. Когда в «Нью-Йорк таймс» только за один день поступило более тысячи звонков, то в газете решили дать опровержение этих слухов. «Если я мертв, то я, наверное, самый живой труп на свете», — заявил Луис репортеру.

В начале 1936 года Джо Луис еще не был самым титулованным боксером США, но мог по праву считаться одним из самых известных американских спортсменов. Журнал «Ринг» ставил его на первое место. Подобная оценка во многом была оправданной. Только за 1935 год Луис смог заработать 400 тысяч долларов. Сам он планировал, что к 1937 году заработает «свой первый миллион». Формально чемпионом по боксу считался Джеймс Брэддок. Однако тот выступал в провинциальных городах, где проживал в невзрачных отелях, получая за бой тысячу долларов. Луис же путешествовал в собственном спальном вагоне и жил в фешенебельных гостиницах. Ему не удавалось завоевать титул чемпиона, так как Брэддок уклонялся от боя с темнокожим боксером. В середине 30-х годов бокс во всем мире переживал своеобразный ренессанс. Передовицы газет пестрели новостями о боксерах, которые по своей популярности обошли бейсболистов и теннисистов. Бокс стал прибыльным бизнесом. Однако многих смущало, что Джо Луис был темнокожим, а потому некоторые продюсеры занимались поиском «белой надежды». Но в Америке не нашлось ни одного белого боксера, кто бы мог противостоять Луису. Хотя бы уже по этой причине намеченный бой с Максом Шмелингом стал своеобразной сенсацией. Это был не просто бой белого и темнокожего спортсменов. Запланированный поединок воспринимался как противостояние систем: американской демократии и германского национал-социализма, заявлявшего о превосходстве белой расы.

За полгода до встречи со Шмелингом Луис провел три боя — все они длились от одной до двух минут и заканчивались нокаутом. Луис не считал немца серьезным соперником. Впрочем, собственно бой почти никто не рассматривал как сугубо спортивное событие. С самого начала оно стало восприниматься как политическое действо. Слухи о том, что предстоящий бой Макса Шмелинга против Джо Луиса был не более чем закулисной интригой или заговором, организованным белыми расистами, ходили по всей Америке. По одной версии, инициатором этого боя было правительство Рузвельта, которое опасалось, что чернокожий боксер, получивший титул чемпиона мира по боксу, может вызвать недовольство у избирателей южных штатов. По другой версии, Англия, Франция и Голландия по «тайным каналам» поставили ультиматум США, заявляя, что чернокожий боксер никогда не будет признан чемпионом мира. Были даже своеобразные вариации слухов на тему «еврейского заговора». С одной стороны, предполагалось, что Джо Луис мог вызвать недовольство еврейских бизнесменов своими якобы антисемитскими высказываниями. С другой стороны, строились версии о том, что те же самые еврейские бизнесмены пытались сорвать бой Луиса и Шмелинга, что было частью общих мероприятий по бойкоту Берлинской Олимпиады. В самой Германии в преддверии Олимпийских игр предпочитали воздерживаться от резких высказываний в адрес чернокожего боксера. В рейхе пытались создать видимость «спортивной веротерпимости».

Однако во всех вышеуказанных слухах как бы фоном шла идея, что Джо Луис должен был проиграть. На самом деле подобное американцам казалось маловероятным — они привыкли к тому, что Луис в первом же раунде направлял

своих противников на пол ринга. В этой связи появилась новая череда слухов — они были связаны с тем, что Германия откажется присылать Шмелинга на бой. Предположение, что национал-социалисты и Шмелинг проигнорируют приглашение из опасения быть «побитым негром», не было уж совсем фантастичным. Уже после окончания Второй мировой войны Макс Шмелинг вспоминал, что Гитлер хотел запретить ему выезд в США. В данном случае фюрер считал, что Шмелинг не мог защищать честь Германии в бою против чернокожего спортсмена, который изначально находился в более выгодном положении. Однако Шмелингу все-таки удалось изменить мнение Гитлера. Когда стало ясно, что бой все-таки состоится, то тысячи немцев решили увидеть бой. Чтобы обеспечить необходимую поддержку Шмелингу, пароходство «Северогерманский Ллойд» на 50% снизило стоимость билетов на океанские лайнеры «Бремен» и «Европа». На самом деле национал-социалистические власти оказались в очень щекотливом положении. Неприязнь «профессионального спорта, ориентированного на зрелищность», уравнивалась желанием поддержать германского боксера. Кроме этого не стоило забывать о том, что участие Макса Шмелинга в этом бою было своеобразной рекламой Олимпиады 1936 года.

Впрочем, положение самого Макса Шмелинга в Германии было тоже неоднозначным. К 1936 году он был мировой знаменитостью, обладателем титулов: чемпион Германии, чемпион Европы, чемпион мира. За его плечами в качестве известного спортсмена были съемки в кино и даже выступление на эстраде. Макса Шмелинга нельзя было назвать «нордическим арийцем» — он был темноволосым, с густыми бровями, за что и заслужил прозвище Черный

Гусар. Он никогда не интересовался политикой, но это не мешало многим политическим силам использовать Макса в своих собственных целях. Когда 6 января 1928 года Шмелинг одержал верх над итальянским боксером Микеле Бональя, то немецкая социал-демократическая пресса рассматривала это в качестве «победы германской демократии над итальянским фашизмом». Пройдет всего лишь несколько лет, и Шмелинг окажется в национал-социалистической «обойме». Еще в начале 1936 года Имперский спортивный руководитель Ганс фон Чаммер заявил, что «в Германии не может быть неполитизированных спортсменов». Подразумевалось, что все немецкие атлеты должны были пройти специальный курс «мировоззренческого обучения». Но Макса Шмелинга решили избавить от этого. Он не был членом национал-социалистической партии, но это не мешало ему иметь множество друзей, которые были высокопоставленными партийными функционерами. Например, боксер был очень дружен с Гансом Хинкелем, руководителем Имперской палаты печати. Если требовалось, то Шмелинг вскидывал правую руку в «немецком приветствии», но все-таки не очень охотно фотографировался на фоне полотнищ со свастиками. Когда в марте 1936 года проходил очередной плебисцит, то он был в числе знаменитых немцев, которые призывали своих сограждан к поддержке Гитлера. Шмелинг говорил и действовал равно столько, чтобы сохранять благосклонность национал-социалистического режима. Если национал-социалисты просили оказать какую-то «любезность», то он никогда не отказывал им.

Многие полагали, что Шмелинг был нужен национал-социалистическому режиму не только в качестве объекта пропаганды, но и как источник валюты. В указанное время

любим немцам, выезжавшим за границу, запрещалось брать с собой более 40 долларов — в рейхе ощущался недостаток валютных запасов. Отчасти подобное предположение подтвердил сам Макс Шмелинг. Одному американскому репортеру он заявил: «Я предполагаю, что привезу с собой на родину несколько сотен тысяч долларов. Думаю, что доктор Шахт не будет против». Несмотря на то что Шмелинг не разделял расистскую идеологию национал-социализма, он не был лишен неких предубеждений в отношении цветных боксеров. Как он заявил о Джо Луисе: «Он умный и хорошо воспитанный человек, который ведет абсолютно безупречную со спортивной точки зрения жизнь, он не пытается выделиться своим экстравагантным поведением. Посмотрите на Луиса — он не допускает ошибки многих цветных спортсменов, которые пытаются проникнуть в высшие круги белого общества».

Накануне отъезда Шмелинга в США пресс-атташе Имперского спортивного руководства Гвидо фон Менгден заявил немцам через прессу: «Шмелинг — самый известный и самый прославленный немецкий атлет последнего времени. Рейх желает ему всего наилучшего. Конечно же мы надеемся, что Макс Шмелинг победит. Но даже если он вернется домой побежденным, то страна отнюдь не будет погружена во вселенскую скорбь». Несмотря на подобные заявления, немецкая сторона была настроена на победу. Буквально перед отъездом в США Макс Шмелинг вместе со своей супругой Анни Ондрой посетил министра пропаганды Йозефа Геббельса, который решил оказать боксеру пропагандистскую поддержку. В США пресса, напротив, пыталась всячески дискредитировать Черного Гусара. Более того, читателям преподносились мнимые «подробности»

из отношений Шмелинга и национал-социалистического режима. «Одержимая расовой идеей Германия не простит Шмелинга, который решил драться с негром».

Сам Макс Шмелинг всячески скрывал точную дату отбытия в США. Он не жаждал сенсаций, а потому не хотел, чтобы его «проводжала» толпа репортеров и фотографов. Автографы и рукопожатия он решил оставить до момента возвращения, как он надеялся, с триумфом. Сославшись на болезнь, его даже не пришла провожать супруга. После нескольких дней пути 21 апреля 1936 года лайнер «Бремен» вошел в нью-йоркскую гавань. Здесь уже никак нельзя было скрыться от представителей прессы. Американские фотографы сделали несколько фото, которым не суждено было появиться в немецких газетах, — на них улыбающийся Макс Шмелинг обнимал за плечо своего менеджера Джо Якобса, который был по национальности евреем. Далее репортеров интересовали некоторые подробности плавания. Шмелинг заявил, что, несмотря на то что ежедневно пробегал по палубе лайнера около 20 километров, он все-таки набрал в весе. По поводу Джо Луиса он заметил: «Если он будет допускать те же ошибки, что и во время боя с Баером, то я непременно нокаутирую его». Некоторые журналисты хотели знать, встречался ли Шмелинг с Гитлером накануне отплытия. Тут боксер был предельно краток: «Он — политик, а я всего лишь — спортсмен».

Далее общение с прессой продолжилось в отеле «Коммодор», который стал местом обитания немецкого спортсмена в Нью-Йорке. Тут уже в дело вступил Джо Якобс, который не только был уверен, что Шмелинг «побьет» Луиса, но и что эта встреча на ринге станет самым знаменитым боем десятилетия: «Миллионы людей не только в Германии, но и во всей Европе будут следить за радиорепортажами с

поединка». Подобное утверждение не было преувеличением. В США для поддержки Шмелинга на бой должно было прибыть около двух тысяч немцев. И это при том условии, что транспортировка в США стоила огромную по тем временам сумму — 400 долларов! Пребывание Шмелинга в Нью-Йорке было недолгим. Несколько дней спустя он отправился на свою тренировочную базу, которая располагалась в 160 километрах к северу от Нью-Йорка, в Напаноке. Сюда Шмелинг прибыл 30 апреля 1936 года. Прежде чем приступить к интенсивным тренировкам, он познакомился с местным прокурором, открыл бейсбольный матч, раздавал автографы местным жителям. Одновременно с этим в доме, где жил Шмелинг, была смонтирована импровизированная радиостудия, из которой по вечерам вторника, четверга и пятницы в эфир выходили получасовые передачи о ходе тренировок Макса Шмелинга. Эти сообщения ретранслировались в Нью-Йорке. Аналогичные сообщения о Джо Луисе выходили в понедельник, среду и субботу.

Брат менеджера Макса Шмелинга Майк Якобс занялся активным формированием общественного мнения. Он привлекал лучших спортивных репортеров, чтобы те пытались подать Луиса не в самом для него благоприятном свете. В некоторых случаях те не брезговали прибегать к откровенным расистским выпадам. В данном случае речь шла отнюдь не о личных убеждениях Шмелинга или его менеджеров. Подобная политика была продиктована необходимостью вывести ставки, которые делались через тотализаторы, на выгодный для Шмелинга уровень. Было необходимо, чтобы возмущенная поведением окружения немецкого боксера публика ставила на Луиса, тем самым повышая уровень дохода в случае выигрыша Черного Гусара.

Самого Шмелинга это мало интересовало. На своей тренировочной базе он усиленно упражнялся. Он пытался развить подвижность ног, которая подводила всех противников Луиса. По оценкам тренера Шмелинга Макса Махона, его подопечный в течение нескольких недель, которые он провел в Напанокке, пробежал в общем более тысячи километров. Особенностью тренировок Шмелинга было то, что он питался исключительно привезенными из Германии продуктами. Немецким было все: колбаса, сыр и даже минеральная вода. По этому поводу Шмелинг как-то попуттил: «Не хочу, чтобы американская вода разделяла со мной ответственность за возможное поражение». Единственным развлечением для Шмелинга был просмотр кинофильмов. На тренировки к нему приходило множество поклонников, хотя у Луиса в США таковых было не в пример больше. Но на людях Шмелинг предпочитал не тренироваться всерьез — это были своеобразные показательные представления. Немецкий боксер боялся раньше времени открыть свою «программу».

4 июня 1936 года Майк Якобс принёс хорошие известия: если бы Шмелинг победил Луиса, то он мог рассчитывать на бой с Джеймсом Брэддоком. Несмотря на то что не имелось никаких конкретных договоренностей, немецкий боксер счел эту новость хорошим знаком. В Германии вообще посчитали, что подобное развитие событий было свидетельством того, что Шмелинг был фаворитом. Газета «Амстердам ньюс» писала в те дни: «Если бы уверенность была музыкой, то Шмелинг звучал бы как филармонический оркестр». Хотя подобную точку зрения разделяли отнюдь не все. Многие отмечали, что Луис был значительно моложе Шмелинга, а потому был более выносливым. В ответ на

это Джо Якобс через прессу советовал «коричневому бомбардировщику» (так публика прозвала Луиса) есть побольше ангрескотов: «Только так он может вынести и пережить мощнейшие удары Макса». Сам же Шмелинг предпочитал не давать подобных комментариев. Воздерживался он и от обсуждения расовой политики национал-социализма. Но он не мог критиковать режим. Более того, когда его спросили о возможности начала новой войны Англии и Франции против Германии, он ответил: «Не будет никакой войны, по крайней мере, в этом поколении. Немецкий народ не хочет воевать. Американцы еще не знали праведных войн. Я знаю, что в мировую войну они потеряли тысячи человек. Но в то же самое время в Германии погибли миллионы людей. Вместо того чтобы тратить деньги на вооружение, мы пускаем их на строительство домов. Вы думаете, 99% немцев проголосовали бы за Гитлера, если бы они хотели войны?» Но в то же самое время он заявлял: «В спорте нет никаких различий между белыми и черными. Побеждает сильнейший».

Нельзя сказать, что, оказавшись в США, Шмелинг избежал от контроля со стороны национал-социалистического режима. Этот контроль косвенно осуществлялся через официального «летописца» Шмелинга, журналиста Арно Хеллмиса. Хеллмис прошел через мировую войну, после чего примкнул к национал-социалистам. Он вступил в СА, еще до того, как Гитлер пришел к власти. В США он направился якобы по собственной инициативе (по крайней мере, так утверждал сам Хеллмис). Но некоторые из американских журналистов утверждали, что пьяный в дым Хеллмис рассказывал им, будто бы был направлен в Америку, чтобы приглядывать за Шмелингом. На следующее утро он просил не разглашать эту информацию, так как она могла

стоять ему жизни. Как бы то ни было, но статьи Хеллмиса с завидной регулярностью появлялись на страницах «Народного обозревателя» — официального печатного органа НСДАП. В одной из этих статей он сообщал: «Шмелинг прекрасно понимает, что эта поездка не будет развлекательной прогулкой. Но он верит в то, что сможет побить негра, так как намерен вернуть титул чемпиона мира в Германию. Несмотря на презрение американцев, насмешки в прессе и даже вопреки сомнениям, присутствующим некоторым из его земляков, он продолжает верить в себя. И его никто не сможет смутить!»

Когда в Германии говорили о «насмешках американской прессы», то это не было преувеличением. Подобно тому, как немецкая пресса нападала на Луиса, так и американская пресса травила Шмелинга. «Кубик льда в плавильной печи», «выцветшая шелковая рубашка из китайской прачечной» — это были самые мягкие формы оскорблений, которые себе позволяли американские газетчики. Некоторые из них дошли до того, что сравнивали немецкого боксера с Бурно Хауптманом — преступником, похитившим сына легендарного летчика Линдберга. Кто-то говорил, что бой превратится в казнь, а потому Шмелингу надо было приготовить прощальную речь. В целом прогнозы на то, что Шмелинг был фаворитом, были явно неоправданными. В букмекерских конторах ставили только на Джо Луиса, что не могло не радовать Якобса. Лишь единицы ставили на Шмелинга. Среди них была и знаменитая актриса Марлен Дитрих.

Вечером 17 июня в Нью-Йорке пошел дождь. К утру 18 июня он превратился в форменный ливень. Но это не помешало тысячам людей устремиться к стадиону «Янки». Большинство американских утренних газет вышли под за-

головком: «В каком раунде?». Никто не сомневался в победе Джо Луиса, ставки делались на то, в каком раунде он уложит Черного Гусара. Шмелинг и Луис встретились перед взвешиванием в 12 часов 30 минут. Пожали друг другу руки. По очереди взошли на весы. Выяснилось, что Луис весил 89,8 килограмма, а Шмелинг — 87,1. После этого им были даны рекомендации воздерживаться от нападок и ругани. «До встречи вечером, Джо», — сказал Шмелинг своему противнику. И именно в этот момент оба оказались запечатленными на фотографии. Многие из наблюдателей отмечали, что Джо Луис выглядел неувсерненным. Он избегал взгляда Макса Шмелинга, который улыбался и шутил. Все это никак не походило на «казнь» немецкого боксера. «Палач» словно пребывал в полусне.

Всего на бой Шмелинга и Луиса было продано около 39 тысяч билетов. Тем страннее выглядели трибуны, на которых можно было заметить пустующие места. Уже потом делалось предположение, что билеты были скуплены спекулянтами, которые так и не смогли их распространить. Были и более экзотические версии: якобы большую часть билетов скупил еврейские бизнесмены и не намеревавшиеся их распространять, так как это было разновидностью бойкота предстоящей Олимпиады.

С посидинка между Шмелингом и Луисом было решено вести прямой радиорепортаж. Принимая в расчет, что американская публика была очень впечатлена передачами Клея Маккарти, то именно ему было поручено освещение боя двух боксеров. На практике это означало, что только в США репортаж должны были услышать около 6 миллионов человек. Это было приблизительно вдвое больше, чем слушали репортажи со съездов демократической партии. И в

пять раз больше, чем слышали прощальную речь короля Эдуарда VIII. Кроме этого к действию были подключены телеграфные агентства. По всей стране создавались специальные площадки, на которых люди могли слушать сообщения с «посединка века». Специальные радиоприемники устанавливались в музыкальных павильонах, на открытых площадях, в фойе отелей, на вокзалах. Кроме этого громкоговорители были установлены вокруг самого стадиона «Янки».

В Европе передачи должны были вестись в Англии, Испании и Германии. Германия находилась, наверно, в самом невыгодном положении. Бой должен был начаться в 3 часа ночи по берлинскому времени. Но это не помешало ретранслировать репортаж на множество крупных городов: Берлин, Бреслау, Гамбург, Кёльн, Кенигсберг, Лейпциг, Франкфурт, Штутгарт, Саарбрюкен. Всего же у «народных приемников», которыми жителей Германии за годы правления снабдили национал-социалисты, собралось около 30 миллионов немцев. В Кляйн-Люкове, городке, где родился Макс Шмелинг, несмотря на все административные запреты и правила, трактиры не закрывались на ночь. Среди слушателей был и Гитлер, который провел радио к себе в купейный вагон, а потому мог следить за боем по пути из Берлина в Мюнхен.

Как уже говорилось выше, супруга Макса Шмелинга Анни Ондра осталась в Германии. Ей была оказана неслыханная «милость». На прослушивание репортажа к себе в квартиру ее пригласили Йозеф и Магда Геббельсы. С того момента как Шмелинг отбыл в США, чтобы уже там готовиться к поединку, Анни по меньшей мере четыре раза встречалась с министром пропаганды. Геббельс как-то записал в своем

дневнике: «Мы с ней беседовали и смеялись. Она восхитительно наивна». Когда Анни Ондра должна была слушать репортаж в квартире Геббельсов, то это событие должен был запечатлеть специально приглашенный фотограф. Перед началом боя германское радио решило устроить так называемую ночь боксеров. Несколько часов кряду читались спортивные стихотворения, ставилась музыка из фильмов, где играла Анни Ондра, не раз звучала песня «Сердце боксера» в исполнении самого Макса Шмелинга (эта песня прозвучала в фильме с его участием «Любовь на ринге»). Каждые полчаса следовало объявление: «Сегодня ночью мы станем свидетелями боя между Луисом и Шмелингом, который произойдет на стадионе “Янки”. Каждый немец обязан бодрствовать в эту ночь, чтобы поддержать Макса, который за океаном в поединке против негра попытается продемонстрировать превосходство белой расы». Но большинство германских любителей бокса предпочитали не слушать предваряющую репортаж программу, они просто ложились спать, намереваясь проснуться к началу боя по звонку будильника. Поскольку было жаркое лето, то большинство окон в домах было открыто настежь. Позже немецкие газеты сообщали о «симфонии звонящих будильников», так как улицы многих городов просто утонули в звоне.

Но вернемся в Нью-Йорк. После обязательных приготовлений и объявлений, сделанных рефери Артуром Донованом, в 22 часа 6 минут над стадионом «Янки» прозвучал звук гонга. Начался «посединок века». В первом раунде казалось, что удача была на стороне Луиса, он смог провести серию длинных ударов, один из которых все-таки достиг своей цели. Глаз Шмелинга стал заплывать, наливаясь багрово-синим цветом. Однако, как и предвидел Шмелинг,

Луис плохо держал оборону от короткого удара правой рукой в голову. Впервые американские зрители увидели, что Луис не поверг своего противника на пол в самом начале боя. Многим не верилось, что Шмелинг мог быть равносильным противником. В первом же раунде Луис, который и до этого изрядно нервничал, вошел в бешеный клинч, но не смог пробить оборону Шмелинга. Позже журнал «Ринг» в поиске оправданий сообщит, что Луису надо было выждать год после того, как он сочетался браком. Но если принимать в расчет, что Луис женился не накануне боя, а за десять месяцев до этого, то подобного рода советы выглядят по меньшей мере нелепо. На самом деле впервые за последние 14 поединков Луис встретил боксера не только равного по силам, но и превосходящего его в технике боя. Ситуация стала меняться уже во втором раунде. Шмелинг в полной мере воспользовался слабостью обороны Луиса. Короткий удар правой попал в подбородок. Луис на секунду замер, словно не веря, что он пропустил удар. Нельзя сказать, что в последующих раундах преимущество было исключительно за Шмелингом, он пропустил еще несколько ударов: глаз и вовсе заплыл, а кроме этого ему иногда приходилось сплевывать кровью. Но в 4-м раунде Луис пропустил еще один удар, и это стало началом конца. Луис пошатнулся и упал. Артур Донован стал вести отсчет до десяти.

Стадион «Янки» взорвался. Хеллмис, который вел вещание из Нью-Йорка, радостно закричал в микрофон: «Луис пошатнулся! Луис упал!.. Макс его нокаутировал! Браво, Макс! Браво!!!» После этого Хеллмис попросил прощения у своих радиослушателей, если им было плохо слышен его голос, так как весь стадион погрузился в один оглушительный крик. Американцы были шокированы — ранее они никог-

да не видели поверженного Джо Луиса. В Германии наступило повсеместное ликование. По большому счету нельзя сказать точно, что происходило на стадионе «Янки». Все-таки поднявшийся на ноги Джо Луис выглядел обиженным и растерянным — словно он не мог понять, что произошло. Шмелинг тоже выглядел озадаченным. Он стоял на месте, ожидая продолжения боя. Улицы Нью-Йорка неистовствовали. Все требовали, чтобы Луис поднялся. И Луис все-таки смог встать на ноги до того, как рефери закончил свой отчет. Можно было продолжать бой. Но Луис не мог боксировать, а потому фактически повалился на Шмелинга. От нового мощного удара его спас только гонг, возвестивший об окончании раунда. По пути в свой угол ринга Джо Луис чуть было вновь не упал на пол.

Когда начался пятый раунд, то Джо Луис уже не мог толком противостоять Максу Шмелингу. Удары немца шли сериями и почти всегда попадали в цель. Позже Луис вспоминал: «У меня возникало ощущение, что я бежал по глубоко вспаханному полю, ноги еле-еле двигались. Но при этом я постоянно налетал на невидимую преграду». Американские болельщики были шокированы. Если ранее Луис выступал непременно с непроницаемым лицом, то теперь оно было искажено гримасой боли и усталости. В пятом раунде последовал еще один нокдаун. Луиса спасло то, что он оказался на полу одновременно с тем, как раздался гонг. В остальных раундах не стоило ожидать изменения ситуации. Всего за бой Джо Луис пропустил около 90 ударов Макса Шмелинга. Черный Гусар не раз посылал «коричневого бомбардировщика» на канаты. Бой закончился в 12-м раунде, Луис пропустил еще один мощнейший удар Шмелинга и просто рухнул. Стадион вскочил. Джо лежал и поч-

ти не двигался. Кто-то закричал: «Помогите ему, он ранен!» Молодая супруга Джо Луиса, Марва, закрыв лицо руками и с трудом сдерживая слезы, побежала прочь со стадиона. Все радиоведущие на некоторое время прервали свои трансляции, так как в оглушительном реве нельзя было произнести ни одного слова. Шмелинг же помог рефери поднять тело Джо Луиса и отнести его в угол на стул. Темнокожий боксер фактически пребывал в бессознательном состоянии. В то же самое время Джо Якобс и Макс Махон выскочили на ринг и стали обнимать Шмелинга. Якобс, не отличавшийся особенно большим ростом, делал это настолько энергично, что порвал себе подтяжки и с него стали спадать брюки. После этого на ринг пригласили Джеймса Брэддока, именно с ним в будущем предстояло померяться силами Джо Луису. Брэддок был растерян — он явно не ожидал подобного исхода боя.

Когда Шмелингу подняли руку, то возгласами ликования его приветствовали тысячи людей. Для него это был форменный триумф. Он одержал и физическую, и психологическую победу. Казалось, что произошло все именно так, как планировали национал-социалисты: дисциплина, решимость и мужество одержали верх над физической силой. Один из очевидцев позже вспоминал: «Мы никогда не увидим более мужественного боксера. Он был настолько мужественным, что нас даже обуял страх. Он был настолько мужественным, что мы рассматривали его в качестве чего-то смертельно опасного и пагубного». Когда Макс Шмелинг был объявлен победителем, то он подал знак Хеллмису. Это означало, что триумфатор хотел передать послание Германии. Боксер сделал жест, который Хеллмис интерпретировал как «германское приветствие». Но Макс так и не удалось добраться

до микрофона Хелмиса, его перехватил американский комментатор Маккарти: «Мои поздравления, юноша. Мои сердечные поздравления!» В ответ Макс смог лишь выдавить: «Это самый счастливый день в моей жизни». После боя ему с большим трудом удавалось подбирать английские слова. Шмелинг решил воспользоваться случаем, чтобы поддержать поверженного Джо Луиса: «Это был самый серьезный противник из всех, с которыми мне приходилось встречаться в жизни. Думаю, его ожидает великое будущее». На вопрос: «Когда вы почувствовали, что победите?» — Шмелинг ответил: «В четвертом раунде». В этот момент к микрофону добрался Якобс: «Я верил в его победу с самого начала. Я даже не допускал, что Макс может проиграть».

В это время супруга Анни Ондра находилась в квартире Геббельсов. Во время репортажа о поединке она настолько нервничала, что несколько раз выбегала из комнаты. Однако фотограф ее запечатлел радостной. Анни сидела в кресле, на спинку которого облокотились Йозеф и Магда Геббельсы. Когда стало известно о победе Макса, то Геббельс незамедлительно телеграфировал: «Мои искренние поздравления с победой, свидетелями которой мы стали этой ночью. Мы знаем, что Вы боролись за Германию. Ваша победа — это немецкая победа. Мы гордимся Вами. Хайль Гитлер и мои сердечные поздравления». Чуть позже Геббельс записал в своем дневнике: «В 12-м раунде Шмелинг уложил нокаутом негра. Чудесный, драматичный и возбуждающий поединок. Белый против черного. И белым был немец. Его жена великолепна. Моя семья в восторге от нее. Лег спать только в 5 часов. Очень радостный».

Непонятно как, но публике стало известно, что Анни Ондра находилась в квартире Геббельсов. В итоге перед домом

собралась толпа, которая хотела поздравить жену Черного Гусара. В квартире министра пропаганды не замолкал телефон. Приходило множество поздравлений по почте. Получила Анни поздравление и от Гитлера: «Я должен поздравить вас с победой вашего супруга, величайшего из немецких боксеров. Мои сердечные поздравления». К открытке с этими словами прилагался букет цветов. День спустя в Германии повторяли репортаж с боя, на этот раз его слушали почти все немцы.

Когда Макс Шмелинг вернулся в свой гостиничный номер, то его ожидало настоящее море цветов. Посыльные буквально сбились с ног, доставляя все новые и новые телеграммы. Всего же за несколько часов после окончания боя к немецкому боксеру пришло более 800 поздравлений. Среди поздравлявших были: Гитлер, Марлен Дитрих, великий немецкий режиссер Эрнст Любич, Соня Хени. Норвежская фигуристка, к тому времени уже перебравшаяся в Америку, не без гордости заявляла: «Я была единственной во всем Голливуде, кто поставил на вас». Но нельзя не отметить, что очень много телеграмм пришло из южных штатов, где были традиционно сильны расистские настроения. Шмелинг же всегда только отмечал, что подобные вещи его никогда не интересовали. Но тем не менее он постоянно упоминал про поздравительную телеграмму, пришедшую от Гитлера.

Если в Германии царило ликование, то в Нью-Йорке можно было наблюдать иные картины. Больше всего власти опасались беспорядков в Гарлеме. И подобные опасения не были безосновательными. Нередко прямо на улицах случались потасовки. Чернокожие дрались между собой. Поклонники Джо Луиса нападали на тех, кто позволял себе критические высказывания в адрес «коричневого бомбардиров-

щика». В итоге в негритянский квартал пришлось ввести силы полиции. Каждый переулок патрулировался несколькими конными полисменами, которых поддерживали «пешие» силы. В итоге к ночи Гарлем полностью опустел — на улицах не было видно ни одного человека. Волнения удалось подавить на корню. В целом же в США господствовало массовое разочарование. Оказались закрыты многие бары, рассчитывавшие на изрядную прибыль от празднования возможной победы Луиса. Владельцы этих заведений закупили всего впрок и теперь с трудом могли рассчитаться по своим заказам. Некоторые из людей, которые поставили свои сбережения на Джо Луиса, оказались в тяжелой депрессии. Были известны случаи, когда некоторые из американцев по несколько недель не выходили из дома, так как боялись насмешек со стороны окружающих.

Шмелинг же предпочитал почивать на лаврах победителя. На следующий день после боя он спал до полудня. Всю вторую половину дня он, облаченный в темные очки, давал интервью американским журналистам. Теперь он мог позволить себе пошутить: «Вероятно, теперь немцы меня будут воспринимать именно как Макса Шмелинга, а не как мистера Анни Ондра» (в конце 20-х годов супруга Макса была очень известной актрисой). Но у славы была и обратная сторона, связанная с политикой. Некоторые из высказываний Шмелинга никогда не появились на страницах германской прессы. Более того, Геббельс решительно запретил печатать хоть какие-то высказывания бывшего тренера Шмелинга, Артура Бюлова. Дело в том, что тот не верил в успех Макса. Национал-социалистическая пропаганда же предпочитала показать исход боя как само собой разумеющийся. Дисциплина и воля (символы национал-социализма)

всегда могли одержать верх над природными инстинктами (намек на врожденные способности негров к спорту). Макса Шмелинга стали преподносить немцам как символ «идеального арийца», несмотря на то что кареглазый, темноволосяй, с густыми бровями и резкими скулами боксер никак не походил на «типичного нордического ария». Но это не мешало немецкой прессе, контролируемой Геббельсом, заниматься самолюбованием: «Теперь Германия является не только страной самых быстрых гоночных автомобилей, самых больших дирижаблей. Германия родила самого величайшего боксера всех времен и народов».

Официально организованные торжества по поводу победы Макса Шмелинга стали проводиться в Германии еще до того, как боксер вернулся на родину из США. Близ Нюрнберга было создано огромное «солнечное колесо». Оно было образовано из факелов, которые несли 200 тысяч человек. В этом ритуале принимала участие и английская аристократка Юнити Валькирия Митфорд, которая считалась едва ли не самой большой поклонницей Гитлера во всей Великобритании. В своем выступлении Юлиус Штрейхер, издатель скандального антисемитского журнала «Штюрмер» («Штурмовик»), заявлял, что причина победы Шмелинга крылась в том, что «он прибыл из новой Германии, из Германии, в которую вновь верят». На страницах эсэсовского издания, журнала «Черный корпус», заявлялось, что «железные кулаки Макса Шмелинга разгромили всех врагов национал-социализма, благодаря чему белая раса смогла сохранить почтение к себе». Далее эсэсовский журналист продолжал: «Англия, Франция, Северная Америка должны выразить негласную признательность Максу Шмелингу за то, что в процессе мировой борьбы он положил конец само-

надсаянности чернокожих». «У негра врожденная психология раба, и горе тому, кто позволит ему проявить надменность и высокомерие, — это надо пресекать самым жесточайшим образом», — предостерегал «Черный корпус».

Сам же Макс Шмелинг после непродолжительного отдыха и обсуждения деловых вопросов наковал чемоданы. Ему предстояло добраться до Германии на гигантском дирижабле «Гинденбург». Это путешествие было для него не менее волнительным, чем сама победа над Луисом. До дирижабля пришлось пробираться сквозь огромную толпу, которая собралась, чтобы приветствовать победителя. Как сообщал один американский корреспондент, «23 июня гигантская толпа собралась посмотреть на два чуда XX века: самый большой в мире дирижабль и человека, который смог победить Джо Луиса». Во время своего путешествия Макс Шмелинг почти не спал — он почти круглыми сутками смотрел в окно иллюминатора. 26 июня около 16 часов «Гинденбург» пролетел над Кёльном. Когда дирижабль приблизился к Франкфурту, то он получил почетный эскорт из пяти боевых самолетов. На аэродроме, невзирая на жуткую духоту и давку, Макса Шмелинга ожидало более 10 тысяч человек. В это время предприимчивые торговцы смогли продать несколько тысяч бутылок воды «Макс Шмелинг» и коробок конфет «Анни Ондра». Сама же Анни была среди присутствовавших. Она вместе с матерью Макса еще утром была направлена специальным самолетом из Берлина — об этом позаботился лично Геббельс. Когда «Гинденбург» «причалил» к аэродрому Франкфурта, то первым из него на трап вышел Макс Шмелинг. Его приветствовал шквал оваций, который моментально заглушил оркестр, начавший исполнять гимн. Под ноги Максy полетели сотни букетов. Совсем

юная девочка в униформе БДМ смогла пробиться сквозь толпу и протянула чемпиону букет скромных гвоздик. Этот момент был заснят одним из фотографов, после чего по распоряжению Геббельса снимок облетел всю Германию.

Когда шум многотысячной толпы затих, то стали выступать партийные функционеры и представители городской власти. Несколько слов произнес и сам Макс. Его слова вновь потонули в овациях. Следующей проблемой было пробиться сквозь толпу, которая наваливалась на боксера со всех сторон. Несмотря на то что ему приходилось сдерживать натиск, чтобы обезопасить свою супругу и маму, Макс Шмелинг все же умудрился пожать руку нескольким сотням людей. После этого ему все-таки удалось сесть в специально предоставленный кабриолет — автомобиль уже был доверху завален цветами. Когда он ехал по городу, то казалось, что весь Франкфурт вышел на улицы. Со стороны это напоминало триумфальное шествие римского императора. Машина остановилась лишь у ратуши, чтобы Макс смог присутствовать на церемонии внесения его имени в «Золотую книгу города Франкфурта». После этого Макс пришлось вновь вернуться в аэропорт — там его ждал специальный самолет, которым он должен был долететь до Берлина, где должно было продолжиться триумфальное шествие. Во время этого полета Макс беседовал с двумя ведущими спортивными журналистами Третьего рейха: Гербертом Обшернингкатом («Миттаг» — «Полдень») и Хайнцем Зиской («Ангриф» — «Атака»). Во ходе этого разговора он заявил, что когда он был в Америке, у него были изрядные проблемы в общении с местными журналистами: «Они пытались изобразить меня как некоего преступника, подавали публике как презренную фигуру». Уже позже один из мюн-

хенских журналов опубликует карикатуру, на которой были изображены три толстых журналиста с большими носами, удивленно взирающие на ринг с поверженным негром. Подпись под карикатурой гласила: «Шмелинг направил в нокаут еврейскую прессу, разжигавшую ненависть».

Когда Макс Шмелинг подлетал к Берлину, то к аэродрому Темпельхоф были пущены дополнительные трамваи, так как имевшиеся в распоряжении не были способны перевезти всех желающих увидеть боксера-чемпиона. Многотысячная толпа собралась уже в 14 часов и не расходилась, несмотря на то что Шмелинг прилетел в Берлин только в 9 часов вечера. Когда Макс стал спускаться по трапу, то на взлетно-посадочную полосу сквозь оцепление прорвалось несколько сотен людей. Но на этот раз Шмелинг находился в плотном кольце «почетной гвардии», которая состояла из 200 лучших немецких боксеров. Его также сопровождали статс-секретарь Вальтер Функ, представители Имперского руководителя спорта, имперской канцелярии. Компания «Люфтвагза» специально выделила для этого события «передвижную электростанцию», от которой питались несколько десятков прожекторов. Именно благодаря им зрители могли наблюдать в вечерней темноте за встречей Шмелинга. Макс и Ондре был вручен большой торт, а также бесплатные билеты на предстоящие Олимпийские игры. Когда они прибыли домой, то обнаружили, что здание было превращено в своеобразную триумфальную арку, украшенную цветами и знаменами.

Однако внутри дома их ожидал новый сюрприз. Лестницы до самого верха были завалены букетами и поздравительными письмами. На следующий день Макс распорядился купить несколько новых бельевых корзин — но даже их не

хватило, чтобы собрать все присланные письма. Отдохнуть Макс так и не дали. Вечером Шмелинг был приглашен на ужин к Геббельсу. Тогда же министр пропаганды сообщил, что боксеру в сопровождении матери и супруги предстояло встретиться с Гитлером. На следующий день они в назначенное время прибыли в имперскую канцелярию. Гитлер был предельно вежлив: он поблагодарил Макса от лица всего немецкого народа и попросил рассказать о некоторых деталях боя. Гитлер очень сожалел, что не мог видеть победы Шмелинга. Макс поспешил обрадовать фюрера, сообщив, что в его вещах, которые проходили через таможенную, была копия кинозаписи схватки. Гитлер распорядился немедленно доставить киноплёнку в имперскую канцелярию. Приказ был оперативно выполнен. На просмотре кроме Гитлера и Шмелинга также присутствовал министр пропаганды. Когда на экране Макс в очередной раз наносил мощный удар Луису, Гитлер радостно хлопал себе по коленям: «Геббельс, слышите, это надо показывать всей стране. И полнометражным фильмом, а не отрывками в киножурналах». Несколько позже Геббельс записал в своем дневнике: «Драматично и пленительно. Последний раунд был просто невероятным. Он по всем правилам направил негра в нокаут».

Макс находился на вершине своей спортивной славы. Но сама судьба посылала ему предостережения. Во время разгара торжеств в загородный дом Шмелинга попала молния: Макс и Анни чудом смогли спастись от пожара. Пройдет буквально пара лет, и от былой славы Макса Шмелинга не останется и следа. Его больше не будут чествовать в имперской канцелярии, а немецкая пресса стыдливо попытается забыть его имя. Но это отнюдь не сломает мужественного спортсмена. Впрочем, это уже совершенно другая история.

Глава 9

НОВОЕ В ЦЕРЕМОНИАЛЕ

В Германии первых лет национал-социалистической диктатуры существовало движение, которое пропагандировало постановки и игры на открытых сценах, так называемых тинг-площадках. В 1936—1937 годах формально это движение было свернуто. Однако постановки, которые во многом носили церемониальный и даже ритуальный характер, оставили свой заметный след в олимпийском спорте. Именно спортивные мероприятия предлагали возможность для некоей синхронизации политических установок и устремлений крупных социальных сообществ. На множестве примеров можно показать, что производственные соревнования, спортивные смотры, шествия физкультурников обнаруживали в себе определенное родство с тинг-постановками. Это сходство нельзя ограничивать только событиями периода национал-социалистической диктатуры. Например, они проявлялись в массовых играх, которые в ГДР преподносились как «праздники рабочего спорта». Кроме этого еще в свое время Бертольд Брехт предполагал, что спортивные мероприятия должны были стать моделью для предполагаемой реформы театра. Впрочем, должна была происходить не театрализация спортивных мероприятий, но придание театральным постановкам спортивного контекста. В любом случае национал-социалисты проводили свои политические мероприятия на стадионах, а тинг-игры происходили на сценах под открытым небом, которые по своей форме и устройству весьма напоминали спортивные сооружения. Один из идеологов тинг-движения Райнер Шлессер пола-

гал, что в спортивных и гимнастических праздниках явно проявлялись элементы тинг-постановок. С другой стороны, самой известной тинг-постановкой, заслужившей множество похвал (а потому ее можно считать своего рода апогеем тинг-движения), стала «Фракенбургская игра в кости». Вдвойне показательно, что это действо являлось составной частью культурной программы, приуроченной к началу летних Олимпийских игр 1936 года.

Нельзя не отметить, что под общим влиянием тинг-движения представители олимпийского движения стали делать собственные постановки, которые были во многом схожи с политически ангажированными тингами. Так, например, в 1936 году одна из таких постановок была инициирована лично Карлом Димом, который являлся главным организатором Олимпийских игр в Берлине. Речь идет о спектакле «Олимпийская молодость», с которого пошла традиция театрализованных открытий Олимпиад. В нем принимало участие около 10 тысяч человек, в том числе полторы сотни профессиональных танцоров (мужчин и женщин). Хореографию этого действия ставило сразу несколько человек: Харальд Кройцберг, Мари Вигман и Доротея Гюнтер. Последняя могла считаться звездой мирового масштаба. Еще в середине 20-х годов Доротея Гюнтер совместно с композитором Карлом Орффом основала школу гимнастики, ритмики и художественного танца. По большому счету она никогда не была национал-социалисткой. То же самое можно сказать и про Мари Вигман, которая была в свое время активисткой и участницей пролетарских самодеятельных культурных коллективов. Действие «Олимпийской молодости» происходило под музыку Карла Орффа и Веренера Эгга.

Если говорить о самом действии, то его сценарий в окончательной версии выглядел следующим образом.

Картина первая. *Игры детей.* Раздается звон олимпийского колокола, который возвещает о созыве молодежи всего мира. Праздничный транспарант «Добро пожаловать!», натянутый между двумя башнями «марафонских ворот», как бы призывает зрителей на стадион. По лестнице «марафонских ворот» на стадион устремляются 25 000 девочек и 900 мальчиков в возрасте от 11 до 12 лет. Они бесконечной рекой вытекают на стадион, где внезапно выстраиваются в хороводы, которые на газоне образуют олимпийские кольца. После этого звучит Олимпийский гимн:

Борьба сил, борьба искусств,
Борьба за честь и Отечество,
За мир и радость. Праздник молодости!
Праздник народов! Праздник добродетелей!
Это — вечная Олимпия!

Картина вторая. *Девичья грация.* После того как дети скрылись в «марафонских воротах», несколько мощных прожекторов выхватывают из темноты 2300 девушек в возрасте от 14 до 18 лет. Они в танце спускаются на стадион по восточной лестнице и образуют кольцо. Оказавшись в центре этого большого кольца девушки вальсируют. Когда заканчивается вальс, начинается синхронное исполнение гимнастических упражнений с мячами, с обручами и с булавами. Вторая картина завершается общим танцем.

Картина третья. *Серьезные соревнования юношей.* После того как девушки отходят к кромке поля стадиона, тем самым как бы образуя своеобразное обрамление, по вос-

точной и западной лестницам на поле выбегают тысячи юношей. Они должны как бы символизировать апогей юношеской романтики. Несколько групп молодежи у импровизированных костров исполняют народные песни. В то же самое время на поле происходят юношеские игры. После того как закончились эти символические состязания, по лестнице «марафонских ворот» спускается тысяча людей, которые несут знамена государств, которые принимали участие в Олимпийских играх 1936 года. Они разделяются на два потока и устремляются по двум сторонам беговой дорожке мимо трибун и к противоположной стороне стадиона, где в итоге вновь сливаются. Сбор знамен происходит у олимпийского огня. В этот самый момент один юноша исполняет «Гимн олимпийского огня».

Вознесись, олимпийский огонь,
к небу, торжественно мерцая!
Возвышенный символ
Священного дыхания,
Чистоты, красоты,
Пламенного духа.
Ты подобен душе молодости,
Которая, вечно горя,
Вновь и вновь зажигает новых людей.
Вознесись на годы,
Пока вновь на празднике
Молодежь тебя не поднесет
К огненному алтарю

Картина четвертая. Героическая борьба и почитание павших. Эта сцена открытия Олимпийских игр была испол-

нена глубокого символического значения. Она была самой «серьезной» и сопровождалась словами:

У всех игр есть священный смысл:
Отечества высочайшее распоряжение.
При необходимости Отечество
Может отдать предельный приказ:
Пожертвовать собой!

Под эти слова с двух сторон к центру стадиона приближаются две костюмированные колонны, которые символизировали собой воинов. По мере приближения к центру поля из каждой колонны выходит по человеку — «полководцу-предводителю». Два человека сходятся в танце-поединке. Один, сраженный, падает. Второй исполняет торжествующий танец победителя, однако «от полученных ран» тоже падает на землю. Павшие герои уносятся с арены, после чего на поле появляются скорбящие женщины, которые «оплакивают» павших героев. Траурные танцы происходят не по центру, а по краям поля стадиона. Танец женщин показательно монотонный.

Когда завершится сцена скорби, звучит заключительный гимн. Он представляет собой смесь из «модернизированной» Девятой симфонии Бетховена и песни, положенной на стихи Шиллера. Все участники представления, открывающего Олимпийские игры 1936 года, выражают радость по этому поводу. Внезапно вспыхивают мощные прожектора, установленные по краям стадиона, лучи которых устремляются в небо. Лучи прожекторов постепенно сходятся над центром стадиона, образуя знаменитый «световой собор», — прием, который не раз применялся на партийных

съездах в Нюрнберге. По краю поля зажигаются мелкие светильники, которые подкрапивают светом развевающиеся знамена стран — участниц Олимпийских игр 1936 года. Хор торжественно исполняет кантату: «Это видят миллионы! Это поцелуй всего мира! Радость, дарованная прекрасными, божественными искрами!»

Сложно сказать, было ли случайным или нет, но церемония открытия летних Олимпийских игр 1936 года заканчивалась той же самой песней, что и церемония 1-й рабочей Олимпиады 1925 года. Несмотря на то что рабочие Олимпиады, которые курировались социал-демократической партией, и тинг-представления, участники которых даже до 1933 года не скрывали своих симпатий к национал-социалистам, были с политической точки зрения диаметрально противоположными явлениями, в их эстетике было много общего. В первую очередь можно было отметить стремление к так называемому модерновому эллинизму. Позже эти общие черты можно заметить во всех церемониях открытия Олимпиад: общее культурное представление, новое пространство для игры, ритмика, массовость и т.д. Именно национал-социалисты в 1936 году создали тот вообразимый образ, который продолжает тиражироваться до сих пор: «Когда приближалось окончание церемонии открытия и лучи прожекторов, подобно гигантскому куполу, накрыли собой стадион, сотни тысяч людей почувствовали себя причастными к ритму мощнейшей идеи. Эта идея способна объединить все человечество настоящими товарищескими узами. Медленно, почти осторожно массы направлялись к выходу стадиона, расходясь по домам. Как ни покажется странным, но даже городские улицы и движение по ним изменили свой облик. В них можно было заметить

мерцание нереальности, которая тонким, золотистым блеском преображала будничную жизнь и ее события».

Церемония открытия Олимпийских игр 1936 года, которая была неразрывно связана с постановкой спектакля «Олимпийская молодость», однозначно указывала на то, что олимпийские ритуалы не были мертвыми, они развивались, приобретая со временем все новые и новые черты. По большому счету развитие олимпийских ритуалов происходило с начала XX века до 1936 года, когда это развитие достигло своего апогея. Принято считать, что движущей силой в развитии олимпийских обрядов был сам барон Пьер де Кубертен, инициатор возрождения Олимпийских игр. Нельзя не отметить, что французский барон ориентировался не столько на уже сложившиеся ритуалы, сколько на некие новообразования. Хотя бы по этой причине можно говорить о том, что он находил «понимание» у властей национал-социалистической Германии. Пьер де Кубертен исходил не из социальной значимости спорта, а из его сакрального подтекста. Когда он хотел восстановить античные Олимпийские игры, то уделял большое внимание их прошлому религиозному и мистическому содержанию. Он открыто заявлял: «Для меня спорт является религией с присущей ей храмами, догмами, культами, но в первую очередь с религиозными чувствами». Однако физическое совершенство не являлось характерной для христианства «религиозным чувством». По этой причине де Кубертен с самого начала оформлял «олимпийскую идею» некими местными обрядами. Когда в 1908 году в Лондоне Олимпийские игры открылись англиканским богослужением, в 1912 году в Стокгольме — общей молитвой и чтением псалмов, де Кубертен не мог скрыть своего разочарования. Он даже не

пытался утаить своих противоречивых чувств. По этой причине он решил полностью изъять из олимпийских ритуалов христианское богослужение. В 1920 году в Антверпене и в 1924 году в Париже церемония открытия была полностью «секуляризированной». Одновременно с этим спортивные ритуалы стали дополняться «свободными культовыми элементами». Еще в 1894 году де Кубертен предложил в качестве девиза Олимпиад латинскую формулу «Быстрсс, выше, сильнее». По большому счету этот девиз занял промежуточное положение между лозунгами XIX века, пропедшего под знаком французской революции, хотя было бы правильнее говорить о французских революциях («Свобода, равенство, братство»), и лозунгами XX века, который был ознаменован появлением фашизма. В данном случае можно было бы обратить внимание на трехчастный лозунг итальянских фашистов: «Верить, повиноваться, бороться». Некие шаблонные элементы можно было бы обнаружить в ранних олимпийских ритуалах, что в первую очередь касалось открытия и закрытия Олимпиад, а также чествования (награждения) победителей игр.

Первые культовые элементы в олимпийских церемониях можно было заметить уже в 1912 году, когда Олимпиада проходила в Стокгольме. К ним можно отнести хоровое пение, запуск почтовых голубей, орудийный салют. Все эти элементы после Стокгольма стали едва ли не обязательными. Однако Пьер де Кубертен был явно недоволен, и недовольство было связано в первую очередь с тем, что в олимпийские ритуалы очень медленно проникали «новые формы». Например, Пьер де Кубертен писал: «Я вновь и вновь поражался тому пассивному сопротивлению, с которым мне приходилось сталкиваться на протяжении множества лет,

когда речь заходила об организации спортивных представлений под открытым небом, которые бы сопровождались пением хоров». Именно по этой причине хоровое пение так и не стало устойчивым символом открытия Олимпиад. Кроме этого замечания, сделанное де Кубертенем, указывает на то, насколько медленно и сложно развивались олимпийские ритуалы. В 1920 году в олимпийской церемонии появились новые элементы: олимпийское знамя с пятью переплетенными кольцами, которые символизировали пять частей света и дружбу народов (личная разработка де Кубертена), и олимпийская клятва. В 1924 году к ним добавилась церемония с флагами, которая была своего рода ритуалом, завершающим Олимпиаду. В 1928 году на свет появился ритуал зажигания олимпийского огня.

Необходимость единения спортсменов, публики и актеров, принимающих участие в церемонии открытия Олимпиады, стала очевидной для Карла Дима, когда он вместе с немецкими спортсменами в 1932 году выходил на стадион Лос-Анджелеса. Дим вспоминал: «В положенное время мы оказались в туннеле, который пролегал под зрительскими трибунами. Когда мы вышли из коридора, до нас доносилось звучание музыки. Уже тогда нас стало охватывать чувство неопишемого восторга. 105 тысяч людей, разделенных переходами трибун, были облачены в светлые одежды и являли собой единое целое. Пока мы шли, нас сопровождал гул одобрительных голосов... Но самым великолепным было исполнение олимпийского гимна. Им заливались две тысячи певцов, и он уносился прямо в небо. Даже беглый взгляд на коллектив, облаченный в белые одежды с золотыми тесьмами, и музыкантов с отливающими золотом большими инструментами производил чрезвычайно торжественное впе-

чатление. Словно возносимое звуками гимна медленно поднималось олимпийское знамя. На башне вспыхнул вечный огонь Олимпийских игр. Раздался артиллерийский салют, тысячи голубей устремились ввысь, знаменосцы стали в круг, чтобы принести олимпийскую клятву». Эти впечатления не были простым переживанием, они стали толчком для дальнейшего развития олимпийского ритуала, которое (повторимся) достигло своего апогея к лету 1936 года. Именно Карл Дим предложил такие важные элементы, как эстафета с факелом, от которого зажигался олимпийский огонь, и церемонию открытия Олимпиады, которая являлась театральной постановкой под открытым небом (то есть модифицированным тинг-представлением).

По инициативе Карла Дима в 1934 году Международный олимпийский комитет санкционировал эстафету с факелом, которая должна была проходить от Олимпии до места проведения игр. С этого момента эстафета с олимпийским факелом стала не только обязательным ритуалом, но и, в свою очередь, породила многочисленные церемонии. В первую очередь надо упомянуть представление с торжественным зажиганием олимпийского огня. Эта церемония проводилась в Олимпии двенадцатью «девами», одетыми в красные хитоны. Сам ритуал производился при помощи специальной линзы-зеркала в «священной роце». «Девушки идут размеренным шагом, подобающим жрицам Орфея. Они приближаются к площадке, где воспламеняют священный огонь на алтаре. Звучит музыка, произносятся речи, в торжественном ожидании томится масса людей. От появления огня, который ожидали двенадцать часов, их отделяет несколько секунд. Первый бегун зажигает факел олимпийского огня, после чего направляется в путь». Факел обычно передавали

либо на рыночных площадях, либо на специально подготовленных спортивных площадках. Карл Дим рекомендовал, чтобы в этих местах устанавливались специальные алтари, на которых бегуны зажигали местный «олимпийский огонь», который бы мог гореть в течение двух часов. Дим предполагал, что как раз в эти два часа в указанных местах проводились бы специальные олимпийские представления, сопровождающиеся пением и танцами. Но такие празднества проводились отнюдь не по всему пути следования эстафеты, но все-таки проводились. Можно отметить, что первая такая церемония состоялась перед десятками тысяч зрителей на афинском стадионе, затем в Софии, затем в Белграде. После этого она переместилась в Будапешт и Вену. Показательно, что в этих случаях празднество проводилось перед памятниками, воздвигнутыми в честь павших в Первой мировой войне. Итогом этой вереницы церемоний становилось воспламенение огня в огромной чаше на стадионе в городе, где, собственно, проводились Олимпийские игры (в 1936 году — в Берлине). Именно в этот момент продолжительный спектакль достигал своей кульминации. Церемония с факелом давала начало новым ритуалам. Если абстрагироваться от политических реалий, то можно согласиться с тем, что ритуал с факелом в 1936 году «был самым эффектным и самым впечатляющим символом всего церемониала». Эстафета с олимпийским факелом прожила до наших дней. Этому во многом содействовало то, что развитие технологий позволяло гореть огню очень длительное время.

Когда мы говорим о том, что в 1936 году олимпийские церемонии и ритуалы достигли своей высшей точки развития, то это отнюдь не является преувеличением. Уже после

окончания Второй мировой войны от части ритуалов и церемоний в силу их политической неоднозначности пришлось отказаться. Так, например, капуло в Лету олимпийское приветствие. Причиной отказа от него стало то обстоятельство, что оно слишком напоминало «фашистский салют». Олимпийцы вскидывали вверх правую руку, но не вперед, как в случае с Германией и Италией, а вбок. Именно с этим связаны многие сюжеты, когда идущие перед трибуной с Гитлером спортсмены вскидывали правую руку. Немцы, не слишком знакомые с «олимпийским салютом», бурными овациями и криками ликования встречали сборные австрийцев, болгар, итальянцев, французов. Уже после войны тем же самым спортсменам приходилось оправдываться, что они шли по стадиону Берлина не с «фашистским», а с «олимпийским салютом».

Если «олимпийское приветствие» после 1936 года навсегда покинуло международные игры, то представления образа «Олимпийской молодости» были лишь на время трансформированы. Сейчас открытие и закрытие Олимпиады являет собой не просто представление (в связи с чем нельзя не отметить Московскую Олимпиаду 1980 года), но настоящее шоу. Однако открытия Олимпийских игр послевоенного времени не отличались особой театральностью, так как это считалось «фашистским пережитком». Сам Карл Дим в ответ на многочисленные обвинения мог лишь парировать, что всего лишь пытался увязать между собой спортивные состязания и ритмику праздничных мероприятий. Если же говорить о сугубо культовых проявлениях олимпийских церемоний, то они прежде всего были характерны для 20—30-х годов. В настоящее время церемонии кажутся выхолощенными и лишенными любого сакрального содержания.

Хайнц Эгон Рёш в 1972 году в своих критических заметках «Это еще спорт?» отмечал: «Тот, кто хотя бы однажды пережил воспламенение олимпийского огня в “священной” роще Олимпии, которое проводилось девами-жрицами божественного олимпийского пламени, сразу же заметит, насколько фальшивым, натянутым и безвкусным является современный псевдорелигиозный культ, в котором применяются методы шоу. Огни, факелы, знамена, фанфары — все это должно заставить думать, что мы столкнулись с олимпийским культом. Но даже олимпийские кольца перестали быть символами, это лишь ярлыки, которые продаются как сувениры на память. Это не более чем пафосно оформленные фетиши». Не исключено, что коммерциализация спорта и сращивание олимпийских ритуалов с шоу-бизнесом привели к тому, что ритуалы, которые 70 лет вызывали почтение и трепет, сейчас кажутся некоторым людям «нелепыми» и «смехотворными».

Закат олимпийского ритуала, который можно было наблюдать в 60—70-е годы, не в последнюю очередь был связан с леваческими трактовками спортивных мероприятий. С точки зрения неомарксистов от социологии, олимпийские ритуалы являлись квазифашистским элементом, который якобы должен был использоваться для «угнетения рабочего класса». При этом представители неомарксизма, позволявшие себе подобного рода высказывания, почему-то никак не учитывали, что «социалистическая рабочая культура» отнюдь не была чужда этих ритуалов. Рабочие олимпиады, так же как обыкновенные Олимпийские игры, сопровождалось зажиганием огня, церемониями, принесением клятвы, шествием знамен (преобладающе красными). Отличия были не столь уж велики, участники рабочих олимпиад клялись на верность не

олимпийской идее, но рабочему социалистическому движению. Если принимать во внимание, что рабочие олимпиады проходили в 1925 и 1931 годах, то их с некоторыми натяжками можно считать предвестницами летних Олимпийских игр 1936 года. Если говорить о рабочей олимпиаде 1931 года, которая проходила в Вене, то она сопровождалась четырехчасовым шествием, которое принимали члены Социалистического интернационала (не путать с Коминтерном). Как вспоминал один из очевидцев: «Стадион был заполнен красными знаменами, маршевой музыкой и твердо ступающей молодежью... Сияющие здоровьем 35 тысяч дисциплинированных мужчин, женщин и юношей, собранных со всех частей Немецкой империи, производили весьма необычное впечатление». Открытие и закрытие рабочей олимпиады, которая проводилась под покровительством социал-демократической партии, сопровождалось исполнением песни «Когда вместе мы шагаем». Как ни покажется странным, но социал-демократические спортивные соревнования имели более ярко выраженный военизированный характер, нежели Олимпиада 1936 года, которую принято именовать «фашистской». Французский социалистический журнал «Народ» («Populaire») несколько не стеснялся того, что на его страницах спорт был связан с военной дисциплиной: «Представьте себе бесчисленную армию юношей и девушек: сильных, здоровых, закаленных спортом, загоревших на солнце. И все они маршируют правильными полковыми порядками. Они все мобилизуются вокруг красных знамен. И эти бесчисленные батальоны маршируют несколько часов кряду. Сколько их было, этих солдат социализма и мира? Говорят, что 150 тысяч! Господин Мажино и его преемники едва ли могли собрать столько на праздновании 14 июля».

Олимпийские церемонии и отдельные их культовые составляющие однозначно указывают на трансполитическую связь этих явлений со свойственными для общества нормами поведения. В итоге ритуалы оказались частью так называемого рекордного спорта («результативного спорта»), который надо в первую очередь воспринимать как часть структуры общества. Первые устремления к результативности сначала на производстве, а затем и в спорте можно было наблюдать уже в Англии XVIII века. На континенте нечто подобное стало проявляться на рубеже XVIII—XIX веков. Английский спорт и германская гимнастика формировались во времена «промышленной революции» и бесчисленных политических революций 1789—1848 годов. Если на производстве оплата производилась в соответствии с количеством и качеством труда, то некоторое время спустя подобные принципы стали применяться и к спорту. В итоге он (спорт) стал держаться на трех образцах, которые пришли в него именно из сферы промышленного производства. Во-первых, использовался принцип повышения результативности, которая измерялась в сантиметрах, граммах и секундах, что дало начало так называемым с-г-с видам спорта. Во-вторых, предпочтение стало отдаваться видам спорта, в которых результат зависел от больших скоростей. В данном случае можно упомянуть всевозможные гонки, регаты, заплывы, кроссы, лыжные забеги т.д. В-третьих, в спорте проявилось пристрастие к турнирным решениям, которые могли иметь точное количественное исчисление: количество ударов в боксе, забитые голы в футболе, заброшенные шайбы в хоккее. В итоге в начале XX века всецело стал преобладать именно «рекордный спорт», принципы которого стали переноситься на будни школы и молодежную жизнь.

Именно в этих условиях в 1896 году олимпийское движение попыталось придать спорту универсальные рамки, задать ему определенный ритм, сформировав целый комплекс соревнований и состязаний. Нельзя сказать, что подобные тенденции не вызвали сопротивления. В первую очередь это касалось немецких гимнастических союзов, которые еще в 80-х годов XIX века настаивали на создании «народной физкультуры», которая должна была стать частью «возвращения к природе». Новые спортивные организации, которые ориентировались в первую очередь на результативность, «старики» обвиняли в «материализме», «бездушной механизации», «рекордном сумасшествии». Несколько позже эти требования приобрели отчетливо выраженный политический характер, так как стали звучать обвинения в «эгоизме», «неэстетичных судорогах», «потворстве немецкому влиянию». Некоторое время подобная позиция вполне устраивала национал-социалистов, по крайней мере пока они не пришли к власти.

Критика «рекордного спорта» могла звучать и из диаметрально противоположного политического лагеря. Основанный в 1893 году социал-демократами «Рабочий гимнастический союз» принципиально отказывался от «результативного спорта». Стремление к рекордам в этой организации рассматривали не только как неэстетичное, но и как вредное для здоровья. Кроме этого «рекордный спорт» воспринимался как калька с капиталистической конкуренции, а потому он провозглашался подрывающим международную солидарность трудящихся. Аналогичные позиции занимали и представители советского спорта 20—30-х годов, который представлял собой смесь физкультуры, военных маневров, политической демонстрации и массовых игр.

Вообще отношение к спорту в целом или отдельным его церемониям нельзя оценивать взглядами, присущими одному или другому политическому лагерю. Как уже было указано выше, сходные мнения могли высказывать те, кто являлся политическими противниками, а идеологические союзники во взглядах на спорт могли существенно расходиться. В качестве примера можно привести отношение к боксу. Немецкие фёлькише, консерваторы и националисты считали его однозначно немнецким видом спорта, который подогревал у публики самые низменные инстинкты. Однако Гитлер, а затем и все национал-социалисты стали придерживаться совершенно иного мнения. Гитлер в «Моей борьбе» писал: «При этом ни в коем случае не следует отказываться от одного важного вида спорта, на который, к сожалению, и в нашей собственной среде иногда смотрят сверху вниз, — я говорю о боксе. В кругах так называемого образованного общества приходится слышать на этот счет совершенно невероятные глупости. Если молодой человек учится фехтовать и затем целые дни занимается фехтованием, это считается чем-то само собой разумеющимся и даже почетным. А вот если он учится боксу, то это кажется чем-то очень грубым. Спрашивается: почему? Мы не знаем никакого другого вида спорта, который в такой мере вырабатывал бы в человеке способность наступать, способность молниеносно принимать решения и который вообще в такой мере содействовал бы закалке организма. Если два молодых человека разрешают тот или другой конфликт при помощи кулаков, то это ни капельки не более грубо, чем если они разрешают его при помощи отшлифованных кусков железа».

С другой стороны, столь же противоречивое отношение к боксу мы могли бы наблюдать и в среде «рабоче-

го спорта». Например, заявлялось: «Двое противостоят друг другу на ринге. Их лица в крови, поломаны кости, и тысячи самодовольно следят за этим. Они гогочут, шумят, визжат, даже повторяют движения боксеров. Это исключительно демонстрация физической силы, которая оплачивается тысячами и даже сотнями тысяч человек. Ни одна серьезная вещь в этом мире не могла бы вызвать столь живого интереса, какой вызывают чемпионаты по боксу». В то же самое время Бертольд Брехт, известный своими левыми взглядами и попытками провести «спортивно-театральную» реформу, восхищался боксом. Он даже написал биографию боксера Самсона Кёрнера, в которой восхвалял «борьбу, рекорды и риск». В «нездоровом спорте» и в боксе, в частности, Брехт видел бушующие человеческие массы, которые он мечтал перенести с арены на подмостки театра. Брехт и Гитлер были политическими антагонистами, но это не мешало им восхищаться (каждому в собственных целях) «рекордным спортом», который стал своеобразным символом XX века.

Глава 10

БЕРЛИНСКИЕ СТАРТЫ

2 августа 1936 года в 10 часов 30 минут начались олимпийские состязания. Первым видом спорта была легкая атлетика. Вначале собравшимся в Берлине спортсменам предстояло посоревноваться на дистанции в 100 метров. Когда проходили предварительные квалификационные забеги, то темнокожий атлет из США Джесси Оуэнс еще не знал, что ему суждено стать одной из звезд Олимпиады.

Перед выходом на стадион тренер Лари Снайдер предупредил его: «Что бы ты ни услышал, даже если тебя будут оскорблять, не обращай внимания на это». Снайдер ошибся в прогнозах: собравшиеся на трибунах гигантские толпы людей проявляли к Оуэнсу добродушное любопытство, но никак не раздражение. Конечно, партийная пресса пестрела уничижительными статьями о «нигерах», но публика была буквально околдована Джесси, который умудрялся ставить невероятные рекорды. Даже немецкий наблюдатель не мог не отметить: «Оуэнс является очаровательнейшим созданием. Он утих и скромный и совершенно неиспорчен фактом, что является самым обсуждаемым атлетом Берлинских игр». Когда Джесси ожидал начала забега, то к нему подошел столь же высокий немецкий бегун Эрих Борхмайер. Оба они считались реальными претендентами на медали. Борхмайер напомнил американцу, как они уже встречались в 1932 году, во время бега на 100 метров в «Колизее» Лос-Анджелеса. Тогда Оуэнс стал победителем, и Борхмайер в знак уважения к нему попросил фотографию с автографом. Насколько немцу позволял его не слишком хороший английский, он произнес: «Я до сих пор храню эту фотографию. Когда-нибудь я буду хвастаться ею перед моими детьми». Победа была для темнокожего бегуна простой — он без проблем преодолел 100 метров за 10,3 секунд. Это был олимпийский рекорд и одновременно подтвержденный рекорд мира! Джесси Оуэнсу не хватило совсем немного, чтобы превзойти рекорд Эдди Толана, который в 1932 году также показал время 10,3 секунды.

По итогам первых квалификационных забегов из 56 спортсменов были отобраны 24, которые должны были пройти еще один тур отбора. Когда раздался звук стартового писто-

лета, то Оуэнс некоторое время не мог оторваться от японского бегуна Йошики. Но, преодолев 30 метров, случилось форменное чудо. Американского атлета словно подхватила невидимая сила и настойчиво потянула его вперед. Казалось, что Джесси даже не прилагал никаких усилий. Оторвавшись от основных преследователей, он словно на крыльях преодолел 100 метров. Скорость бега была настолько большой, что потребовалось еще 65 метров, чтобы Оуэнс смог остановиться. Дело чудом не закончилось трагедией, так как бегун чуть было не влетел в траншею для киносъемок, только быстрая реакция не позволила ему получить травму. Публика на стадионе устроила овации.

Национал-социалистов не могло не волновать, что с самого начала тон Олимпиаде стал задавать темнокожий спортсмен. Если бы так продолжалось и дальше, то могли быть поставлены под сомнение теории о превосходстве «арийцев». Но сторонники расовых теорий зря волновались. Первый день Олимпиады принес Германии две золотые медали. «Золото» получили толкатель ядра Ганс Вёллке, установивший новый мировой рекорд — 16 метров 20 сантиметров, и метательница копья Отилия (Тилли) Фляйшер с результатом 45 метров 18 сантиметров. Кроме этого «арийское превосходство» можно было наблюдать в финале бега на 10 тысяч метров, когда весь комплект медалей достался финским спортсменам. Это были Ильмари Салминен, Арво Аскола и Изо Холло. Ганс фон Чаммер был настолько поражен результатами, что даже их подвел к «трибуне фюрера», дабы Гитлер мог поздравить финнов лично.

Пока атлеты из Финляндии получали поздравления от Гитлера, проходил финал прыжков в высоту. За первый день соревнований было отобрано девять претендентов, каждый из

которых смог преодолеть высоту 1 метр 94 сантиметра. Несомненными претендентами на победу считались еще два темнокожих американца: Корнелиус (Корни) Джонсон и Дэвид Олбрайттон. Незадолго до прибытия в Берлин оба они поставили неофициальный мировой рекорд, взяв высоту 2 метра 7 сантиметров. Шансы на успех были также у американца Делоса Турбера. Среди финалистов было два финна (Коткас и Калима), один немец (Вайнкёц) и три японца. Американцы считали самым серьезным конкурентом Коткаса, являвшегося чемпионом Европы по прыжкам в высоту. Этот огромный скандинав выглядел настолько массивным, что трудно было представить его вообще оторвавшимся от земли в прыжке. Но его сильные ноги могли творить настоящие чудеса. Разнилась и манера подготовки к решающему состязанию. Если одни спортсмены получали советы от тренеров, разминались, то Джонсон и Олбрайттон развалились на траве, как будто бы они находились на пикнике, а не на Олимпиаде. Со взятием высоты 1 метр 90 сантиметров ни у кого из финалистов не возникло проблем. По мере того как поднималась планка, из соревнования выбыли немец и японцы. Коткасу откровенно не повезло — несмотря на то что он взял высоту 2 метра, бронзовая медаль была все-таки присуждена Делосу Турберу, который сделал это с меньшим количеством попыток. «Золото» и «серебро» досталось Джонсону и Олбрайттону соответственно. Преодолевший высоту 2 метра 3 сантиметра Джонсон хотел побить мировой рекорд, который составлял на три сантиметра больше, но это ему не удалось. Во всяком случае, три медали, доставшиеся США только в одном состязании, были для американской сборной большим успехом.

После окончания соревнований Корни Джонсон хотел встретиться с Гитлером, но тут темнокожего атлета ожидало

разочарование. После того как фюрер поздравил финских и немецких спортсменов, он покинул стадион, не дождавшись окончания финала прыжков в высоту. Устроители игр заявили, что Гитлера ожидали неотложные дела, а потому он уехал заранее, чтобы не создавать транспортной неразберихи. Но иностранные наблюдатели и журналисты предполагали, что рейхсканцлер просто-напросто ретировался, чтобы избавить себя от обязанности поздравлять «негеров». Как бы то ни было, но на следующий день граф Байе-Латур поставил условие: либо Гитлер поздравлял всех атлетов-победителей, либо не поздравлял никого. С некоторыми оговорками фюрер согласился с этим требованием.

На второй день соревнований проходил финал в беге на 100 метров. Уже никто не сомневался в победе Д. Оуэнса, и тот показал хороший, но отнюдь не самый лучший свой результат. Он выиграл, преодолев дистанцию за 10,4 секунды. Несмотря на то что многие из собравшихся на стадионе желали победы немца Борхмайера, вручение золотой медали Оуэнсу было встречено бурными аплодисментами. Гитлер, памятуя об условиях, выдвинутых Байе-Латуром, решил не поздравлять темнокожего бегуна, то есть в итоге не поздравить никого из победивших атлетов. Впрочем, сам Джесси позже утверждал, что Гитлер и он помахали друг другу рукой. Это событие кажется маловероятным, но оно подтверждается Джоном Вудрофом — победителем в забеге на 800 метров: «Я припоминаю Джесси, который обменивался приветственными жестами с Гитлером, который сидел на своей трибуне». Если подобные дружелюбные жесты имелись, то Гитлер был неискренним. Свидетели вспоминали, что он был очень раздражен победами темнокожих спортсменов: «Он сильно нервничал, когда побеждал негр.

Я видел его откровенное раздражение. Больше всего он был разъярен победой Джесси Оуэнса». Предводитель гитлерюгенда Бальдур фон Ширах находился в это время рядом с Гитлером, а потому мог слышать его слова: «Американцам должно быть стыдно, что они позволяют неграм завоевывать олимпийские медали для их страны. Я никогда не пожму руку этому негру». Нечто аналогичное было описано и в мемуарах Альберта Шпеера: «Гитлер проявлял радость по поводу обстановки гармонии, царившей на Олимпийских играх, и мировое общественное мнение явно успокоилось. Он отдал указание создать у многочисленных зарубежных авторитетных гостей впечатление миролюбия Германии, очень возбужденно следил за спортивными битвами, и, в то время как каждый из неожиданно многочисленных успехов немецкой команды заставлял его цвести от счастья, он был крайне раздражен серией побед американского чудо-бегуна негра Джесси Оуэнса. “Люди, чьи предки обитали в джунглях, примитивны, у них более атлетическое сложение, чем у цивилизованных белых, — сказал он, пожав плечами. — Они неравные соперники, а поэтому нужно отстранять их от участия во всех будущих Олимпийских играх и спортивных соревнованиях”».

Но на людях Гитлер пытался выглядеть радушным хозяином, принимавшим Олимпиады. Не сохранилось ни одной фотографии, на которой было бы запечатлено раздражение Гитлера. Если бы Байс-Латур не предоставил фюреру выбор — либо поздравлять всех, либо не поздравлять никого, — то тогда бы его поведение могло восприниматься как вызов. Однако, чтобы придать принципиальному отказу от поздравлений видимость некоего логичного шага, имперская канцелярия своевременно сделала уведомление, что

если «фюрер не имеет возможности присутствовать на всех подряд заключительных состязаниях, то он не может поздравить лично медалистов всех наций». По этой причине поздравления у «трибуны фюрера» более не практиковались. Однако делалась оговорка, что Гитлер мог встретиться с немецкими спортсменами, если те побеждали в финале игр. Заявление было в высшей мере правдивым, и едва ли кто-то мог его истолковать двояко. Изменить позицию Гитлера не смог даже Ганс фон Чаммер, который попросил фюрера «в интересах немецкого спорта» сфотографироваться с Оуэнсом. Эту идею пытался поддержать и Имперский руководитель молодежи фон Ширах, которому Гитлер заметил: «Нет ни одного способа убедить меня фотографироваться рядом с этим негром».

Но в поведении Гитлера было меньше лицемерия, нежели у американских газетчиков, которые после побед Оуэнса стали трубить о спортивном превосходстве американских атлетов. До Олимпиады 1936 года они почти не упоминали имя Оуэнса, так как тот был цветным. Кроме этого сами темнокожие спортсмены не могли не отметить, что в Германии, которая была одержима «расовыми мифами», к ним относились не в пример лучше, нежели в США, где постоянно говорили о демократии. Да, Гитлер проявлял даже на публике показательную прохладцу в отношении Оуэнса, но зрители встречали бегуна аплодисментами и радостными криками, чего тот никогда не наблюдал в Америке. Это подтверждал Мэзуд, один из членов команды США по хоккею на траве. Он был индейцем, а потому не понаслышке знал, что такое американский расизм: «Мы были цветными, но в Германии, казалось, никто не обращал внимания на это. Мы были спортсменами, и этого было вполне достаточно».

Если Гитлер хотел использовать Олимпиаду для пропаганды национал-социализма, то антифашисты стремились воспользоваться случаем для разоблачения режима. Дороти Одам, 16-летняя британская прыгунья в высоту, вспоминала, что к ней в олимпийскую деревню было подброшено письмо, якобы написанное от лица заключенного концентрационного лагеря. В этом послании живописались ужасы, которые творились в лагерях, и заканчивалось оно просьбой передать информацию кому-нибудь в Англии. Девушка испугалась, что ее на границе поймут с этим письмом. За советом она обратилась к своей немецкой подруге. Та же рекомендовала избавиться от письма и больше не вспоминать о нем. Одам не была единственной получательницей таких писем. нечто подобное оказалось в руках Джанет Кемпбелл, аргентинской пловчихи. Некоторые из сведений передавались устным путем. Австралийка Дорис Картер припоминала, что девушки, работавшие в Олимпийской деревне, очень опасались за свою жизнь. Некоторые из них были на четверть еврейками, а потому они полупшепотом рассказывали истории о том, как евреи бесследно исчезали. Ставка антифашистов на распространение информации среди иностранок была верной. Женщины и девушки были более чувствительными, а потому принимали услышанные истории близко к сердцу. Многие из девушек замечали, что среди зрителей было большое количество «людей в штатском», которые отмечали персон, которые не пели государственный гимн и не вскидывали руку в «немецком салюте».

Если возвратиться к спортивным состязаниям, то необходимо сказать, что отнюдь не все из них проходили именно на «Олимпийском стадионе». Рже всего на нем бывали соревновавшиеся между собой пятиборцы. Среди них был и

американец Чарльз Леонард. Он прибыл в Берлин за неделю до начала Олимпиады, а потому смог близко познакомиться со многими своими соперниками. В дневнике он записал, что «самыми приятными парнями нашел бельгийцев, которые, ко всему прочему, вполне сносно говорили на английском». Шведы были «забавной компанией», считавшей, что медали у них были уже в кармане (команда Швеции почти всегда выигрывала золотые медали начиная с 1912 года). Швейцарцы, финны и французы предпочитали держаться особняком. Поскольку этот вид спорта изначально назывался «офицерским пятиборьем» (стрельба, фехтование, конкур, бег и плавание), то не было ничего удивительного в том, что многие из спортсменов в «обычной» жизни являлись военнослужащими. Леонард был лейтенантом армии США. Первый тур состязаний, конкур (скачки на 5 тысяч метров по пересеченной местности), проходил в воскресенье 2 августа. Так как почти все спортсмены прибыли в Германию без своих лошадей, то предоставленные им разыгрывались жеребьевкой. Доставшаяся Леонарду лошадь была легка в управлении, но слишком быстрая. Но конкур для него не стал большой проблемой. Имевшиеся препятствия были не слишком замысловатыми (заборы, небольшие водоемы), а потому преодоление пересеченной местности больше напоминало обыкновенные жокейские скачки. Леонард прошел дистанцию за 9 минут 47 секунд и занял пятнадцатое место. Можно было бы посчитать это неудачей, но в пятиборье можно было вырваться за счет других состязаний. Методика определения медалистов состояла в том, чтобы суммировать места, занятые в каждом из пяти соревнований, тот, кто набрал наименьшую сумму, становился обладателем золотой медали. Первыми в конкуре к финишу прибыли ита-

льянский лейтенант Сильвано Абба и лейтенант вермахта Готтхардт Хандрик. Леонард безошибочно определил их как главных своих конкурентов.

На следующий день предстояло фехтование. Бой продолжался до первого укола. Если такового не было в течение пяти минут, то присуждалась ничья. Сначала планировалось, что фехтование как часть пятиборья будет проходить под открытым небом, но начался дождь, а потому пришлось перебраться в купольный зал «Дома немецкого спорта». Применялся турнирный принцип, а потому каждый из спортсменов должен был провести отнюдь не один и не два боя. По их итогам первым стал американец Вебер, прекрасно владевший шпагой, а Хандрик занял второе место. Чарльз Леонард занял не самое безнадежное, но все-таки десятое место. Он намеревался вырваться во время следующих состязаний, а именно по скоростной стрельбе из пистолета. Леонард не просто любил стрелять, он стрелял с раннего детства, так как уже в возрасте 6 лет получил от своего отца в подарок винтовку 22-го калибра. Чтобы читателю было легче понять, о чем идет речь, отметим, что правила стрельбы из пистолета в пятиборье имели свои особенности. Здесь была важна не только точность, но и скорость. Надо было произвести четыре серии из пяти выстрелов по полутораметровой мишени-силуэту с расстояния 25 метров. В зависимости от попадания в зону мишени начислялись от 1 до 10 очков. То есть максимум в этом состязании можно было набрать 200 очков. Мишени поднимались всего лишь на несколько секунд, которые надо было использовать для ведения огня. Затем состязающимся давалось десять секунд на перезарядку пистолета, после чего вновь поднималась мишень.

Соревнования по стрельбе проводились 4 августа на территории 67-го пехотного полка вермахта в Рулебсене (район Берлина). На эти состязания Чарльз Леонард вышел одетый подобно моднику из произведений Френсиса Скотта Фицджеральда.

На нем была накрахмаленная сорочка, изящная жилетка для крикета, темные перстяные слаксы, высокие надраспанные до зеркального блеска ботинки и двубортная синяя спортивная куртка. Наряд завершал черный берет. Казалось, он собирался на вечеринку, а не на состязания по стрельбе. Сам же Леонард любил говаривать: «Стрельба из пистолета — это состязание для джентльменов. Они не должны лежать на циновках». Нельзя не отметить, что, будучи красивым мужчиной, американец сразу же обрел много поклонниц из числа болельщиц. Но здесь, на территории военной части, их не было, а потому наряд был всего лишь обязательным для Леонарда спортивным ритуалом. И эта традиция его не подвела — в соревнованиях по стрельбе из пистолета он занял первое место, выбив 192 очка. Это был прекрасный результат! После окончания состязаний Леонарда окружили немецкие офицеры, которые непременно хотели узнать секрет такой безупречной стрельбы. Некоторые из них интересовались, принимал ли американец наркотики или другие психотропные вещества. Леонард недовольно дал отрицательный ответ. Когда стали подводить итоги соревнований по «офицерскому пятиборью», то выяснилось, что золотая медаль досталась Хандрику, а серебряная — Леонарду. Специфичность этого олимпийского вида спорта заключалась в том, что Хандрик ни в одном из состязаний не занял первого места, но в итоге набрал самую маленькую сумму очков — 31,5. Леонард в скачках и фехтовании занимал 15-е и 10-е места, но за счет

прорыва в стрельбе смог набрать 39,5 очка, а потому по праву получил олимпийское «серебро».

Во всей истории с Чарльзом Леонардом весьма показательным кажется вопрос о препаратах, которые тот мог употреблять. Сейчас в спорте допинги категорически запрещены. Но в 1936 году они воспринимались как само собой разумеющееся явление. По большому счету даже на античных Олимпийских играх практиковались своеобразные препараты. Например, олимпийцы перед соревнованиями питались исключительно говядиной, полагая, что та десятикратно увеличит их силы. Развитие фармации и химии привело к тому, что они вторглись в мир спорта. Уже в XIX столетии некоторые атлеты, принимавшие участие в изнурительных состязаниях, принимали морфий. Первой жертвой химических препаратов стал уэльский велосипедист Артур Линдон, скончавшийся от передозировки. Но этот пример никого не остановил — в 1904 году на играх в Сент-Луисе некоторые из марафонцев использовали очень опасные вещества. Тогда победителем стал Томас Хикс, который употребил «микстуру», состоящую из мизерной доли стрихнина, бренди и сырых яиц. Как он не умер во время марафона, до сих пор остается загадкой. Сейчас сложно установить, применялись ли во время Берлинских игр допинги. Не было исключено, что в качестве препарата мог использоваться фенамин (один из видов амфетамина), который содержался в ингаляторах. В определенных условиях фенамин повышал выносливость, запасы которой требовались для продолжительных соревнований: марафона, пятиборья, десятиборья и т.д. Но если проблема допинга никогда не поднималась в 1936 году, то «вопрос о гермафродитах», несмотря на всю свою специфичность, был весьма насущным. Он дал о себе знать 4 авгу-

ста, когда должен был состояться финал в женском заплыве на 100 метров. Из шести пловчих судьи отказались считать женщинами троих, то есть половину финалисток!

Не менее странное впечатление производила на публику и американская бегунья Элен Стивенс, которую прозвали «Фултонской вспышкой». Эта высоченная и светловолосая девушка обладала очень низким голосом и угловатой фигурой, а потому многие невольно принимали ее за мужчину. Если особенности фигуры она приобрела во время детства, проведенного на ферме в Миссури, то низкий голос был результатом травмы гортани. Ей не всегда удавалось убедить судей и атлетов в том, что она не являлась мужчиной. Дороти Одам вспоминала об одном эпизоде в Олимпийской деревне: «Мы услышали голоса, намереваясь увидеть мужчину, но обнаружили только Элен Стивенс и Стелу Уолш. Элен определенно была мужчиной». В Берлине Стивенс выиграла две золотые медали, в том числе в беге на 100 метров. Несмотря на угловатость, у нее не было отбоя от поклонников, в числе которых были даже Гитлер. К счастью, история сохранила нам детали их встречи. Сразу же после того, как Элен Стивенс получила награду, к ней подошел один из организаторов игр. Он на ломаном английском сообщил, что «самую быструю в мире женщину хочет видеть фюрер». К великому сожалению чиновника, Элен должна была давать интервью прессе, а потому последующие полчаса он провел в смятении и нервозности. Когда общение с газетчиками закончилось, Хелен провели в небольшую комнату, которая располагалась за «трибуной фюрера». Здесь ей пришлось ждать несколько минут. Затем у входа в комнату встало около десяти эсэсовцев. Еще пара сопровождала Гитлера, зашедшего вовнутрь. Не зная, что сказать, Элен Стивенс попросила автограф.

Гитлер взял книгу и стал подписывать ее. В этот момент комнату осветила вспышка фотоаппарата. Гитлер буквально взбесился. «Немедленно уничтожьте пленку!» Он сильно толкнул фотографа, от чего тот уронил фотоаппарат. Гитлер, все еще пребывая в плохом расположении духа, сильно пнул технику ногой. Но вспышка ярости была очень недолгой. Фюрер взял себя в руки и начал общение с Элен. Переводчиком в данной ситуации выступал Рудольф Гесс. «Фройляйн очень похожа на немку. У вас синие глаза и светлые волосы. Вы очень сильная женщина. Канцлер интересуется, являетесь ли вы чистой арийской». «Нет», — ответила бегунья. «А что вам нравится больше, Фултон или Берлин?» «Господин Гитлер, Берлин прекрасен даже во время дождя». При этих словах Гитлер просто засиял, после этого он пригласил Элен в гости в Берхтесгаден. Американка была вынуждена ответить вежливым отказом. На следующий день Элен Стивенс обнаружила, что фотограф не уничтожил пленку, а фотокамера не пострадала от пинка фюрера, — окрестности стадиона были переполнены открытками, где она была запечатлена во время встречи с Гитлером.

Но Гитлер благоволил отнюдь не всем высоким белокурым спортсменкам, которых обожала публика. Его симпатии обошли стороной прославленную фехтовальщицу Хелену Майер. Она могла бы позировать для плакатов с изображениями идеальных «арийских» женщин, но являлась наполовину еврейкой. Еще в начале 30-х годов она покинула Германию. Когда Олимпиаду стали бойкотировать в США и Германии срочно потребовалось продемонстрировать миру «лояльное» отношение к евреям, то ее убедили вернуться, чтобы принять участие в Берлинских играх.

Хелена вышла в финал, по итогам которого сложилась редкая для Олимпиад ситуация. Распределение мест опре-

делялось по набранным очкам. При подсчете выяснилось, что золотую медаль получала Илона Элек-Шахерер, а «серебро» и «бронзу» должны были распределить между собой Хелена Майер и австрийка Эллен Прайз. На награждении публика подарила Майер столько цветов, что их не знали куда девать, — заполненными оказались все вазы и ведра. Находясь на пьедестале, Хелена Майер сделала то, о чем потом не раз сожалела. Когда зазвучал гимн Германии, она вскинула правую руку в «немецком приветствии». Позже еврейские организации не раз обвиняли ее в предательстве интересов еврейского народа. Проблема заключалась в том, что Хелена Майер никогда не считала себя еврейкой. Она полагала себя исключительно немецкой католичкой. Парадокс этих соревнований заключался в том, что аналогичным образом себя оценивали другие девушки, стоявшие на пьедестале, — во всех них была частичка еврейской крови, но все они предпочитали быть именно католичками.

Между тем на Олимпиаде продолжали происходить события, которые позже станут настоящими спортивными легендами. Часть из них касалась прыжков в длину. Современные мифы, к формированию которых приложил руку и сам Джесси Оуэнс, говорят о том, что тот смог завоевать свою очередную золотую медаль только благодаря исключительному благородству одного из германских спортсменов. Главным противником Оуэнса в прыжках в длину являлся Карл-Герман Луц Лонг. Это был по-своему выдающийся «арийский» тип — высокий, светловолосый, поджарый. Джесси Оуэнс вспоминал: «Он был выше меня на дюйм, а может, даже на два. Дог был тем редким случаем, когда вы обнаруживаете, что он почти идеален. За тысячи часов потогонных тренировок его тело стало совершенным, когда

в действие приводится каждый упругий, как пружина, мускул, сжатый, но готовый взорваться неистовой силой. Он был моим главным противником. Когда я его увидел, то с удивлением смотрел на него несколько секунд подряд». Что касается «главного противника», то описанием истории с прыжками в длину нередко приукрашивали ситуацию, например, в части того, что якобы Гитлер специально призвал Лонга, дабы тот посрамил «негера». И вообще едва ли у Оуэнса было время, чтобы глядеть на «идеального арийца».

Для начала атлетам надо было пройти квалификационные соревнования, на которых надо было прыгнуть с одной из трех попыток на длину более 7 метров 15 сантиметров. Для Оуэнса с его мировым рекордом 8 метров 13 сантиметров это не должно было представлять особой проблемы. Однако во время первого прыжка он совершил заступ, а потому результаты первой попытки не были засчитаны. Оставались еще две попытки. Позже Джесси Оуэнс утверждал, что его очень сильно отвлекал один американский репортер, который непременно хотел знать, что думал Оуэнс об отказе Гитлера поздравить его лично. Намекая на то, что фюрер не хотел видеть очередной победы «негера», журналист указывал на пустовавшую трибуну Гитлера. Эта история кажется выдуманной от первого до последнего слова, так как во время Олимпиады 1936 года журналистам не разрешалось общаться со спортсменами на стадионе, да еще во время соревнований. Кроме этого Оуэнс утверждал в своих воспоминаниях, что начал искать глазами Гитлера и, когда убедился, что трибуна пуста, чрезмерно взволновался. Подобные утверждения кажутся не соответствующими действительности. Едва ли спортсмен перед прыжком мог задумываться о каких-то политических проблемах. Во всяком

случае, сразу же после соревнований Оуэнс заявил известному спортивному обозревателю Грантланду, что «даже не собирался думать о Гитлере». Как бы то ни было, но Оуэнс совершил второй заступ, и его прыжок вновь не был зачтен. Именно в этой части истории и сформировался миф. Конечно, ситуация была напряженная — если бы у Оуэнса был третий заступ, то его бы сняли с соревнований. В данном случае Луц Лонг гарантированно стал бы олимпийским чемпионом. Но якобы германский спортсмен подошел к темнокожему американцу и дал ему ценный совет — увеличить длину разбега для прыжка. Якобы Луц Лонг даже положил полотенце там, где Оуэнс должен был совершить толчок, чтобы не совершить очередной заступ. В итоге Оуэнс не только смог пройти квалификационные соревнования, но и завоевать очередную золотую медаль.

Спора нет — история красивая, но почти полностью выдуманная. Ни один человек — ни спортсмены, ни репортеры — не видели, чтобы Луц Лонг и Оуэнс хотя бы двумя словами перекинулись за всю Олимпиаду. Никто не видел пресловутого полотенца. Опять же нельзя забывать, что накануне третьей попытки американские репортеры фиксировали буквально каждое движение Оуэнса, а потому было просто невероятно, что они упустили пусть и короткий, но все-таки разговор с «главным противником». Опять же газетчики и судьи должны были обратить внимание на то, что Луц Лонг устанавливает некое подобие дополнительной маркировки. Рис Грантланд изучал площадку для прыжков в мощный бинокль, но не заметил ничего необычного. Свет на версию с полотенцем мог бы пролить сам Луц Лонг, но он погиб в годы Второй мировой войны. По итогам состязаний золотая медаль досталась Джесси Оуэнсу (8 ме-

тров 6 сантиметров), серебряная — Луцу Лонгу (7 метров 87 сантиметров), бронзовая — японцу Ташиме (7 метров 7 сантиметра).

Не прошло суток, как Джесси Оуэнс завоевал еще одну золотую медаль — в беге на 200 метров. Во время этих соревнований американский писатель Томас Вульф находился вместе с семьей посла США в Германии Уильяма Додда на трибуне для почетных гостей. Он мог хорошо видеть, как Гитлер крутился из стороны в сторону и постоянно хмурился. Позже Вульф написал: «Оуэнс был черным как смола, но, черт возьми, это же была наша команда, и я находил его прекрасным». Уже из этой записи видно, что белым американцам, присутствовавшим на Олимпиаде, отнюдь не было чужд расизм. Но куда более откровенным был Йозеф Геббельс, который вечером того же дня записал в своем дневнике: «Мы, немцы, выиграли сегодня только одну золотую медаль. В то же самое время американцы завоевали три — причем двое из них были черномазыми. Это грандиозный скандал. Белому человечеству должно быть стыдно. Но разве это могут понять за океаном, в стране, где нет культуры. Энтузиазм фюрера по поводу первых наших золотых медалей полностью улетучился». Геббельс никогда не любил спорт как таковой, а потому же желал, чтобы Берлинские игры закончились как можно быстрее. Подразумевая количество завоеванных Германией медалей, он записал в дневнике: «Ах, если бы Олимпиада закончилась именно сегодня!» Но министр пропаганды прекрасно понимал, что Олимпиада была нужна национал-социалистическому режиму. После первого ее дня, когда германская сборная получила сразу же несколько золотых медалей, его настрой был несколько иным. В дневнике он писал: «Вот результат

пробуждения национальной гордости. Я очень рад. Мы вновь можем гордиться Германией». В любом случае Геббельс рассматривал летние игры исключительно как повод, который позволял презентовать миру «новую Германию». Если официальные устроители Олимпиады напрочь отрицали, что она использовалась для пропаганды национал-социализма, то «доктор-малютка» (как иногда за глаза звали Геббельса) придерживался диаметрально противоположной точки зрения.

Еще 30 июля 1936 года, то есть накануне открытия Олимпиады, Геббельс встретился с парой сотен иностранных журналистов в конференц-зале Берлинского зоопарка. Он не пытался запугивать представителей СМИ, наоборот, он был радушен и мягок. На людях он напрочь отрицал, что Германия использовала Берлинские игры для каких-то политических целей. Он публично заявил: «Я могу вас заверить, что дела обстоят совершенно не так. Если бы кто-то пытался использовать игры для пропаганды, то я бы первым узнал об этом. Конечно же Германия хочет показать гостям свои лучшие стороны. Но это жест вежливости, который не имеет никакого отношения к политической пропаганде. Мы хотим вам показать настоящую Германию, а не “потемкинские деревни”». Но ни один из иностранных журналистов не попросил, чтобы ему показали концентрационные лагеря. Хотя лагерь Ораниенбург располагался всего лишь в паре десятков километров от столицы рейха. После этой встречи Геббельс записал в дневнике: «Не надо иметь больше талантов, чтобы формировать мировое мнение. Думаю, они что-то могут решать. Я произношу речь. Короткую, бесстрашную, предельно ясную. Удивлен, что мне аплодировало множество людей». Но Геббельс заблуждался —

иностранные журналисты очень скептически относились к национал-социалистическому режиму и едва ли одна речь, произнесенная министром пропаганды, могла что-то изменить. Один из обозревателей «Нью-Йорк таймс» позже отметил: «Немногие согласились с тем, что было сдержано первоначальное обещание и нас не будут потчевать пропагандой».

Политические проблемы могли подниматься не только журналистами, но и спортсменами. Не всегда они это делали гласно. В качестве примера подобного рода безмолвной деятельности можно привести бегуна Сон Ки-Тей (Сон Ки-Чун или Сон Ки Чжун — в некоторых прочтениях). Несмотря на то что он был корейцем, но выступал за сборную Японии, которая оккупировала его страну. Для Сон Ки-Тей бег был одним из способов своеобразной борьбы против японской оккупации. Как-то он сказал: «Японцы могли помешать нашим музыкантам играть наши песни, они могли заткнуть голос нашим певцам, они могли заставить замолчать наших ораторов. Но они не могли помешать мне бегать». Сон Ки-Чун большую часть своей жизни провел в беге. В детстве ему постоянно приходилось бегать за хлебом до пекарни, находившейся в нескольких километрах от его дома. Затем ему приходилось бегать на работу на небольшое предприятие, занимавшееся сельским хозяйством и лесозаготовками. Его друзья направлялись на ту же самую работу на велосипедах, но им не всегда удавалось обогнать Сон Ки-Чуна. Даже во время работы он постоянно бежал по крутым горным склонам вверх и вниз, что дало молодому корейцу невероятную выносливость. Его спортивные способности были настолько выдающимися, что его скоро заметили и направили учиться в Сеул, в одну из частных школ, где как раз

готовили бегунов. В апреле 1935 года спортивный мир потрясло сенсационное известие: ранее никому не известный азиатский атлет смог преодолеть марафонскую дистанцию за 2 часа 26 минут. Это был новый мировой рекорд! Именно после этого японцы настояли на том, чтобы Сон Ки-Чун выступал под новым именем. Ему была «предложена» его японизированная форма Сон Ки-Тей. Однако, уже оказавшись в Берлине, бегун категорически отказывался давать автографы, ставя имя Сон Ки-Тей. Он даже пытался настаивать, чтобы к нему обращались по родному корейскому имени. Забег на марафонскую дистанцию состоялся 9 августа. Как и прогнозировали многие, первым пришел Сон Ки-Чун. Он не смог побить свой собственный рекорд, но его результат все равно был лучшим в мире — 2 часа 29 минут. С отставанием в две минуты вторым финишировал англичанин Эрнст Харпер. Третьим пришел еще один «японец» Шороу Нан, который на самом деле был корейцем Нам Сун Йонгом.

На финише не обошлось без происшествий. Если Сон Ки-Чун появился на Олимпийском стадионе с хладнокровным лицом, то Эрнст Харпер еле-еле сдерживал гримасы боли. Он очень сильно натер ногу, и одна из спортивных туфель буквально хлюпала, наполненная кровью. Когда англичанин финишировал, то он упал на землю. К нему сразу же бросилось несколько человек. Но все они не знали английского, а потому не сразу смогли отнести его в раздевалку, где находились британские спортсмены. Самое парадоксальное заключалось в том, что Эрнст Харпер был шахтером, и когда к нему подошел корреспондент «Ассошиэйтед Пресс», то он первым делом у него попросил сигарету. Журналисту было очень непривычно видеть серебряного призера Олимпиады, одного из лучших европейских бегунов на длинные

дистанции с сигаретой в зубах. А тем временем в раздевалке Сон Ки-Чуна ожидал не самый приятный сюрприз. Это были устроившие овацию японские журналисты. Один из них, зарыдав, обнял бегуна: «Мы готовились к этой победе 24 года. И вот мы победили. Это величайший момент в истории Японии». Сон Ки-Чун понял, что лучше было промолчать. Он лишь только передал слова почтения Эрнсту Харперу: «Передайте ему, что он прекрасный человек». Но для Сон Ки-Чуну предстояло новое испытание — это было вручение золотой медали. Когда он стоял на пьедестале, то заиграл государственный гимн Японии. Спортсмен понуро опустил голову. Наверное, он был одним из самых несчастных победителей Олимпийских игр за всю историю их существования. Если верить мифам, то якобы на следующий день Сон Ки-Чун встречался с Гитлером. «Я хотел сказать фюреру, что я человек без родины. Но решил сдержаться. Не думаю, что он понял бы меня, так как вряд ли Гитлера интересовали подобные вещи».

Суббота 8 августа 1936 года должна была стать самым значимым днем в жизни Марти Глайкмана, еврейского спортсмена из сборной США. Он вместе с Сэмом Столлером, Фосм Драппером и Франком Викоффом должен был бежать эстафету 4 по 100 метров. Глайкман полагал, что у их команды были все шансы на успех: Столлер был силен на старте, Глайкман был быстр в беге по прямой, Драппер искусно входил в повороты, а Викофф как ветеран Олимпийских игр мог успешно выйти на финиш. Однако в девять часов утра всех четырех спринтеров к себе в комнату позвали тренеры: Лавсон Робертсон (университет штата Пенсильвания) и Декан Кромвель (университет штата Южная Каролина). В комнате уже находились Джесси Оуэнс, Макинтош Робинсон и

Ральф Меткалф. Двух бегунов ожидало неприятное известие. Тренер сборной США решил поменять Глайкмана и Столлера на Меткалфа и Оуэнса. Предполагалось, что немцы могли выставить на эстафеты более сильных спринтеров, нежели ранее. Глайкман был словно поражен молнией: «Тренер, нет никаких оснований полагать, что немцы могут хоть как-то соперничать с нами». Действительно, до этого момента самым успешным немецким спринтером был Бохмайер, которого могли обойти и Столлер, и Глайкман. Последний и слышать не хотел о замене: «Мы можем проиграть только при одном условии, если уроним палочку». Кроме этого он не мог понять, как можно было ставить на это соревнование Оуэнса и Меткалфа, которые не имели ни малейшего навыка в передаче эстафетной палочки, что было не менее важно, чем скорость бега. Но американские тренеры были непреклонны, даже несмотря на то, что сам Оуэнс не был уверен в своих силах. «Я уже выиграл три медали и изрядно устал, позвольте ребятам бежать. Дайте им шанс». Позже Глайкман утверждал, что эти просьбы не были искренними, а сам Оуэнс очень хотел завоевать четвертую золотую медаль. Кроме этого Глайкман считал, что их не допустили до соревнований, так как они были единственными евреями среди американских спринтеров. Даже строилась версия о заговоре, составленном Эйвери Брэндеджом, который не особо и скрывал свой антисемитизм. На первый взгляд в этой версии не было никакого смысла, но если учесть, что американцы с большой долей вероятности могли завоевать «золото», то присутствие сразу же двух евреев на пьедестале Берлинских игр могло поставить Брэндеджа в «весьма неудобное положение».

В финале эстафеты 4 по 100 метров сборная США заняла первое место. А это означало, что Оуэнс получал четвер-

тую золотую медаль. Однако эта победа не была безоблачной. По правилам эстафеты палочка должна передаваться в специально помеченном «коридоре», который имеет длину 20 метров. Многим судьям показалось, что Меткалф передал палочку Драпперу уже за пределами «коридора». После долгих совещаний было решено все-таки засчитать эту победу, допустив, что правила не были нарушены. Передача палочки является очень сложным приемом. Именно из-за подобных нарушений была дисквалифицирована сборная Голландии, что позволило бегунам Германии получить «бронзу». Именно передача палочки стала причиной воистину драматической ситуации, которая сложилась в женской эстафете.

За выступлением немецких бегуний наблюдали и Гитлер, и Геббельс. Немки имели все шансы завоевать «золото». Они значительно опережали преследовавших их американок. И именно тогда случилось невероятное. Когда Мария Доллингер передала палочку Ильзе Дёрффельдт, то у той был запас в 5 метров. Она уверенно побежала к финишу, но во время бега решила переложить палочку из одной руки в другую. Это было ошибкой. Палочка выпала из рук. Стадион буквально ахнул от удивления. Сама же Ильза Дёрффельдт настолько растерялась, что не смогла быстро подобрать упавшую палочку. Как вспоминали очевидцы, меминававших ее бегуний она выглядела как маленькая девочка, которая по ошибке выбежала на проезжую часть улицы и пыталась увернуться от машин. В итоге первое место заняла команда из США, второе — британки, а третье — спортсменки из Канады. Разочарованию зрителей не было предела. Но больше всего была расстроена Ильза Дёрффельдт — прямо на стадионе с ней случилась истерика. Не-

смотря на это поражение, высокие гости решили не досадовать. Гитлер решил лично успокоить спортсменов. Вечером того же дня Геббельс записал в дневнике: «Девушки обескуражены. Фюрер пытается их утешить. Ему это удалось. Он послал к их домику [в Олимпийской деревне] автомобиль, доверху наполненный цветами».

Не стоит полагать, что главным героем Олимпиады 1936 года был Джесси Оуэнс. Куда большее внимание публика уделяла 17-летней голландке Хендрике «Рие» Мاستенбрёк.

Ее по праву можно было назвать королевой плавательного бассейна. Девушка отличалась не только привлекательной внешностью, но и отличными спортивными результатами, в которых она самую чуточку уступала Оуэнсу. Мастенбрёк на Берлинских играх смогла завоевать три золотых и одну серебряную медаль. Нельзя сказать, что она была прирожденной пловчихой. Во многом она стала ею благодаря своей строгой воспитательнице — «мамаше Браун». Эта тренер заметила девочку еще в возрасте 11 лет. Когда мы упомянули «мамашу Браун» как воспитательницу, то это не было оговоркой. Она пыталась целостно сформировать девушку, а не только дать ей спортивные навыки. Воспитательный комплекс предусматривал занятия плаванием, аскетический образ жизни и специальный рацион питания, в котором присутствовали бобы и бекон. Сложно сказать, насколько этот подход был научным, но «дочь» «мамаши Браун» Мария на Олимпиаде 1928 года завоевала золотую и серебряную медали. Кроме того, на чемпионате Европы в 1934 году Рие Мастенбрёк завоевала свои первые три золотые медали — а ведь девушке было всего лишь 15 лет!

Первая сенсация случилась 10 августа 1936 года, когда состоялся финал среди девушек в заплыве на 100 метров

вольным стилем. Многим казалось, что три из них приплыли одновременно к финишу. Это были: Хендрика Мастенбрёк, аргентинка Джанет Кемпбелл, и немка Гизела Арендт. Девушек разделяли буквально десятые доли секунды. Гизела Арендт небезосновательно полагала, что могла прийти первой, но ей не посчастливилось — ее поставили на седьмую дорожку, а потому она не имела возможности хотя бы краем глаза следить за соперницами. Она могла видеть только зрительские трибуны. Придя к финишу третьей, она была очень разочарована. Гизела вспоминала: «Все поздравляли меня с бронзовой медалью, как с большим успехом, но я не была удовлетворена». Гизела Арендт вновь попыталась соревноваться с «Рис» Мастенбрёк во время эстафетного заплыва 4 по 100 метров. Но, несмотря на усилия талантливой немецкой пловчихи, голландская команда, несомненно, лидировала. Но именно во время этого заплыва чуть было не произошло несчастье: Мастенбрёк в легкие попала вода, она не останавливалась, пока не достигла финиша, и лишь после этого ее, теряющую сознание, стали откачивать.

Но отдыхать ей приходилось недолго. Предстоял финиш в заплыве на 400 метров. Здесь главным конкурентом голландской девочки была опытная датская спортсменка Рагнхильд Хвегнер. Во время квалификационных соревнований на этой дистанции датчанка показала результаты лучшие, нежели Мастенбрёк. А потому Хвегнер вела себя весьма заносчиво. Когда поклонники подарили ей большую коробку с шоколадными конфетами, то голландка думала, что Хвегнер поделится сладостями со всеми девушками. Но та предпочла употребить их в одиночку. Когда же Мастенбрёк получила золотую медаль, опередив Хвегнер почти на целую секунду, то она несколько наивно, почти по-детски

подумала: «Это лучше, чем конфеты». Однако не стоит считать, что «Рие» Мاستенбрёк была самой юной медалисткой Олимпиады 1936 года. Такая честь досталась Инге Соренсон из Дании. Ей исполнилось 12 лет буквально за три недели до начала игр в Берлине. Она была настоящим самородком. «Крошка Инга», как ее любовно назвала пресса, по большому счету никогда не училась профессионально плавать. У себя дома в Дании она всего лишь раз в неделю посещала бассейн, где плавала не больше часа. Когда она направилась на Олимпийские игры, то даже не рассчитывала занять какое-то место. Позже журналистам она заявит: «Я просто любила плавать». Когда она прошла в финал по плаванию брассом на 200 метров, то это само по себе стало сенсацией. Девочка вряд ли могла претендовать на «золото», но то, что она получила «бронзу», стало настоящим открытием.

Завершая рассказ об Олимпийских играх 1936 года, надо отметить, что Гитлер и Геббельс зря опасались, что немецкая сборная будет «скромно» выглядеть на фоне американцев. По итогам игр немцы со значительным отрывом оказались на первом месте. В копилке рейха были 33 золотые, 26 серебряных и 30 бронзовых медалей. У США было в полтора раза меньше медалистов (24 золотые медали, 20 серебряных медалей, 12 бронзовых медалей). Занявшая третье место сборная Венгрии со своими 16 медалями в общем зачете выглядела и вовсе скромно. Но в то же время Франция находилась на шестом месте, а сборная Великобритании и вовсе не смогла попасть в девятку сильнейших.

Церемония закрытия Олимпиады, состоявшаяся 16 августа 1936 года, была не в пример скромнее, нежели церемония открытия. А потому главным человеком на ней стал граф Байе-Латур. Именно ему вручил олимпийское знамя

мэр Лос-Анджелеса. Байс-Латур передал его комиссару Липперту, который представлял власти Берлина. Этот флаг должен был быть передан в 1940 году мэру японской столицы. Для чего даже прозвучал призыв: «Я жду молодежь мира в Токио». Но этот призыв так и остался призывом. Летние Олимпийские игры пройдут в Токио лишь в 1964 году, 28 лет спустя после того, как глава МОК пригласит спортсменов со всего света в Страну восходящего солнца.

Глава 11

«ОЛИМПИЯ» НАВСЕГДА

В массовом сознании существует устойчивый миф, который гласит: «Олимпия» Лени Рифеншталь была первой в истории человечества кинолентой, посвященной Олимпийским играм. На самом деле это не так. Первую безуспешную попытку предприняли в 1932 году американцы. Во время Олимпиады в Лос-Анджелесе фильм пытался снимать режиссер Дюпон. Невзирая на огромные затраты, на выходе получилось всего лишь несколько посредственных роликов на тему спорта. Далее Геббельс во время зимних Олимпийских игр в Гармиш-Партенкирхене решил сделать свой собственный пропагандистский фильм. Это задание он отдал Гансу Вайдеманну, сотруднику отдела кинематографии министерства пропаганды. Несмотря на то что в распоряжении Вайдеманна имелось множество лучших немецких операторов, фильм провалился. Ситуацию не спасли ни поддержка со стороны министерства пропаганды, ни фантастическое количество отснятого материала. Когда смонтированную ленту показали немецким участникам зимней

Олимпиады, ее банально освистали. В прокат ее было решено не пускать.

На самом деле в любом мифе есть доля правды. Упомянутый выше культурный миф правдив в том, что Лени Рифеншталь первая в истории человечества стала подобающим образом готовиться к съемкам столь впечатляющего зрелища, как летние Олимпийские игры. В своих мемуарах она так и не назвала точную дату, когда к ней поступило предложение снять фильм о предстоящей Олимпиаде. Можно предположить, что это была поздняя весна 1935 года, то есть несколько месяцев спустя после премьеры легендарного документального и пропагандистского фильма «Триумф воли», который Рифеншталь снимала в 1934 году. В то время режиссер часто бывала на стадионе, где тренировалась в прыжках в длину. Во время одной из таких тренировок к ней подошел уже немолодой человек. Это был Карл Дим. Он заявил: «В мои задачи входит подготовка Олимпийских игр в Берлине. Хотелось бы начать их большой эстафетой олимпийского огня через всю Европу — от старой Олимпии в Греции до новой — в Берлине. Это будет впечатляющее зрелище, и очень жаль, если оно не будет зафиксировано на киноплёнке. Вы — великий художник. Вы создали такой шедевр, как “Триумф воли”. Именно вы должны снимать Олимпиаду!»

В то время Лени Рифеншталь решила никогда более в своей жизни не снимать документальное кино, а потому ответила решительным отказом. Но Карл Дим не намеревался сдаваться. Он привлек на свою сторону графа Анри де Байе-Латура, который как нельзя кстати оказался с визитом в Берлине. После этого натиска Лени Рифеншталь стала сдавать свои позиции. Она попросила некоторое время на раздумье,

поскольку отображение такого грандиозного события, как Олимпиада, требовало неординарных решений. Размышляя над тем, как можно было бы решить эту задачу, Рифеншталь все более и более проникалась идеей о грандиозном «олимпийском фильме». Первым делом она обратилась к режиссеру Арнольду Франку, который в 1928 году пытался снять документальный фильм о зимних Олимпийских играх, проходивших в Санкт-Морице. Как и многие подобные начинания, эта попытка не имела успеха.

Несмотря на то что Франк наотрез отказался подключаться к проекту по созданию фильма о Берлинской Олимпиаде, он все-таки дал Лени Рифеншталь несколько советов. Он видел три возможности сделать эту киноленту. Во-первых, это мог быть полнометражный фильм, созданный исключительно с учетом эстетических и художественных канонов, которые должны были помочь проиллюстрировать впечатления, которые зрители получали от движений в том или ином виде спорта. Во-вторых, можно было сделать серию полнометражных документальных фильмов. В-третьих, специально смонтированный документальный фильм. Однако Арнольд Франк полагал, что ни один из этих вариантов не удалось бы воплотить в жизнь. При помощи секундомера он просчитал длительность самых ключевых соревнований, после чего пришел к выводу, что продолжительность фильма получалась в 10 раз (!) больше, чем у обычной киноленты.

Если Франк считал самым неприемлемым первый вариант, то Лени Рифеншталь сразу же наотрез отказалась от репортажного кино. Она хотела соединить документалистику и художественную эстетику. Как она сама вспоминала: «Интуитивно у меня в мозгу стали прорисовываться контуры будущего фильма. Вот греческие храмы и скульптуры, древ-

ние руины классической Олимпии медленно выплывают из тумана. Ахилл и Афродита, Медуза и Зевс, Аполлон и Парис, а потом появляется дискобол Мирона. Мне виделось, как он превращается в человека из плоти и крови».

Впрочем, не все поверили в идеи Рифеншталь. Например, на студии «УФА» ей предложили воплести в канву сюжета любовную историю, после чего переговоры закончились. После этого режиссер обратилась на студию «Тобис-фильм». Глава студии предложил Лени Рифеншталь выпустить двухсерийный фильм, в производство которого был готов вложить 1,5 миллиона рейхсмарок — по тем временам совершенно фантастическую сумму. Подобное сотрудничество привлекло внимание министра пропаганды Йозеф Геббельса. Тот всегда недолюбливал Рифеншталь, поскольку никак не мог ее контролировать. На этот раз Геббельс с холодным равнодушием отнесся к проекту. Он полагал, что фильм имело смысл снимать, если бы его можно было показать публике буквально сразу же после окончания Олимпиады. В данном случае Геббельс ценил не качество, а оперативность. Рифеншталь же надеялась снять киноленту, которая могла прожить десятилетия.

Однако просто желания было недостаточно. Лени никак не могла себе представить принцип монтажа фильма, так как даже если бы на каждое из 136 соревнований надо было потратить около 100 метров отснятой пленки, то в итоге получалось 13 километров материала — то есть шесть полнометражных кинолент. И это еще при условии того, что в ленте не были учтены: церемония открытия и закрытия Олимпиады, доставка олимпийского огня, жизнь в Олимпийской деревне и т.д. Выход из ситуации виделся только в том, чтобы решительно «отсеять зерна от плевел», то есть

взять самое существенное. Но для этого было необходимо снимать движения спортсмена с нескольких точек, что превращало киносъемки в истинный каторжный труд.

В это время в творчество Лени Рифеншталь вновь вмешалась политика. В канун Рождества 1935 года Гитлер пригласил режиссера на встречу в мюнхенской квартире. Как оказалось, Геббельс ничего не рассказал фюреру о планах Лени относительно создания фильма, посвященного Олимпийским играм 1936 года. Сама же Рифеншталь заявила, что это будет последний документальный фильм в ее творческой биографии. В ответ Гитлер пообещал, что министерство пропаганды не будет чинить никаких препятствий. Почти сразу же после этого Рифеншталь встречалась с Муссолини. Дуче хотел, чтобы она сняла фильм об осушении Понтинских болот, но та, сославшись на работу над олимпийской лентой, вежливо отказалась от подобного предложения.

В команде, которую собрала для съемок фильма Лени Рифеншталь, оказалось несколько высококлассных операторов. Однако даже им потребовалась тренировка. Уже в мае 1936 года они приступили к пробным съемкам различных спортивных соревнований, тем самым как бы оттачивая свое мастерство и «набивая руку». Иногда им приходилось работать даже без пленки в киноаппарате — они учились ловить быстрые движения спортсменов. Кроме этого проводились эксперименты с различными типами пленки — Рифеншталь хотела найти идеальный вариант, дававший наилучшее качество изображения. В итоге было решено: портретные съемки будут осуществляться при помощи пленки «Кодак». Архитектура более пластично ложилась на пленку типа «АГФА». А пейзажи с обилием зелени было решено снимать на пленку типа «Перуц».

Но, собственно, не это являлось главной проблемой. Третий рейх, как и любое тоталитарное государство, отличался своим бюрократизмом. Рифеншталь была неприятно поражена тем, что она должна была согласовать размещение всех кинокамер на олимпийских объектах. И за каждую камеру и ее расположение приходилось вести форменные битвы. Кроме этого для того, чтобы добиться хороших кадров со спортсменами, их надо было снимать на фоне неба, но для этого надо было выкопать прямо на стадионе специальные канавы и ямы. Чтобы получить разрешение, пришлось подключать Карла Дима и Международный олимпийский комитет. В итоге было одобрено обустройство шести объектов подобного типа. Одна яма находилась у сектора прыжков в длину, еще одна — у сектора прыжков в высоту. Другие были у стартовой и финишной площадок стометровки. Кроме этого в некоторых местах Олимпийского стадиона находились специальные башни и направляющие рельсы. При этом одновременно на стадионе должны были находиться не более шести операторов.

Собственно, начало съемок фильма стартовало с попытки отобразить европейскую эстафету, которая должна была донести огонь от Олимпии до Берлина. К великому разочарованию Лени Рифеншталь, античные руины в Олимпии были не настолько живописными, как она рассчитывала. Алтарь, на котором зажигался олимпийский огонь, был жутко примитивным. К тому же в кадр бесконечно попадали либо автомобили, либо мотоциклы. В итоге съемки начала эстафеты оказались форменным образом сорванными. Лишь на четвертом бегуне съемочной группе Лени Рифеншталь улыбнулась удача. Того, кого они приняли за классического грека, оказался русским. Его звали Анатолий — его родите-

ли после революции эмигрировали в Грецию. Поначалу он отказывался сниматься в фильме, но потом проникся проектом, более того — ему понравилось изображать из себя киноактера.

После возвращения из Греции съемочная группа Рифеншталь расположилась в полузаброшенном замке Рувальд, который находился в непосредственной близости от Олимпийского стадиона. В парке замка были сооружены макеты спортивных объектов. И именно на этих макетах Рифеншталь и ее операторы искали оптимальные точки для осуществления съемок. В итоге к 1 августа 1936 года, когда открывалась Олимпиада, Рифеншталь и ее коллектив были «во всеоружии». Для того, чтобы снять всю церемонию открытия Олимпиады, пришлось задействовать 30 дополнительных кинокамер. Всего же эти события снимало около 60 операторов.

Несмотря на то что Рифеншталь заранее проигрывала все сюжеты и пыталась предусмотреть все моменты, не обошлось без накладок. Так, например, служащие СС попытались снять два звукозаписывающих аппарата, которые на канатах висели перед трибуной для официальных гостей. На самом деле это было распоряжение Геббельса. Рифеншталь парировала, что она лично все согласовала с фюрером, а потому не даст снимать аппаратуру. Переглянувшись, эсэсовцы покинули трибуну, видимо, решив не ввязываться в конфликтную ситуацию. Но на этом проблемы не закончились. Вскоре появился Геббельс, который был полон решимости убрать всю аппаратуру с официальной трибуны. Конфликт рисковал развиваться, но именно в этот момент прибыл Геринг. Именно рядом с его местом находилась одна из кинокамер. Ни для кого не было секретом, что Геринг и Геббельс

недолюбливали друг друга. Увидев кричащего и злобного Геббельса, Геринг тут же встал на сторону Лени Рифеншталь, заявив, что камеры ему нисколько не мешают.

Как признавалась в своих воспоминаниях Лени Рифеншталь, она почти не видела Олимпийских игр, так как была полностью погружена в киносъемки. Пытаясь сказать новое слово в документальном кино, она постоянно экспериментировала. Сначала хотела пустить подвижную камеру параллельно с дорожкой на 100 метров. Это могло дать уникальные кадры, но подобные действия мог запретить судья по легкоатлетическим соревнованиям. Но эта задумка была осуществлена на канале для гребных видов спорта. Там удалось уложить рельсы, по которым скользила камера. Она была в состоянии запечатлеть последний рывок лодок на финишной прямой. Кроме этого Лени планировала задействовать съемки с воздуха. Над стадионом запускался небольшой воздушный шар с переносной кинокамерой. Когда шар опускался, то его подбирали жители Берлина, которые знали, что за эту находку полагалось приличное вознаграждение, о чем сообщалось во многих газетах. Небольшие мобильные камеры, в которых находилось всего лишь пять метров пленки, также прикреплялись на седла участников конного многоборья. В большинстве своем получились размытые и смазанные кадры, однако некоторые из них Рифеншталь нашла в высшей мере интересными и удачными. Аналогичного рода портативные камеры вешались на грудь бегунам-марафонцам. Однако съемки проводились только во время тренировок.

Подобное новаторство на Олимпийском стадионе могло приносить и неприятные сюрпризы. Например, после квалификационного забега на 100 метров Джесси Оуэнс чуть было не вылетел в яму, которая была вырыта для киноо-

ператора. Если бы не моментальная реакция чернокожего спортсмена, то дело могло бы закончиться трагедией. Сразу же после этого происшествия организаторы Олимпиады решили закрыть все «кино-канавы» и «кино-ямы». Лени Рифеншталь была в ужасе. Ей пришлось потратить почти целый день, чтобы добиться отмены этого решения. Чтобы избежать недоразумений, Рифеншталь почти каждый день меняла операторов местами. Одаренным она давала сложные задания, менее талантливым — второстепенные. Но на этом скандалы не закончились. Рифеншталь задумала снять драматическое финальное состязание метателей молота, для чего получила разрешение на прокладку дополнительного рельса, по которому должна была скользить кинокамера. В момент съемок к оператору подбежал немецкий судья и оттащил его от кинокамеры. Лени Рифеншталь, до глубины души возмущенная подобным поведением, накричала на судью, употребив ненормативную лексику. Тот решил не вдаваться в детали сложившейся ситуации, а просто-напросто пожаловался начальству. То донесло Геббельсу, а министр пропаганды, казалось, был рад выходке режиссера. Он запретил ей появляться на Олимпиаде, что означало срыв съемок фильма. Не подействовали ни уговоры, ни ссылки на авторитет фюрера. Геббельс был непреклонен. Рифеншталь села на ступени стадиона и заплакала. Только после этого министр пропаганды смягчил свою позицию. Рифеншталь могла продолжать съемки только в случае, если бы принесла свои извинения оскорбленному судье. Та не преминула воспользоваться представившимся шансом: «Сожалею о случившемся, я не хотела вас оскорблять — у меня сдали нервы». В ответ судья-немец холодно кивнул головой — извинения были приняты.

После закрытия Олимпиады работа съемочной группы Лени Рифеншталь не закончилась. Дело в том, что кадры, которые идут в фильме «Олимпия» первыми (оживающий дискобол, храмовые танцовщицы и т.д.), в действительности снимались в самую последнюю очередь. Для съемок была выбрана Куршская коса, располагавшаяся фактически на границе Германии и Литвы. Для работы был сооружен специальный лагерь. Опасаясь, что молодые спортсмены и «танцовщицы» во время простоя будут злоупотреблять «ночными рандеву», Лени Рифеншталь поручила своей правой руке, Вили Цилькс, следить за моральной обстановкой. Тот же явно перестарался с выполнением этого поручения. Девушки должны были ложиться спать строго точно с наступлением темноты. Если же он замечал какое-то движение в лагере, то делал предупредительные выстрелы холостыми патронами из револьвера, который неизменно лежал у него под подушкой. В итоге запуганные девушки были несказанно рады прибытию команды во главе с Лени Рифеншталь.

Если съемки сцен с «храмовыми танцовщицами» не представляли особых проблем, то с «оживающим дискоболом» пришлось повозиться. В качестве живого варианта скульптуры Мирона был выбран немецкий атлет Эрвин Хубер. Чтобы совпадение движений и положения тела было предельно точным, то фигуру дискобола нарисовали сначала на стекле. По этому трафарету выравнивали Хубера, затем стекло убрали и начали съемки. Тогда же родилась идея еще одной сцены; поскольку съемки церемонии зажжения олимпийского огня оказались фактически сорванными, то ее имитацию было решено сделать на Куршской косе. Было выстроено подобие дорического храма. Здесь же вновь к

съемкам был привлечен Анатолий, которого специально вызвали в Германию. Косо падающий свет на Балтийском побережье создал атмосферу таинственности, чего Лени Рифеншталь никак не могла добиться в южных странах.

После окончания съемок в распоряжении Лени Рифеншталь оказалось 400 километров киноплёнки с уникальными кадрами. Чтобы привести все это в порядок, требовалась титаническая работа. Проблемы начались с хранения этого материала, так как он не был отсортирован (во время съемок не пускали девушку с хлопупшкой «Сцена такая-то, дубль такой-то»). Некоторые сцены приходилось классифицировать не по хронологии съемок, а по эмоциям, которые были запечатлены на плёнке. В частности, это касалось публики. Рифеншталь ввела следующую классификацию: 1а — публика на солнце; 1б — публика в тени; 1в — публика аплодирует; 1г — публика разочарована и т.д. Кроме этого коробки с плёнками помечались специальным цветом, что позволяло сразу же определить степень их готовности. Оранжевым цветом помечался несмонтированный материал, зеленым — сокращения, синим — резервные копии, черным — брак, красным — готовый материал, желтым — звуковой материал. На организацию хранения ушел почти месяц, но в итоге Рифеншталь могла в течение минуты найти любой кадр, снятый на Олимпиаде.

Чтобы только просмотреть весь отснятый и отсортированный материал, группе Лени Рифеншталь потребовалось почти четыре месяца! Собственно, к монтажу режиссер приступила только в феврале 1937 года. Ей предстояло превратить 100 000 метров плёнки в 6000 метров итоговой киноленты — задача казалась просто невыполнимой! Но для начала Лени Рифеншталь рпшила определиться с архи-

тектоникой ленты: с чего фильм начнется, как закончится, где будут находиться кульминационные моменты. Чтобы работать в столь напряженном режиме, Рифеншталь пришлось отрешиться от всего мира. Некоторое время режиссер в прямом смысле слова жила в монтажной. В отдельных моментах Рифеншталь монтировала кадры, руководствуясь принципами эстетики и ритма. Однако соединить эстетику движений и документальную точность оказалось не самой простой задачей. В данной последовательности каждая новая сцена должна быть ярче и экспрессивнее предыдущей. Монтаж первой серии «Олимпиады», которая получила название «Праздник народов», был закончен в августе 1937 года. Отдохнув некоторое время в горах, Лени Рифеншталь вернулась в Берлин, где приступила к монтажу второй серии и озвучке первой. За этой работой ее застала чета Геббельсов, которая посетила студию. Рифеншталь показала готовые отрывки фильма, и министр пропаганды (вопреки ее печальным ожиданиям) пришел в дичайший восторг.

Планировалось, что премьера фильма состоится в середине марта 1938 года. По крайней мере так поначалу рассчитывали на студии «Тобис». Но в судьбу кинокартины опять вмешался доктор Геббельс. Министерство пропаганды перенесло премьеру фильма на неопределенное время. Причина этого была проста: весной 1938 года произошел «аншлюс» Австрии, а потому премьера рисковала оказаться в тени политических событий. Когда Рифеншталь поняла это, она направилась в Инсбрук, где ожидали фюрера. Встретиться ей с Гитлером удалось почти случайно, но даже во время этой короткой встречи было решено, что премьера состоится 20 апреля. Против этого протестовал адъютант фюрера Штауб, который пытался приводить какие-то ар-

гументы. Но Гитлер был непреклонен: «Геббельс это как-нибудь утрясет».

20 апреля 1938 года, в день рождения Гитлера, у главного кинозала Берлина «Дворец студии УФА» собралась огромная толпа. Здание было украшено гигантскими олимпийскими флагами. В зал на премьеру «Олимпии» можно было попасть только по специальным приглашениям. Здесь присутствовали министры, высшие функционеры и звезды кинематографа. К великому ужасу Рифеншталь, было решено показать сразу две серии кинофильма, которые длились почти четыре часа. Впрочем, прокатчики предусмотрели между сериями небольшой перерыв. Аплодисменты в зале стали звучать уже во время первых кадров. Затем они раздавались еще до конца первой серии. Когда закончилась серия «Праздник народов», зал взорвался овациями. Первым Рифеншталь поздравил Гитлер: «Вы создали шедевр, которым будет восхищаться весь мир».

Отдохнуть Рифеншталь толком так и не удалось, так как она должна была присутствовать на премьерах фильма в различных европейских столицах. Однако из турне в спешке пришлось вернуться. Рифеншталь нужно было присутствовать на заседании Имперской палаты культуры, которое проходило в здании Немецкого оперного театра. Предполагалось, что «Олимпия» должна была получить ежегодную Национальную премию за достижения в области кинематографа. Эти прогнозы оказались верными. Однако Рифеншталь пришлось увидеть обратную сторону медали. Ее никто не поздравил с успехом, ей даже не заняли место в театре. Причина столь сдержанного отношения крылась в том, что мероприятие устраивали ее «друзья» из Имперского министерства пропаганды. И совершенно иная обстановка ожидала Рифеншталь

в Париже. Несмотря на то что она наотрез отказалась убирать кадры с Гитлером, премьера все-таки состоялась. Фильм ожидал такой же большой успех, что и в Берлине, и в Вене. Лени Рифеншталь обнимали, поздравляли, заваливали вопросами. Восторги не обошли стороной даже французскую прессу, которая еще недавно весьма холодно отзывалась о предстоящей премьере: «Божества со стадионов дали миру новый Завет», «“Олимпиа”» — больше и лучше, чем просто фильм», «Этот фильм подлечит вечному хранению» ит.д. Однако настоящий триумф ожидал Рифеншталь на Венецианском кинофестивале. Там «Олимпия» получила «Золотого льва», успешно обойдя такие шедевры, как американскую «Белоснежку», английского «Пигмалиона» и французскую «Набережную туманов».

Глава 12

ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ ЭХО ОЛИМПИАДЫ

Зарубежная пресса по-разному реагировала на Олимпиаду 1936 года. В то время как в самой Германии подконтрольные Геббельсу средства массовой информации сообщали о том, что якобы за рубежом царит единодушное восхищение играми, в действительности общая ситуация была много сложнее. Конечно, были и положительные отзывы. Но были и весьма критичные замечания. Иностранные журналисты критиковали «нацистскую манию величия». Не имея возможности не отметить воодушевления немцев, они сравнивали его с обожествлением Гитлера. В любом случае эти едкие отзывы не могли быть услышаны большинством немцев. Национал-социалистический режим не стеснялся ис-

пользовать олимпийское движение для собственных внешнеполитических планов. В данном случае весьма активно использовались идеи, некогда неосторожно предложенные Карлом Димом. Произошло это во время поездок Ганса фон Чаммера по семи европейским столицам, в которых Имперского спортивного руководителя сопровождал Карл Дим. Целью этих визитов была агитация в пользу Берлинских игр. Во время посещения Афин Дим рассказал об идее, которую вынашивал очень давно. Он предложил Гансу фон Чаммеру провести раскопки античного стадиона в Олимпии — во время предыдущих археологических исследований до этого объекта, что называется, «не дошли руки». На самом деле это была не просто идея. Карл Дим уже давно составил детальный план, отдельные части которого были даже согласованы с профессором Каро, директором Немецкого археологического института, расположенного в Афинах. Гансу фон Чаммеру не пришлось объяснять, какой мощный пропагандистский потенциал содержался в этом проекте. 11 декабря 1935 года, то есть сразу же по возвращении в Берлин, фон Чаммер рассказал об этом плане Гитлеру. Имперский спортивный руководитель смог заинтересовать фюрера. По словам фон Чаммера, «завершение археологических раскопок вызвало бы восхищение у всех культурных народов, и обнаруженные находки навсегда могли бы восприниматься как заслуга Третьего рейха». Гитлеру потребовалось две недели, чтобы внести поправки в предложенный план. Если ранее Карл Дим мечтал о сугубо культурно-спортивном мероприятии, то Гитлер рассматривал археологические раскопки как маскировку к подготовке военной агрессии.

Как видим, интерес Карла Дима был вполне безобидный, но он все-таки решил заинтересовать национал-социа-

листический режим пропагандистским потенциалом своего проекта. В итоге между собой оказались перемешаны спорт и пропаганда, наука и политика. Гитлер же настолько воодушевился перспективами раскопок, что даже не стал озадачивать организационный комитет поиском финансирования. На эти цели было выделено 300 тысяч рейхсмарок со специального банковского счета, так называемого счета фюрера. Официальное уведомление о возможности начала раскопок было сделано 1 августа 1936 года. Именно в этот день Карл Дим передал членам Международного олимпийского комитета послание Гитлера. В нем сообщалось: «Чтобы увековечить память XI Олимпийских игр 1936 года, которые будут проходить в Берлине, я намерен возобновить начатые в 1875 году раскопки Олимпии с целью их завершения». Для Дима это была давнишняя мечта — он уже давно грезил тем, чтобы сооружения Олимпии были явлены всему свету. Но теперь эта мечта должна была претвориться в жизнь под строгим надзором Гитлера. Несколько лет подряд Карл Дим выезжал в Олимпию, чтобы убедиться в том, что исследования шли полным ходом. Заслуги Дима оценили не только национал-социалистические власти. 30 октября 1940 года он единодушным решением был назначен ординарным членом Археологического института Немецкого рейха.

Несмотря на то что Гитлер проявлял повышенный интерес к античным сооружениям, данные раскопки имели для него отнюдь не искусствоведческое, но политическое значение. Исследования античных сооружений Олимпии позволяли ему продемонстрировать мнимую приверженность принципам олимпийского движения, что, в свою очередь, могло использоваться для собственной пропаганды. Организационный комитет по проведению Олимпийских игр

1936 года предложил Карлу Диму обратиться к Пьеру де Кубертену как почетному председателю МОК с просьбой основать Олимпийский исследовательский центр, в рамках которого должно было бы осуществляться обобщение наработок французского барона, равно как и обобщение олимпийских идей. Когда об этой идее стало известно Гитлеру, то он в конце 1936 года направил в Женеву тайное послание, в котором предлагал создать на территории Германии поддерживаемый властями на государственном уровне Олимпийский институт. Эта уловка сработала — уже несколько дней спустя в рейхсканцелярию пришло письмо, в котором Пьер де Кубертен не только соглашался с этой идеей, но и просил Гитлера, дабы тот приложил максимум усилий к основанию указанного института. Для национал-социалистической пропаганды это был прекрасный информационный повод. Общественности дело было представлено так, будто бы Кубертен по собственной инициативе просил немецкие власти основать Олимпийский институт, хотя на самом деле инициатива исходила от имперского правительства. В своих воспоминаниях Карл Дим пытался представить третью версию. Он утверждал, что Кубертен давно выпрашивал этот план, но только в Германии эти идеи нашли полное понимание. Якобы Кубертен поделился своей задумкой с Гансом фон Чаммером, а тот лишь проинформировал об этом Гитлера.

Во время своего посещения Женевы Герман Эссер, являвшийся президентом Имперского объединения иностранного туризма, передал Кубертену приглашение посетить Берлин. В столице рейха планировалось обсудить детали и уладить формальности, касающиеся основания института. Встреча основателя олимпийского движения и фюрера немецкого

народа была почти идеальным предложением, чтобы национал-социалистическая пропаганда вновь заявила всему свету о «мирных намерениях Третьего рейха». Однако, сославшись на тяжелую болезнь, Пьер де Кубертен вежливо отказался от посещения Германии (состояние барона ухудшалось с каждым днем, и он скончался в сентябре 1937 года). Чтобы ускорить основание института, в начале 1937 года было принято решение направить в Женеву Карла Дима. Именно ему предстояло вести все переговоры. Выбор пал на Дима сразу же по нескольким причинам. Он не был членом национал-социалистической партии, а потому мог произвести впечатление непредвзятого человека. Кроме этого после окончания Берлинских игр Дима едва ли можно было как-то с пользой для властей использовать в министерстве внутренних дел, за которым он был закреплен. А также от Ганса фон Чаммера он получил задание заниматься общим управлением Имперской спортивной площадки в Берлине. Все это указывало на то, что именно Дим был идеальной кандидатурой для ведения переговоров по поводу основания в Германии Олимпийского института. Ну и опять же не надо было забывать, что Дим уже не одно десятилетие был дружен со многими представителями олимпийского движения и был лично знаком с Кубертенем. Их новая встреча состоялась 8 мая 1937 года. В тот день разговор коснулся в том числе самочувствия Кубертена. Тот не строил иллюзий и знал, что в ближайшее время должен был умереть. И тут Диму удалось невероятное — он смог убедить Кубертена, чтобы тот завещал все свои документы, архивы и письма Олимпийскому институту. Якобы это могло помочь воплотить в жизнь до сих пор нереализованные идеи основателя олимпийского движения. Более того, Кубертен

завещал национал-социалистической Германии, чтобы она являлась хранительницей олимпийской идеи, тем самым способствуя сохранению мира и взаимопонимания между народами.

Казалось бы, Карл Дим полностью справился со своей миссией и после ее выполнения мог вновь приступить к управлению гигантским спортивным комплексом Берлина. Однако участие Дима в пропагандистских играх на этом не закончилось. В августе 1937 года Карл Дим вновь оказался в Женеве. На этот раз он привез с собой послание от Имперского спортивного руководителя, в котором содержались гарантии имперского правительства, касавшиеся поддержки Олимпийского института. Также Ганс фон Чаммер в своем письме предлагал поставить во главе института Карла Дима. Кубертен полностью согласился с этими предложениями, что стало его последним принципиальным решением в жизни. Смерть Кубертена едва ли могла как-то повлиять на создание Олимпийского института, так как все детали были уже заранее согласованы. Осенью 1937 года все оставшиеся нерешенными вопросы касались исключительно имперского правительства Германии. 19 октября 1937 года министр внутренних дел Вильгельм Фрик не только подписал документы о выделении 50 тысяч рейхсмарок, но и сформировал круг задач, которыми должен был заниматься институт. Перечислим их: «1. Научное обобщение главных олимпийских принципов и обмен мыслями с носителями олимпийской идеи всего мира. 2. Учреждение олимпийского архива, который должен стать международным справочным бюро олимпийского движения и олимпийского искусства. 3. Выпуск ежеквартального журнала “Олимпийское обозрение”, который должен быть преемником выпускаемого Пьером

де Кубертенем “Олимпийского ревю”». Карл Дим должен был стать управляющим делами Олимпийского института, облеченным директорскими полномочиями. Нельзя не отметить, что после окончания Берлинских игр его заработная плата в очередной раз уменьшилась, а потому дополнительная работа была как нельзя кстати. Вильгельм Фрик, в свою очередь, отмечал, что «Дим, являясь лучшим экспертом по вопросам олимпийского движения, мог способствовать росту международного авторитета Германии».

Официально новое учреждение именовалось Международным олимпийским институтом (МОИ), а журнал «Олимпийское обозрение» считался вестником Международного олимпийского комитета. Но все это не помешало первый выпуск журнала открыть программной статьей Ганса фон Чаммера. В ней Имперский спортивный руководитель рассуждал о предназначении нового института: «Этим шагом Германия еще раз продемонстрировала мирные намерения Германии и немецкого народа, о чем не раз заявлял фюрер». На фоне откровенных рассуждений Вильгельма Фрика высказывания Чаммера выглядели как издевательство.

После того как 16 декабря 1937 года Имперское министерство финансов утвердило размеры финансирования института, Карл Дим направился в Лозанну, чтобы перевезти в Берлин первую часть архивов Кубертена. Для этого не потребовалось вести длинные переговоры, так как завещание Кубертена было для МОК обязательным к исполнению документом. В итоге официальное открытие Международного олимпийского института без каких-либо проблем произошло 9 февраля 1938 года. Теперь от МОК требовалось согласие на то, чтобы национал-социалистическая Германия являлась официальной преемницей всего духовного насле-

дия Кубертена. Речь шла не о документах, а об общей совокупности идей, положенных в основу олимпийского движения. Выполнение этого задания в очередной раз было поручено Карлу Диму, которого в марте 1938 года послали на заседание МОК, проходившее в Каире. На этот раз успех не во всем сопутствовал ему. Поначалу тон на заседании задавала прогерманская группировка, в которую входили граф Байе-Латур, Зигфрид Эдстрём, Эйвери Брэндедж и т.д. Но в итоге удалось добиться только формального разрешения на издание «Олимпийского обозрения». Поскольку как раз во время заседания МОК произошел аншлюс Австрии, то Карлу Диму не удалось убедить абсолютно всех, что «Германия с ее миролюбивыми целями должна стать центром всего олимпийского движения». Но национал-социалистической прессе это обстоятельство не помешало подать информацию исключительно в выгодном для себя свете.

Международный олимпийский институт начал свою деятельность в апреле 1938 года. В то же время Карла Дима официально назначили директором этого учреждения. Несмотря на то что финансирование института происходило по линии имперского правительства, предпринимались многочисленные попытки изобразить его как совершенно независимую от национал-социалистов структуру. Если говорить о конкретной деятельности Дима на посту директора института, то она в основном сводилась к выпуску журнала «Олимпийское обозрение», большую часть статей в который он сам и писал. Эти материалы были посвящены истории спорта, спортивно-практическим темам, популяризации наследия Кубертена. До апреля 1943 года журнал выходил раз в квартал. Затем раз в полгода. Последний его выпуск увидел свет в октябре 1944 года. На тот момент здание Междуна-

родного олимпийского института очень сильно пострадало от воздушных налетов. В огне погибли многие рукописи Кубертена, документы и фотографии, относящиеся не только к Олимпиаде 1936 года, но и другим играм. В своей послевоенной книге «Жизнь, посвященная спорту» Карл Дим сообщал читателю, что, «продолжая олимпийскую деятельность даже в годы войны, я предпринимал множество зарубежных поездок». Эта информация не совсем соответствовала действительности. Да, Дим в годы Второй мировой войны много раз бывал за пределами Германии. Но ни в одной из этих поездок он не был в качестве директора Международного олимпийского института. Представляется весьма интересным, как и почему Карл Дим выезжал за рубеж.

В период между тем, как Карл Дим стал директором института и началась Вторая мировая война, очень сильно поменялся внешнеполитический статус Германии. Произошла также радикализация внутренней политики. Национал-социалистический режим взял курс на складывание «великогерманского рейха», что означало присоединение части европейских территорий. Аншлюс Австрии, присоединение Судетской области, аннексия остатков Чехословакии, которые в рамках рейха стали протекторатами Богемия и Моравия сопровождалась усиленным преследованием евреев. Казалось бы, Германия вновь оказалась в международной изоляции. В этой ситуации как гром среди ясного неба вновь было заявлено о возможности проведения Олимпийских игр на территории Германии. Спорт вновь предполагалось использовать для внешнеполитических целей.

Проблема заключалась в том, что 9 июня 1937 года Международный олимпийский комитет постановил провести зимние Олимпийские игры 1940 года в японском городе

Саппоро. Однако Япония оказалась втянутой в продолжительные и кровопролитные военные действия, которые она вела против Китая. Когда вооруженный конфликт принял форму войны, то олимпийские представители Японии отказались быть страной, принимающей игры. Сразу же после этого было решено, что зимняя Олимпиада будет проводиться в Санкт-Морице (Швейцария), который уже давно рассматривался в качестве «запасной площадки». Но тут начался конфликт, который ранее не имел аналогов в истории Олимпиад. На повестке дня оказался вопрос о «любителях» и «профессионалах». Здесь столкнулись интересы Международного олимпийского комитета и Международного лыжного союза. Многие лыжники, которые могли принять участие в Олимпиаде, работали либо преподавателями физкультуры, либо воспитателями в спортивных клубах, а потому их нельзя было рассматривать в качестве спортсменов-любителей. Швейцарские организаторы Олимпиады прекрасно понимали, что лыжный спорт был основой всех зимних игр, а потому предложили все-таки провести соревнования, но не выдавать по их итогам именно олимпийских медалей. Как оказалось, этот компромисс никого не устраивал. И меньше всего он устраивал Третий рейх, спортсмены которого могли претендовать на определенное количество медалей именно в лыжных видах спорта.

Как результат Германия пригрозила бойкотом зимних игр. Отсутствие сборной Германии, которая провозгласила себя «мировым центром всего олимпийского движения», фактически означало срыв всех игр. В этих условиях граф Байс-Латур направил 21 апреля 1939 года в Швейцарию письмо, в котором сообщал, что если в Санкт-Морице не будет проведено полноценных лыжных соревнований, то не

исключалась возможность переноса места проведения зимних игр. Из Швейцарии не слишком-то спешили с ответом. Он пришел только две недели спустя. В нем сообщалось, что Швейцария была готова отказаться от приема зимней Олимпиады. Граф Байс-Латур пресбывал в растерянности — он ожидал совершенно другого ответа. Чтобы хоть как-то исправить ситуацию, он обратился к Карлу фон Хальту с просьбой рассмотреть возможность проведения Олимпиады на территории Германии. Фон Хальт в срочнейшем порядке информировал об этом предложении имперскую канцелярию и Имперского руководителя спорта. Гитлер воспринял это как «подарок небес». С одной стороны, новая Олимпиада (пусть только зимняя) позволяла выйти из изоляции, так как британское правительство Чемберлена объявило об окончании «политики умиротворения». Шансы на успех были весьма велики, так как в Международном олимпийском комитете, как никогда, были сильны уже не скрывавшие своих симпатий к Германии Байс-Латур, Эдстрём и Брэндедж. Они даже были готовы отказаться от гуманистических принципов олимпийского движения в пользу складывания нового движения, контролируемого «олимпийской Германией».

Но даже в этой обстановке игры 1940 года могли быть проведены на определенных условиях. Гитлер никак не хотел, чтобы на них в качестве самостоятельной команды была представлена чешская сборная. Однако МОК настаивал на противном. Окончательное решение по «чешскому вопросу» (в его спортивном разрезе) намеревались вынести в июне 1939 года на заседании МОК, которое должно было проходить в Лондоне. До этого же казалось, что Гитлер не был готов пойти на компромисс. Как не покажется странным, но позицию фюрера смог изменить генерал Вальтер

фон Райхснау, который в тот момент был членом МОК. Именно он уговорил Гитлера хотя бы на время предоставить чешской команде внешнюю независимость. После этого немецкая делегация могла спокойно направляться на переговоры в Лондон.

Карл Дим уже давно вынашивал планы относительно того, чтобы перенести зимние Олимпийские игры из Санкт-Морица в Гармиш-Партенкирхен. Хотя бы по этой причине жесткие требования Байе-Латура, равно как и весь конфликт, в который оказался втянут МОК, можно рассматривать как цепи одной хорошо спланированной операции. На то, что немецкие спортивные функционеры вели очень хитрую дипломатическую игру, указывает несколько фактов. Когда они уже находились в Лондоне, то до них дошли сведения, что Гитлер отказался от своих слов. Поводом для этого послужило убийство немецкого полицейского. Если бы эти сведения были оглашены, то, вне всякого сомнения, члены МОК не стали бы избирать местом проведения зимней Олимпиады 1940 года Гармиш-Партенкирхен. Немцы решились прибегнуть к обманному маневру. Чтобы отвлечь внимание от Гармиш-Партенкирхена, они стали настаивать на переносе штаб-квартиры Международного олимпийского комитета из Лозанны в Берлин. Это предложение не было принято, но по вопросу о Гармиш-Партенкирхене фактически не было никаких обсуждений. Все это позволяет говорить о том, что к началу 1939 года Карл Дим было не просто спортивным функционером, не просто пропагандистом — он стал своеобразным дипломатом, который проводил линию, выгодную национал-социалистическому режиму.

Сразу же из Лондона Карл Дим направился в Париж, где хотел несколько дней посвятить научным исследованиям.

Однако все его мысли были заняты предстоящими зимними играми в Гармиш-Партенкирхене. Дим рассчитывал, что получит должность генерального секретаря организационного комитета по подготовке игр. 14 июня 1939 года его в срочном порядке из Парижа вызывают в Берлин. В столице рейха Дима уведомляют, что предстоит совещание у Гитлера, на котором будет рассматриваться вопрос о предстоящей Олимпиаде. Для обсуждения Диму пришлось направиться в Оберзальцберг. На совещании кроме него и Гитлера также присутствовали: Имперский спортивный руководитель Ганс фон Чаммер, представлявшие интересы Германии в МОК фон Хальт и фон Райхенау, Герман Эссер и уполномоченный по делам зарубежного спорта граф Вольф фон Шуленбург (не путать с послом в Москве графом Вернером фон Шуленбургом). Дим прибыл на эту встречу исполненный самых смелых ожиданий. В своем дневнике он записал: «Наверное, это самый важный день в моей жизни». Ход этого совещания известен в основных своих чертах, а потому можно приблизительно восстановить перечень обсуждавшихся вопросов. Гитлер в очередной раз решил временно предоставить чехам спортивную независимость. По крайней мере в Гармиш-Партенкирхене чешской команде было разрешено иметь свой собственный флаг, а при необходимости мог исполняться национальный гимн. На дополнительное строительство новых объектов было запланировано выделить 6 миллионов рейхсмарок (затем эта сумма увеличилась до 10 миллионов). Это было приблизительно в четыре раза больше, нежели потрачено на зимнюю Олимпиаду 1936 года. А это указывало, что игры 1940 года были очень важны для рейха. Кроме этого Гитлер выдвинул ряд новых идей, а именно: учреждение почетных медалей име-

ни Кубертена, а также организация «лыжного дня», в ходе которого проходили бы массовые заезды.

Казалось, мечты Карла Дима сбывались. Он был назначен генеральным секретарем организационного комитета, в то время как президентом Олимпийского комитета являлся Карл фон Хальт. Дим решил привнести в церемониал игр новые, им самим выдуманные элементы. По образцу с олимпийским огнем, доставлявшимся из Олимпии, он решил провести аналогичный ритуал, за тем лишь исключением, что огонь должен был доставляться в Гармиш-Партенкирхен из Шамони, где состоялась первая зимняя Олимпиада. Массовый заезд на лыжах должен был превратиться во что-то фантастическое. По сигналу в десяти различных направлениях и по разным трассам должны были одновременно стартовать 10 тысяч человек. Конечно, собрать такое количество одних спортсменов было затруднительно, а потому планировалось привлечь части вермахта. Но всем этим планам не было суждено сбыться. 1 сентября 1939 года Германия напала на Польшу — началась Вторая мировая война.

Вовлеченный в дипломатические игры Третьего рейха Карл Дим был вынужден поставить на карту свою многолетнюю репутацию. Когда в первых числах августа 1939 года в Гармиш-Партенкирхен прибыл граф Байс-Латур, желавший лично убедиться в том, как идет подготовка к Олимпиаде, то Дим продолжал свою миссию. Тогда уже ни для кого в Европе не было секретом, что отношения между Польшей и Германией были предельно натянутыми. Однако на вопрос графа о возможности начала войны Дим ответил: «Едва ли фюрер стал бы приглашать в страну зимнюю Олимпиаду, если бы планировал начать военные действия». Сейчас та-

кой аргумент кажется наивным. Но Дим был настолько искренним, что Байе-Латур все-таки поверил в «миролюбие» рейха. Три недели спустя бельгийский граф поймет, что стал жертвой пропагандистского обмана и что Карл Дим больше ценил преданность своей стране, нежели следование олимпийским принципам.

Несмотря на то что Германия начала войну против Польши, строительные работы в Гармиш-Партенкирхене продолжались еще не одну неделю. Судя по всему, Гитлер надеялся на скорейшее заключение мира с западными державами. После того как Польша пала под ударами германской армии, прибегнувшей к тактике «блицкрига», Гитлер немало поразил многих, когда 12 октября 1939 года выступил с предложением заключить мир. В первую очередь это предложение было адресовано западным странам, но оно было решительно отвергнуто. И только после этого строительство в Гармиш-Партенкирхене стало сворачиваться. К тому моменту на возведение новых спортивных объектов уже было потрачено более 4 миллионов рейхсмарок. Чтобы стройка не превратилась в разрушающийся долгострой, было принято решение пригнать в это баварское местечко 230 чешских рабочих. Их принудительный труд использовался для того, чтобы по возможности завершить некоторые из строений и законсервировать те, чье окончательное возведение не представлялось возможным. Если эти объекты не могли использоваться для Олимпиады, то это вовсе не значило, что они не имели никакого значения для национального спорта.

Окончательно Германия отказалась от проведения зимних Олимпийских игр только в конце осени 1939 года. Несмотря на то что уже в октябре 1939 года было ясно, что западные державы не будут заключать мира с рейхом, це-

лый месяц длилось ожидание официального уведомления об отказе. Это делалось отнюдь не в надежде, что Англия и Франция внезапно изменят свою позицию. Время тянулось для того, чтобы игры не могли провести в какой-нибудь из нейтральных стран (для этого, например, почти идеально подходила Швеция). Лишь 22 ноября Карл фон Хальт информировал графа Байс-Латура об официальном отказе Германии принимать у себя игры 1940 года. В конце ноября Международному олимпийскому комитету не оставалось ничего другого, кроме как вообще отменить предстоящую зимнюю Олимпиаду.

Глава 13

НЕ САМОЦЕЛЬ, А СРЕДСТВО

В 1938 году Гитлер предельно точно и весьма откровенно описал систему социализации молодежи, которая должна была иметься в Третьем рейхе: «Эту молодежь не учили, как жить по-немецки, как работать по-немецки. Но эти крохи попадут в нашу систему и первый раз вдохнут свободный воздух, а четыре года спустя перейдут из юнг-фолька в гитлерюгенд, и там мы их снова оставим на четыре года. После чего мы впервые дадим ей (молодежи) возможность вернуться не в руки своих классовых и сословных «родителей», а привлечем в партию, в “Рабочий фронт”, в штурмовые отряды, в СС... И когда они пробудут там два или полтора года, они еще не станут полностью национал-социалистами: они лишь шлифуются на рабочей должности, становясь символом немецкого будущего. После того как за два года их обработает вермахт, мы снова примем их в

СА или СС». Едва ли есть необходимость описывать, какое значение имела спортивная подготовка на каждой из ступеней. Остановимся лишь на двух крайних позициях — на физическом воспитании детей и той роли, какую играла физическая закалка в одном из самых элитных воинских формирований рейха — «Лейбштандарте Адольф Гитлер».

Если посмотреть на европейские реалии нового времени, то можно отметить, что при разработке воспитательных комплексов в Германии значительное время господствовал дуализм, определявшийся противопоставлением души и тела, или духа и тела. В итоге в XIX веке в немецких школах явно пренебрегали физическим воспитанием, отдавая приоритет формированию морали и интеллекту. Даже когда в 1842 году в прусских школах были введены обязательные уроки физкультуры, то они оставались нелюбимым занятием, а сами учителя физкультуры в профессорско-преподавательской среде были аутсайдерами. Национал-социалисты после прихода к власти в 1933 году полностью изменили приоритеты, буквально поставив с ног на голову существовавшую ранее систему воспитательных ценностей. Они сразу же заявили, что физкультура была важнейшим школьным предметом, а учителя физкультуры были возведены в ранг «воспитателей нации». Однако физкультура не была самоцелью. Из множества важнейших аспектов, связанных с физической подготовкой школьников, акцент в школах рейха все-таки делался на военной тематике. Это было идеологическим требованием режима, а потому военная подготовка стала центральным принципом школьных занятий спортом. Но это относилось к мальчикам, так как в случае с девочками ставка делалась на формирование будущих здоровых матерей.

Воспитательная подготовка в рамках национал-социалистической воспитательной программы, равно как и все национал-социалистические представления о воспитании и физическом воспитании базировались на цитатах из «Майн кампф» Гитлера. Несмотря на то что эта книга была написана еще в 1924 году, идеи, изложенные в ней, не раз повторялись Гитлером многие годы спустя. Пребывавший во власти социал-дарвинистских представлений Гитлер испытывал глубокое презрение к интеллектуальности, собственно, как и к учителям традиционной школьной системы. Фюрер решил непременно изменить существовавшие приоритеты воспитательного комплекса. На первом месте должно было находиться физическое воспитание, целью которого должны были стать выработка характера и «формирование совершенно здорового тела». У мальчиков это делалось, принимая во внимание их будущую службу в армии, у девочек — их предстоящее материнство. В одном из мест «Майн кампф» говорилось: «Дайте немецкой нации 6 миллионов безукоризненно натренированных спортсменов, добейтесь того, чтобы эти 6 миллионов были полны фанатической любви к родине и закалены в той мысли, что наступление является лучшей тактикой — и подлинно национальное государство сумеет в течение каких-нибудь двух лет создать из них, если нужно будет, настоящую армию, в особенности если мы будем иметь необходимые для этого кадры».

Однако Гитлер сознательно отказывался от того, чтобы физическое воспитание школьной молодежи напоминало «солдатские игры». Уроки физкультуры должны были являться неким преддверием службы в армии — они должны были готовить мальчиков физически и психически к будущей воинской службе. Главным на уровне школы было

складывание здорового тела и мужественного характера. Гитлер не слишком часто рассуждал на тему школьного образования и физического воспитания. Его высказывания в большинстве своем носили общий характер, но это не мешало развить их в настоящие концепции.

Уже 9 мая 1933 года министр внутренних дел Вильгельм Фрик в своем выступлении затронул проблему «нового воспитания». Он полагал, что школа должна была служить «сохранению целостности народа», а потом уроки физкультуры должны быть ориентированы на «воспитание боеготовности». Подобные заявления вели к тому, что учителя физкультуры должны были быть в первую очередь заинтересованы в военной подготовке школьников, что позволяло возвысить им свою сферу деятельности, а самим занять «подобающее» место в школьной иерархии. Большинство немецких физруков охотно поддерживали национал-социалистические лозунги. Например, в 1933 году специализированный журнал «Физические упражнения» сообщал: «Все наше физическое воспитание должно иметь военно-спортивный характер. Оно должно формировать сплоченные команды, безусловное послушание, пунктуальность, короче говоря, все то, что подобает солдатскому духу».

Уже на стадии «национальной революции», когда национал-социалистам предстояло не только «захватить», но и удержать государственную власть, для них важнейшую роль играло перевоспитание детей, молодежи и взрослых. Только так новая система могла гарантировать изменение существовавших в обществе принципов, ценностей и норм поведения. Однако преобразование воспитательной системы в соответствии с целевыми установками национал-социалистов, в которых делался акцент на «боеготовности»,

формировании тела и характера, было связано с целым рядом во многом неразрешимых конфликтов и противоречий. С одной стороны, национал-социалисты не могли предложить общественности систематизированную, упорядоченную воспитательную программу. С другой стороны, радикальная переоценка общественных ценностей вступала в противоречие с требованиями современного индустриального общества, в котором молодые люди готовились к жизни в рамках традиционных образовательных учреждений. Изменение структуры школьной системы, а также реализация национал-социалистических идей (воспитание в лагерях и «самоуправление» молодежи — «молодежь ведет молодежь») были дисфункциональными, если принимать во внимание, что социализация молодежи, как появление на свет новых поколений немецкого общества проводилась именно в школах. В итоге между школой и структурами внешкольного воспитания возникала непреодолимая конкуренция. Обе стороны, ориентируясь на поставленные режимом задачи, должны были заниматься физическим воспитанием и военно-спортивной подготовкой. По указанным причинам национал-социалисты решили не менять кардинальным образом школьную систему в части ее структуры. Должны были быть изменены цели и методы. Начиная с 1933 года берется курс на целенаправленную индоктринацию учебных предметов, что должно было обеспечить лояльность учащихся к национал-социалистическому режиму, а это, в свою очередь, гарантировало сохранение преемственности в системе диктатуры.

В национал-социалистической школьной политике можно выделить три этапа. Период «срочных мер» охватывал 1933—1937 годы, период «планомерного внутреннего и внешнего

преобразования» относился к 1937—1939 годам. В годы Второй мировой войны можно было наблюдать так называемые воспитательные импровизации. Если рассматривать каждую отдельную фазу на предмет физического и спортивного воспитания, то надо отметить, что отнюдь не национал-социалисты первыми предложили ориентировать спорт на военные цели. В Германии уже накануне Первой мировой войны была весьма популярна идея «содействия оборонной мощи посредством физического воспитания». И эта идея была отнюдь не уделом только нескольких политиков, ею были одержимы широкие слои немецкого общества. Эта идея не умерла в годы Веймарской республики. Поскольку в соответствии с условиями Версальского («трабительского») мирного договора в Германии были запрещены допризывная подготовка молодежи и всеобщая воинская повинность, то можно было наблюдать тенденцию к скрытой милитаризации. Она выразилась в складывании военно-спортивных организаций, которые с заведомым постоянством снабжали молодыми кадрами военизированные формирования, подконтрольные различным политическим силам. Даже в официально учрежденных спортивных организациях («Немецкий турнершафт», Немецкий имперский комитет физической культуры и т.д.) было распространено мнение, что спорт должен был стать заменой запрещенной воинской повинности. Хотя бы по этой причине в 1932 году, то есть буквально накануне прихода Гитлера к власти, многие видные деятели немецкого спорта вошли в состав Имперского попечительского совета молодежной закалки. Эта организация должна была объединить все существовавшие в стране военно-спортивные инициативы.

Пришедшие к власти национал-социалисты, которые заявляли о военно-спортивной подготовке как центральном и

важнейшем пункте всей воспитательной программы, связанной с изменением структуры системы народного образования, получили шанс самым радикальным образом осуществить ранее высказывавшиеся идеи. С начала 1933 года предпринималось несколько попыток получить контроль над сферой военно-спортивного воспитания. Генерал-полковник Бломберг сразу же после его назначения министром по делам рейхсвера потребовал провести «тотальную мобилизацию народных сил, которые надо было поставить на службу оборонной идее». Приблизительно в то же самое время генерал Райхенау направил во все школы и спортивные объединения «Директивы по допризывной подготовке». Но надо сразу же оговориться, что эти и многие другие проекты не предусматривали восстановления всеобщей воинской повинности, а потому их надо рассматривать исключительно как промежуточные программы. Развитие и укрепление национал-социалистической диктатуры привели к тому, что в 1936 году вся внешкольная работа по формированию «богготовности» немецкой молодежи оказалась сосредоточена в руках гитлерюгенда. Эта национал-социалистическая молодежная организация обладала множеством учреждений и объектов, в которых можно было заниматься спортом. Но в первую очередь ставка делалась на стрельбу и военно-спортивные игры.

Несмотря на все старания министра внутренних дел Вильгельма Фрика, в 1933 году предпринимались попытки объединить все программы военно-спортивной подготовки непосредственно в рамках имевшихся школ. Наиболее рьяные физруки и учителя физкультуры предлагали проекты, в которых школа как таковая превращалась в центр по военно-спортивной подготовке, стрельбе и маневрен-

ным играм. Эта тенденция ярче всего проявилась в Пруссии. Например, летом 1933 года обер-президент провинции Бранденбург и Берлин распорядился, чтобы все школьники старших классов непременно проходили специальные военно-спортивные курсы. Эта инициатива, со своей стороны, поддержана Прусским министерством по делам образования и религии. Находившийся во главе этого министерства Бернхардт Руст в августе 1933 года издал указ, в котором кроме обязательного урока физкультуры вводились занятия по преодолению преград, стрельбе из мелкокалиберной винтовки и т.д. Несколькими месяцами позже тот же самый министр отдал приказ, в котором говорилось: «Для внедрения унифицированной командной системы военно-спортивные занятия необходимо проводить на базе командирских школ СА». Уже в следующем письме Прусское министерство по делам образования и религии объявляло, что в школах было бы желательно «внедрение бокса» (ранее этот вид спорта был категорически запрещен на территории школ). Слово «желательно» указывало на то, что многие из школы могли столкнуться с материальными трудностями и кадровыми проблемами при организации занятий по боксу. В данном случае они могли воздержаться от выполнения данного «пожелания». Забегая вперед, надо отметить, что недостаток квалифицированных кадров, способных заниматься военно-спортивной подготовкой детей, был одной из существенных проблем, с которой пришлось столкнуться национал-социалистическому режиму. В итоге обер-президент провинции Бранденбург и Берлин пошел на заключение союза с рядом спортивных организаций. Одной из них был «Немецкий союз любительского бокса». Акцент на этом виде единоборств был сделан только потому, что

Гитлер весьма высоко оценил на страницах «Майн кампф» его потенциал в деле «закалки характера».

Пруссия не была единственной землей Германии, где делалась ставка на физическое воспитание школьников в военном духе. В 1933 году министр по делам образования Саксонии предписал, чтобы все школы создали полосы препятствий. В Баварии все без исключения учащиеся старших классов должны были принимать участие в специальных стрельбах.

В 1934 году все народное образование и школьная подготовка были подчинены специально созданному Имперскому министерству воспитания, во главе которого был поставлен Бернхард Руст. По поводу создания этого министерства отмечалось, что «впервые в немецкой истории будет осуществляться центральное руководство и управление всем воспитанием молодежи». Поскольку национал-социалисты отдавали приоритет именно физическому воспитанию, то в рамках министерства Руста была создана специальная структура — отдел V, который должен был курировать исключительно вопросы физического воспитания в немецких школах. Позже этот отдел был преобразован в управление К. Начальником управления К стал Карл Крюммель, эксперт по военной подготовке, который ранее работал преподавателем военно-спортивного училища в Вюнсдорфе, а также был начальником отдела военно-спортивной подготовки СА.

В 1934 году между министром воспитания Рустом и Имперским руководителем молодежи Бальдуром фон Ширахом было заключено специальное соглашение, которое позволяло гитлерюгенду вмешиваться в дела народного образования. Подобная тенденция как нельзя лучше отражала

суть «духа нового воспитания», что на практике означало отказ от традиционных ценностей. Согласно достигнутой договоренности, все школьники в возрасте от 10 лет, являвшиеся членами гитлерюгенда, каждую субботу предоставлялись в распоряжение этой национал-социалистической молодежной организации. Сам этот день получил название «Государственного дня молодежи». Поскольку в 1934 году членство в гитлерюгенде не было обязательным для всех молодых людей, то эта программа охватывала отнюдь не всех школьников. Однако их число было очень большим. Например, в 1934 году 60% берлинских школьников были активными участниками «Государственного дня молодежи», который сводился в основном к занятиям физкультурой и идеологическим урокам. Если не учитывать некоторые незначительные моменты, то можно утверждать, что в Третьем рейхе субботы стали днем военно-спортивной подготовки молодежи. «Государственный день молодежи» был упразднен в 1936 году. Это было связано с тем, что был принят Закон «О гитлерюгенде», согласно которому в этой организации должна была состоять вся немецкая молодежь. Поскольку гитлерюгенд получил безграничные полномочия, то необходимость в «Государственном дне молодежи» отпадала. С этого момента школа могла только создавать некоторые добровольные объединения, но военно-спортивная подготовка полностью контролировалась Бальдуrom фон Ширахом.

Чтобы избавить школы от необходимости осуществлять слабокоординируемые попытки заняться военно-спортивной подготовкой молодежи, имперский министр воспитания распорядился ввести в школьную программу третий урок физкультуры. Бернхард Руст обосновывал свое

решение следующим образом: «Так как целенаправленное воспитание молодежи является основой для позднейшей подготовки в вермахте, я ожидаю, что после появления в программе третьего урока физкультуры, мы будем свидетелями скорейшего подъема народных сил, направленных на решение оборонных задач... Поэтому я намреваюсь во всех учебных заведениях рейха ввести третий урок физкультуры, который должен быть посвящен выполнению исключительно тех упражнений, которые воспитывают мужество, силу, ловкость и боеготовность. В старшей школе это должен быть бокс, в средней школе — футбол, в начальной школе — плавание». Необычным в данной инициативе было то, что третий урок физкультуры объявлялся «имперским заданием», а потому возмещение финансовых затрат, с ним связанных, происходило из государственного бюджета. Однако подобное положение вещей никак не устраивало Имперское министерство финансов, которое никак не хотело выделять средства на оплату труда физкультурников и спортивного инвентаря (боксерские перчатки, футбольные мячи и т.д.). Но министр финансов не мог отрицать значимости третьего урока физкультуры, а потому заявлял, что финансирование должно осуществляться министерством по делам рейхсвера. Такое решение казалось само собой разумеющимся, тем паче, что Бломберг публично заявил: «Появление третьего урока физкультуры имеет большое, если не первостатейное, значение для военных интересов Германии».

Появление в школьном расписании третьего урока физкультуры фактически говорило о том, что Имперское министерство воспитания вновь намеревалось превратить школы в центры военно-спортивной подготовки. Это делалось, несмотря на то, что курсы военно-спортивной подготовки

(преодоление препятствий, стрельба, ориентирование на местности и т.д.) уже осуществлялись в рамках гитлерюгенда и СА. Бернхард Руст был уверен в том, что и школа должна была «сделать свой взнос в повышение обороноспособности немецкого народа посредством физических упражнений и привития солдатских добродетелей». Ситуация изменилась только в 1937 году. Тогда было решено, что в школьном курсе должно быть не три, а пять уроков физкультуры. При этом их появление происходило за счет сокращения часов, отпущенных на прочие учебные предметы. 1 октября 1937 года были изданы первые унифицированные для всего рейха директивы, касавшиеся физического воспитания в школах. Физическая подготовка провозглашалась «основной и неотъемлемой частью общего национал-социалистического воспитания». Не стесняясь, было объявлено, что целью спорта являлось «формирование тела политически-солдатского бойца». Курс на боеготовность стал главной целью школьных уроков физкультуры. Кроме физической закалки на уроках должно было происходить воспитание мужества, боеготовности, сплоченности в команде, дисциплины, чувства расового превосходства. Показательно, что в одном из документов Имперского министерства воспитания говорилось о том, что новые учебные планы «полностью соответствовали пожеланиям вермахта».

Поскольку даже в 1937 году в школьной программе не было ни одного урока, хотя бы поверхностно напоминающего допризывную подготовку, это означало, что именно на уроках физкультуры кроме занятий боксом и футболом должны были проводиться «солдатские игры». При этом стрельба и бег по пересеченной местности стали обязательными элементами воспитательной программы. На пер-

вый взгляд это могло показаться странным. Но все становится на свои места, если принимать в расчет, что эти «необязательные элементы» должны были замещаться подготовкой в летном спорте. В 1939 году содействие авиации было объявлено «задачей имперского значения». На практике это означало, что как можно больше молодых людей должны были уже в школе пройти подготовку, которая затем могла быть полезной им в качестве военных летчиков. С 1939 года физическая подготовка без всяких оговорок привязывалась к сведению военных действий. Но, с другой стороны, это приводило к существенному сокращению собственно спортивных занятий. Это было связано с тем, что в начале 40-х годов многие из спортивных залов не только не отапливались, но использовались в качестве складских помещений. К тому моменту подготовка уже велась в специальных военных лагерях гитлерюгенда, а также в лагерях вермахта.

Подготовка служащих из «Лейбштандарта Адольф Гитлер» тоже в свое время начиналась в лагерях и на полигонах рейхсвера. Однако если в начале цепочки социализации в Третьем рейхе школьники должны были заниматься спортом, чтобы более успешно подготовиться к военной службе, то уже в военных частях занятия спортом носили несколько иной характер. Если говорить о «Лейбштандарте» как самой престижной воинской части рейха, то он был связан со спортом хотя бы в силу возложенных на него задач. Собственно 1936 год для «Лейбштандарта», равно как и большей части Германии, прошел под знаком Олимпийских игр. 2 февраля 1936 года почетный караул из эсэсовцев был направлен на церемонию открытия зимней Олимпиады в Гармиш-Партенкирхене. Туда прибыли 4 офицера, 24 младших командира и 172 солдата «Лейбштандарта». Эсэсовцы достигли места назначения по

железной дороге с двумя пересадками соответственно 3 февраля в Байроте и 4 февраля в Мурнау. Как уже говорилось выше, открытие зимней Олимпиады состоялось 6 февраля 1936 года. Церемонию открытия вел лично Гитлер. Во время открытия подразделения «Лейбштандарта» не только стояли почетным караулом у трибуны, но и участвовали в освящении лыжного стадиона.

1 августа 1936 года Гитлер открывал в Берлине 15-е Олимпийские игры. На все время Олимпийских игр в «Лейбштандарте» не предоставлялось ни отпусков, ни увольнительных. Эсэсовцы должны были кроме несения традиционной караульной службы ежедневно выставлять почетный караул на Олимпийском стадионе Берлина, где сидел Гитлер. Кроме этого в ложе фюрера на стадионе постоянно присутствовало несколько офицеров «Лейбштандарта», а музыкальный корпус эсэсовского полка наряду с оркестром люфтваффе должен был с завидной регулярностью исполнять национальные гимны во время вручения наград победителям. Также во время соревнований в распоряжение членов Олимпийского комитета были предоставлены машины «Даймлер-Бенц», водителями которых были служащие «Лейбштандарта», а сами машины нередко сопровождалась эсэсовскими мотоциклистами (15-я рота).

Ближе к завершению Олимпийских игр в Берлине Гитлер принимал в имперской канцелярии зарубежных гостей. На время этого мероприятия у здания канцелярии был выставлен усиленный караул «Лейбштандарта». 13 августа музыканты «Лейбштандарта» принимали участие в большом концерте, который давался непосредственно на берлинском стадионе. У ложи Гитлера был выставлен традиционный почетный караул. Во время закрытия 15-х Олимпийских игр,

которое состоялось 15 августа 1936 года, эсэсовские музыканты также принимали участие в многочисленных концертах, которые давались в честь немецких спортсменов, например в честь канойстов и гребцов.

Чтобы повысить престиж службы в эсэсовской части, 1 февраля 1937 года при «Лейбштандарте» был создан спортивный клуб. Спортивная подготовка всегда играла в СС большую роль, и «Лейбштандарт» не был исключением. По сути, спорт был частью военной подготовки. Для этих целей в распоряжении «Лейбштандарта» были следующие сооружения:

- 400-метровая беговая дорожка и легкоатлетический комплекс, который располагался к югу от казарм (включая футбольное поле);

- крытый бассейн с дорожками длиной 50 метров и 10-метровым трамплином.

Занятия спортом как одной из разновидностей проведения досуга и отдыха от караульной службы со временем стали у эсэсовцев пользоваться все большей и большей популярностью. Само командование «Лейбштандарта» всячески поощряло это увлечение. Если посмотреть на развитие спорта в привилегированном эсэсовском полку, то оно выглядело следующим образом. Летом 1934 года обершарфюрер Элерт специальным распоряжением был сделан ответственным за формирование из заинтересованных служащих тренировочной группы, которая должна была входить в состав так называемого гимнастического сообщества 06 «Лихтерфельд». 22 января 1935 года командование «Лейбштандарта» издает приказ, согласно которому в каждом батальоне и подразделении полкового подчинения должен был быть введен офицер, отвечающий за спортивную подготовку. Вплоть до по-

явления у «Лейбштандарта» 23 ноября 1935 года собственной спортивной команды (не путать со спортивным клубом, который обладал особым статусом) распределение ролей выглядело следующим образом. Ответственным за легкую атлетику был хауптштурмфюрер Виш (командир 1-й роты), за футбол — унтерштурмфюрер Леш (8-я рота), за гандбол — унтерштурмфюрер Шмидль (6-я рота), за тяжелую атлетику — унтерштурмфюрер Шёлцке (13-я рота).

После того как при «Лейбштандарте» был создан спортивный клуб, сформировался круг команд, против которых на соревнованиях выступали эсэсовцы. Товарищеские встречи проходили в футболе против СВ «Нойбранденбург», команды представителей истребительной авиации «Рихтхофен», СК «Гогенмерен», Бранденбургского СК 05, команды «Виктория» (Франкфурт-на-Майне), команды «Тасмания» (Люккенсвальде), СВ «Баутцен», команды «Айнтрахт» (Бабельсберг), СК «Штаакен», «Хелла» (Лейпциг). Кроме этого футбольная команда «Лейбштандарта» нередко сопровождала эсэсовских музыкантов, что являлось удобным поводом для организации товарищеских матчей на выезде.

Гандбольная команда поначалу развивалась исключительно внутри «Лейбштандарта». Так, например, с 13 по 19 января 1935 года между ротами «Лейбштандарта» проходили закрытые соревнования по гандболу. Победителем в этом турнире стала 3-я рота, а второе место заняла 6-я рота. Но постепенно соревнования стали проводиться между различными родами войск и различными военными структурами. Так, например, 3 ноября 1935 года на базе 3-го армейского разведывательного батальона состоялся блиц-турнир по гандболу. Его результаты выглядели следующим образом:

«Лейбштандарт» — полицейская группа «Генсрал Геринг» — 3:3

«Лейбштандарт» — 3-й разведывательный батальон — 3:3

«Лейбштандарт» — фельдъегеря СА — 4:1

«Лейбштандарт» — эскадрилья «Рихтхофен» — 8:0

В июле 1936 года команда «Лейбштандарта» провела товарищескую встречу против команды 53-го пехотного полка (Вайсенфельс). Армейцы одержали верх над эсэсовцами со счетом 11:5. Видимо, это поражение подтолкнуло командование «Лейбштандарта» к мысли о том, что назрела необходимость создать специальную команду по гандболу. В результате для ее тренировок в «Лейбштандарт» был приглашен один из руководителей Имперского союза гандбола Шеленц. Усиленные тренировки гандбольной команды «Лейбштандарта» начались в сентябре 1936 года. Итогом стали успешные выступления команды эсэсовцев, и с апреля 1937 года стали приглашать выступать на профессиональные соревнования в гандбольной лиге Берлина-Бранденбурга.

Если говорить о футбольных баталиях, то их результаты выглядели следующим образом:

3 октября 1937 года «Рейнметалл» (Борзиг) — «Лейбштандарт» — 1:3

10 октября 1937 года «Лейбштандарт» — «Фаворит» (Галле) — 4:1

17 октября 1937 года «Виктория» (Фр-на-Майне) — «Лейбштандарт» — 6:2

7 ноября 1937 года «Лейбштандарт» — «Тасмания» 2:0

Дальнейшую таблицу соревнований приводить полностью нет никакого смысла, надо лишь отметить, что они

продолжались вплоть до середины февраля 1939 года. Среди соперников «Лейбштандарта» встречались даже такие экзотические команды, как сборная «Немецкого банка» (матч состоялся 27 марта 1938 года). Собственно «выбывание» «Лейбштандарта» из турнирной таблицы в феврале 1939 года было в первую очередь связано с тем, что его подразделения принимали активное участие в аннексии Богемии и Моравии.

Сам же состав футбольной команды «Лейбштандарта» на период 1937—1939 годов выглядел следующим образом: Штепан (10¹), Шубринг (6), Леш(6), Руппель (15), Швикерт (8), Веструп (3), Кригер (3), Вирвилле (3), Витек (7), Янсен (3), Фрич (2), Ваппельс (14), Шмидт (8). Как видим, самым футбольным подразделением была 3-я рота «Лейбштандарта».

Повышенное внимание в «Лейбштандарте» уделялось боксу. Этот вид спорта в эсэсовском формировании начал развиваться в начале 1936 года, когда оберштурмфюрер Шёльцке создал боксерскую секцию. В октябре 1937 года тренером в ней стал боксер-тяжеловес Ганс Брайтенштретер. В итоге возникла команда боксеров «Лейбштандарта». В нее входили Кляйнхольдерман (6) и Мицнер (2) — тяжелый вес; Кляйнвахтер (7) и Пляйс (91) — полутяжелый вес; Хёрн — средний вес. В документах сохранились упоминания о матчах, в которых принимали участие боксеры «Лейбштандарта». 2 ноября 1937 года команда «Лейбштандарта» выступала против команды Хомберга (итоги неизвестны). В том же самом ноябре 1937 года Берлин выступал против Вены. Берлинские эсэсовцы одержали победу по очкам.

¹ Номер роты «Лейбштандарта».

Кляйнхольдерман выступал против австрийского тяжеловеса Лехнера — берлинец одержал победу по очкам. 3 июня 1938 года эсэсовцы принимали участие в международных соревнованиях, когда немецкие боксеры выступали против английских. В них принимал участие и Кляйнхольдерман. В бою с англичанином он потерпел поражение. Но это не помешало ему в 1938 году занять третье место в общегерманских соревнованиях боксеров-любителей в тяжелом весе.

Если говорить о легкой атлетике, то эсэсовцы выступали на соревнованиях в следующих дисциплинах: метание копья (Зик), толкание ядра (Бонген), бег на 100 метров (Эйтель, Хонолка, Ёлькерс, Хофрихтер), бег на 800 метров (Хонолка), прыжки в длину (Ёлькерс, Хонолка, Эйтель), тройной прыжок (Хонолка), прыжки в высоту (Зиберт). Кроме этого проводилась традиционная эстафета Потсдам—Берлин (25 километров). В разные годы «Лейбштандарту» доставались в ней разные места. В 1937 году эсэсовцы заняли всего лишь 6-е место, в 1938 году — второе, а в 1939 году стали победителями эстафеты.

Поскольку в распоряжении служащих «Лейбштандарта» был современный по тем временам бассейн, то они регулярно принимали участие в соревнованиях по плаванию. Курт фон Экенбрехер вступил в СС в 1934 году. В 1936 году он был зачислен в немецкую олимпийскую команду по плаванию, однако из-за болезни не смог принять участие в XV Олимпийских играх. Хотя его достижения в плавании были впечатляющими. На протяжении 1935—1938 годов он был одним из лучших пловцов в Бранденбурге вольным стилем на 100 метров. В 1938 году он становится одним из победителей национал-социалистических соревнований,

которые проходили в Нюрнберге, а кроме этого он занимает второе место в комбинированной эстафете. В 1940 году он выигрывает чемпионат Германии по плаванию вольным стилем на привычных ему 100 метрах. Кроме этого Нюске (позднее адъютант командира саперного батальона) показал весьма неплохие результаты для любителя в плавании на спине на дистанцию в 100 метров — 60,5 секунды. Конечно же военно-спортивная подготовка служащих «Лейбштандарта» не могла обойтись без стрельбы. На национал-социалистических соревнованиях, которые проходили в Нюрнберге в 1938 году, 2-я рота «Лейбштандарта» победила в командном зачете в стрельбе из мелкокалиберной винтовки и пистолета.

Глава 14

ОСНОВНОЙ СОЛДАТСКИЙ СПОРТ

14 июня 1940 года немецкие войска без боя взяли Париж, 22 июня Франция капитулировала. Еще 19 июня 1940 года 3-я рота полка воздушного сообщения «Легион Кондор» расположилась в одном из пригородов Парижа, близ стадиона «Парк принца». В те дни командир роты капитан Пуш распорядился, чтобы лейтенант Рихард Херрман занялся организацией спортивного досуга солдат. Рихард Херрман был весьма неординарной фигурой, а потому заслуживает того, чтобы несколько подробнее рассказать о его биографии. Он родился 1 ноября 1914 года в одном из пригородных районов Штутгарта. Он с самого раннего детства увлекался спортом. В период с 1923 по 1935 год Рихард Херрман был легкоатлетом, выступавшим за гимнастический союз

своего родного города. В многочисленных региональных соревнованиях он проявил себя как хороший стайер и бегун на длинные дистанции. В 1936 году он был призван в ряды вермахта. В 1938 году Рихард Херрман принимал участие в аннексии Судетской области, а в 1940 году — в боевых действиях против Франции. Еще в 1939 году он был переведен в роту воздушных сообщений, которая базировалась в Меммингене. Однако уже в марте 1940 года он оказался в полку «Легион Кондор». Имя себе он сделал во время оккупации Франции, когда приобрел славу неофициального руководителя всей спортивной жизни Парижа. В этом качестве его ожидало быстрое повышение. Только в 1940 году он получил звание лейтенанта, как уже в 1942 году был представлен к чину обер-лейтенанта.

Оказавшись в непосредственной близости от стадиона, рота капитана Пуша почти каждый день играла в футбол или гандбол с представителями других воинских частей, но здесь связисты люфтваффе едва ли могли найти достойных соперников. Согласно имевшемуся распоряжению спортивные объединения вермахта не имели права встречаться с французскими командами, а потому поиск достойного противника был делом нелегким.

По этой причине «спортивная» рота Херрманна с превеликим удовольствием приняла приглашение, поступившее от АС «Рома», — спортивного союза итальянской диаспоры, которая проживала в Париже. Первый матч состоялся на стадионе «Парк принца» 31 июня 1940 года. С итальянской стороны на нем присутствовал консул Орландини. Херрман вспоминал об этом событии: «На величественном стадионе развевались имперские военные флаги и трехцветные знамена Италии. Из динамиков доносилась немецкая музыка.

В кассе в качестве билетеров, в студии у проигрывателя и микрофона комментатора находились служащие люфтваффе. Их также было очень много на трибунах». Однако в этом матче немцам не слишком повезло — они проиграли итальянцам со счетом 1:0. Немецкая сторона приписывала свое поражение тому обстоятельству, что в составе итальянской команды «находилось несколько игроков международного уровня из состава первой лиги».

Ответная встреча состоялась на том же самом стадионе 24 августа 1940 года. Тогда на трибунах собралось около 10 тысяч человек. Все они стали свидетелями победы немцев, которые одержали верх со счетом 3: 1. За эту победу команде 3-й роты связистов люфтваффе был вручен «Приз воздушного флота за высокие спортивные достижения». «Парижская газета» («Паризер цайтунг») в те дни сообщала: «Эта команда появилась на свет совершенно случайно. И столь же случайно она стала играть против итальянцев. Президент парижского клуба «Рома», в который входят итальянцы, живущие во французской столице, увидел, как тренируется рота связистов люфтваффе, и предложил организовать товарищеский матч».

Когда находившиеся в Париже немецкие оккупационные войска оказались централизованным образом втянутыми в спортивную жизнь, то несколько отличных футболистов (в том числе все еще находившиеся на территории Германии) обратились к Рихарду Херрману с просьбой принять их в свою команду. Так на свет появилась идея превратить команду 3-й роты связистов в «Зольдатенэльф Парижа» («Солдатскую футбольную команду Парижа»). Теперь для ее создания должны были учитываться не только связисты люфтваффе, но все рода войск. В итоге команда 3-й роты,

которая, собственно, и стала основой для возникновения «Зольдатенэльфа Парижа», продолжила свое существование независимо от своего дитища. Команда 3-й роты не раз принимала участие в соревнованиях, которые проводились среди команд оккупационных войск. Ей не раз приходилось одерживать громкие победы. Например, в 1942 году она выиграла первенство по футболу «Большого Парижа», в финале которого встречалась с командой штабной роты люфтваффе. Одновременно с футбольной при все той же 3-й роте была создана гандбольная команда. Ею также руководил Рихард Херрман, и аналогичным образом в первенстве по гандболу этой команде пришлось встречаться с представителями штабной роты. Связисты опять стали победителями.

Если команда 3-й роты связистов люфтваффе была постоянным образованием, то «Зольдатенэльфу Парижа» постоянно приходилось сталкиваться с тем, что ее состав менялся. В большинстве случаев для каждого нового матча приходилось находить новых игроков. Постоянными в команде были только четыре футболиста. Все они были обер-ефрейторами, служившими в 3-й роте связи: Борнеманн, Гаус Фикеншер Вильгельм Бликле и Остермайер. Чтобы обеспечить «Зольдатенэльф», являвшийся своего рода представительским проектом оккупационных властей, необходимыми игроками, приходилось заниматься поисками по всем западным оккупированным странам. Призыв в команду был почти обязательным. Наверное, единственным исключением являлся радист Фидерер. Являясь лучшим футболистом 3-го воздушного флота, он добровольно попросил о переводе в 3-ю роту связи. В остальном приходилось прибегать к своеобразной «спортивной мобилизации». В итоге в «Зольдатенэльфе Парижа» оказалось множество

выдающихся футболистов международного уровня: Якоб «Якль» Штрайтле (клуб «Бавария», Мюнхен), Йозеф «Юппи» Рассельнберг (клуб «Бенрат», Дюссельдорф), Альберт Зинг (клуб «Кикерс», Штутгарт), Ганс «Хендшен» Аппель (SV 92, Берлин), Карл Хоманн (клуб «Бенрат», Дюссельдорф), Фриц Вальтер (клуб «Кайзерлаутен»), Эрнст Виллимовски (PSV, Хемниц), а также игравшие за команды Нюрнберга братья Юбеляйн. Но, как правило, эти звезды очень недолгое время играли в Париже. Нередко сразу же после матча Рихарду Херрману приходилось искать им замену.

Если сравнивать «Зольдатенэльф Парижа» с другими футбольными командами, созданными на оккупированных территориях («Бургштерн Норис», «Красные истребители»), то «парижане» не были закреплены за какой-то определенной воинской частью. Рихард Херрман по своим связям запрашивал игроков и в рейхе, и в других подразделениях, причем не обязательно они были именно подразделениями люфтваффе. В итоге за три года ему удалось создать не просто эффективную футбольную команду, но своеобразное шоу. Проект Херрманна включал в себя кроме футболистов и гандболистов еще и эстрадный оркестр, а потому всей этой «военно-спортивной труппе» не раз приходилось давать представления для самых разнообразных оккупационных частей во многих городах. По большому счету проект «Зольдатенэльф Парижа» был рассчитан на прессу, а стало быть, был выгодным пропагандистским начинанием.

Если верить Рихарду Херрману, то идея преобразовать команду 3-й роты связистов в «Зольдатенэльф Парижа» принадлежала не ему самому, а спортивному журналисту Генриху «Хайни» Отту. Тот в период с 1941 по 1944 год был спортивным обозревателем «Паризер цайтунг», а после

окончания Второй мировой войны стал редактором «Нового спорта», одной из видных спортивных газет ФРГ. У Отта была не простая политическая судьба. В 20-е годы он был активистом социал-демократической партии, но затем изменил свои взгляды. Буквально накануне прихода Гитлера к власти он вступил в НСДАП, а затем стал служащим СС. Херрман как организатор «Зольдатенэльфа» и Отт как пропагандист этого проекта часто встречались на спортивных матчах или же за обедом в редакции «Паризер цайтунг». Они тесно сотрудничали, пытаясь превратить спорт в некое средство развлечения для оккупационных войск. Поскольку материалы Отта печатались не только в «Паризер цайтунг», но в таких центральных изданиях, как «Кикер», «Футбол», а также сведения о них приводились в ежедневном обзоре армейской прессы, то среди читателей проект «Зольдатенэльф» стал популярным очень быстро. Это полностью устраивало Рихарда Хермана, который хотел, чтобы его команда стала одной из ведущих в Западной Европе.

Чтобы лучше понять суть деятельности Генриха Отта, надо учитывать, что спортивные газеты могли использоваться в качестве своеобразного пристанища, где находили работу бывшие спортсмены. Журналисты, в прошлом являвшиеся атлетами, сами начинают способствовать развитию спорта. Они придают ему некий новый импульс. Генрих Отт являлся ярчайшим примером того, как журналистика не просто вмешивалась в спортивные дела, но фактически вела за собой спорт. У каждой из футбольных команд на оккупированных территориях имела своя газета-покровитель. Если у «Зольдатенэльф Парижа» это была «Паризер цайтунг», то у «Бургштерна Норис» (немецкой команды, выступавшей на территории оккупированной Бельгии) это была «Брюс-

селер цайтунг» («Брюссельская газета»). Именно армейская и оккупационная пресса использовалась для того, чтобы вести поиск новых игроков. Именно пресса помогала обрабатывать все запросы, приходившие от бывших футболистов, которые хотели играть в Париже. Однако на первой стадии создания «Зольдатенэльфа» приходилось нередко прибегать к помощи Борнеманна, который в свое время выступал за известный в Германии клуб «Шальке». Проблема заключалась в том, что Рихард Херрман хоть и был спортсменом, но не был футболистом, а потому не всегда мог по достоинству оценить потенциал того или иного служащего. Более того, именно Борнеманн являлся фактическим тренером команды, а также фактическим организатором футбольных матчей.

Почему футболисты, находившиеся на территории рейха, предпочитали перебираться в Париж? Ответ был прост: Париж находился очень далеко от Восточного фронта. После нападения на СССР подобные мотивы не были редкостью. Пребывание в «Зольдатенэльфе» убивало двух зайцев сразу: с одной стороны, футболист как бы был призван в ряды вермахта, с другой стороны, существенно снижалась вероятность гибели на Восточном фронте. Рихард Херрман использовал все свои связи, чтобы перспективного игрока призвали в люфтваффе, после чего направили во Францию (желательно в Париж). Идеальным было, если бы этот игрок на долгое время оседал во Франции. В некоторых случаях игроков направляли непосредственно в 3-ю роту к Рихарду Херрману. Так, например, произошло с вратарем Руди Шёнбеком (клуб «Пруссия», Берлин). Однако если спортсмен уже находился на службе, то возникало множество проблем. Имперский тренер Хербергер так и не смог добиться

того, чтобы пехотинца Фрица Вальтера перевели на службу в люфтваффе. Указанного футболиста позволяли только командировать в Париж на отдельные игры. Подобное можно было наблюдать в случаях еще с несколькими игроками. Нередко игроков в Париж сопровождали солдаты, которые хотели провести свою увольнительную во французской столице. О начальной стадии формирования «Зольдатенэльфа» «Паризер цайтунг» в свое время поведал австрийский голкипер Рудольф Хиден: «Соперники по футболу из армейских частей и даже с территории рейха были вынуждены признавать превосходство команды Херрманна».

Париж был едва ли не идеальным местом для того, чтобы можно было наладить взаимодействие военных оккупационных и гражданских структур. В итоге почти все матчи, в которых принимала участие «Зольдатенэльф», можно было рассматривать как успешное не только с пропагандистской, но и с коммерческой точки зрения мероприятие. В распространении билетов на футбольные матчи занималась городская комендатура «Большого Парижа». Кроме этого в оккупированных западных странах формировались специальные подразделения из солдат, шедших в увольнительную, которые предпочитали оказаться на матче в Париже. Для того чтобы увеличить пропагандистский эффект от деятельности «Зольдатенэльфа», к делу были подключены парижская пресса, радиовещание, несколько солдатских кинотеатров. Кроме этого по всему городу постоянно вывешивались афиши. Перед каждой игрой по радио и в кинотеатрах шли специальные репортажи.

Как видим, футбольные матчи должны были стать важнейшей частью солдатского досуга. Поскольку они рассматривались именно как развлечения, то со временем они

стали дополняться играми в гандбол и музыкальными оркестрами, для организации которых опять же привлекались служащие полка «Легион Кондор». В некоторых случаях матчи превращались в небольшие представления, ориентированные на прессу. Можно было наблюдать зачатки того, что сейчас принято называть «фанатской субкультурой». Например, во время товарищеского матча с командой люфтваффе из Вены, болевшие за «Зольдатенэльф Парижа» немецкие военные моряки, будучи облаченными в белые робы, сели на трибуне в виде литеры V, что означало «викторию», то есть победу. Но не всегда немецким солдатам в увольнительной приходилось направляться в Париж, чтобы посмотреть футбольный матч. Нередко давались матчи на выезде, где «Зольдатенэльф» выступала против местных армейских команд.

Отдельной проблемой считалось приглашение звезд немецкого футбола, к числу которых, вне всякого сомнения, можно было отнести Штрайтле и Фикеншера, некогда выступавших за «Баварию». Сложность ситуации заключалась в том, что национал-социалистическая идеология предпочитала прославлять «народное сообщество», в котором считалось предосудительным формирование «культа звезд». Однако в преддверии Олимпиады 1936 года от таких требований на время пришлось отказаться. В годы войны Имперское спортивное руководство также стало смотреть сквозь пальцы на «культ спортивных звезд», так как оный весьма способствовал формированию «культа солдат-героев». Как в годы Первой, так и Второй мировой войн немецкая пропаганда охотно использовала примеры известных спортсменов, которые «пали смертью героев на фронте». Команда Рихарда Херрманна не раз давала повод для сенсаций. Слу-

чайню или специально, но поначалу расцветка ее формы напоминала цвета французского флага: светло-голубые майки, белые трусы и красные гетры. Позже «Зольдатенэльф» стал использовать форму черно-белой или черно-красной расцветки.

23 марта 1941 года «Зольдатенэльф» играл второй матч против команды люфтваффе из Мюнхена. В тот день на стадионе собралось 20 тысяч человек, что показало, насколько могли быть прибыльными подобного рода мероприятия. Херрман вспоминал о той игре: «Мы не рассчитывали на такой наплыв публики, а потому фактически оказались неготовыми к нему. Поскольку билет на матч стоил 10 франков (приблизительно 50 пфеннигов), то в кассе нам приходилось сидеть по колено в денежных купюрах». Вырученные от матча деньги шли не только на то, чтобы заплатить за аренду стадиона, рекламу и спортивный инвентарь. Большая часть средств была переведена Красному Кресту и организациям, занимавшимся сбором зимней благотворительной помощи. Херрман не только пытался привлечь в свою команду известных футболистов, но и приглашал в качестве соперников известные футбольные клубы рейха. Если говорить о самом успешном матче, который не только собрал максимальное количество народа, но и дал огромную денежную выручку, то он состоялся 19 октября 1941 года. В тот день на стадионе собралось 40 тысяч человек. Аншлаг был вызван тем, что «Зольдатенэльф» играл против клуба «Шальке». «Парижане» в данном случае были усилены Фрицем Вальтером и Карлом Хоманном. Очевидец вспоминал об этом событии: «Многие тысячи немецких солдат, большая часть из которых не была на футболе после начала войны, прибывали со всех уголков Франции. Для этих целей

было великодушно предоставлено восемь специальных поездов. Эта игра многим повысила настроение». Генрих Отт видел в игре «рудокопов из Гильзенкирихена» (так иногда звали футболистов «Шальке») настоящую художественную инсценировку, «футбол совершенной и обольстительной красоты». Действительно, футболисты «Шальке» показали красивую игру, которую свидетели сравнили с «футболом шахматной точности»: «Это была рассудительная, остроумная, проворная, на удивление элегантная игра, ставшая триумфом футбола, который возвысился до уровня спортивной хореографии».

Столь же успешно 17 августа 1941 года прошел спортивный праздник, который проводился в окрестностях Парижа на стадионе «Коломб». Этот объект принимал Олимпийские игры, но летом 1941 года стал местом встречи исключительно для немецких клубов. Спортивный праздник открылся легкоатлетическими соревнованиями, в которых между собой состязались представители спортивного училища люфтваффе «Шпандау» и берлинского клуба LSV. Затем состоялся футбольный матч — на поле встречались «Зольдате́нэльф Парижа» и клуб «Ганновер 96». Когда устроители мероприятия назвали его праздником, то это не стало преувеличением. На стадионе «Коломб» выступало множество именитых немецких спортсменов: Луц Лонг, Рудольф Харбиг, Вили Штадель, Гельмут Банц. Причем Харбиг в беге на 400 метров показал время, равное рекорду Европы, а команда «Шпандау» в эстафете 4 x 800 метров поставила новый рекорд Германии. Неудивительно, что «Паризер цайтунг» назвала праздник «Харбиг-играми».

Генрих Отт придавал этому событию едва ли не «национальное значение»: «Спортивное прошлое и настоящее яв-

ляются лишь внешним выражением того, что живет в нас самих. Мы хотим быть сильными во имя Германии! И исключительные усилия наших спортсменов надо оценивать именно с этой точки зрения». В годы войны собственно спорт шел всегда рука об руку с развлечениями, политической пропагандой и демонстрацией власти. Ярчайшим примером этого могут служить тексты Генриха Отта, которые были всегда переполнены цветастой патетикой. Обращаясь к спортсменам, он заявлял: «Вы стали значимым фактором в деле обслуживания немецких частей на территории оккупированной Франции. Одновременно с этим вы являетесь звеном, связывающим между собой фронт и родину. Для немецких солдат, которые с оружием в руках готовы в зародыше ликвидировать любую попытку вторжения на континент, игры «Зольдатенэльфа Парижа» означают несколько часов психологической разрядки, во время которых они могут ненадолго забыть про множество повседневных проблем. На гладком газонном покрытии стадиона «Парк принца» «Зольдатенэльф» вырисовывают при помощи мяча причудливые арабески и геометрические фигуры. Мяч в элегантном полете переходит от игрока к игроку, которые при помощи трюков пытаются перехитрить соперника, чтобы мощным ударом пробить по воротам. В этот момент тысячи людей, облаченных в серую униформу, чувствуют себя вернувшимися на родину. Надо хотя бы однажды увидеть сияющие лица солдат и шум ликования, которым они сопровождают каждую красивую атаку, каждый удар по воротам. Кто знает, сколько часов они прошли пеплом или в поезде, чтобы вновь всего лишь на 90 минут насладиться прекрасным немецким футболом. Если вы это видели, то можете понять, какое значение имеет «Зольдатенэльф Парижа» для наших немецких частей.

Если же вам хотя бы раз посчастливилось сопровождать эту команду в рейх, то вы можете представить себе то тепло, с которым повсюду встречают спортсменов. На родине их считают настоящими посланцами с фронта... В игре проявляется культура немецкого футбола. В их выступлении проявляется дух новой Германии, который за прошедшие два года был воспринят многими французами. «Зольдатенэльф» стали посланниками немецкого спорта во Франции. Они охотно согласились на выполнение этой миссии. Именно эта миссия является их важнейшей задачей на будущее».

Нельзя отрицать, что «Зольдатенэльф» были желанными гостями, куда бы они ни прибывали. Весьма показательным является тот факт, что из 39 игр, которые провела эта команда, 19 были выездными. Дело доходило до некоего соперничества между отдельными гауляйтерами, полесвыми комендатурами и Национал-социалистическим имперским союзом физической культуры. Каждый непременно хотел заполучить к себе легендарную команду футболистов из Парижа. Например, они были приглашены в имперскую спортивную область №3 (Берлин-Бранденбург), чтобы помочь в организации сбора зимней помощи. В итоге 26 сентября 1943 года «Зольдатенэльф» играли против сборной Берлина. «Парижане» одержал верх над «берлинцами» со счетом 3:1. Средства, полученные от продажи билетов на этот матч, были направлены организации «Фронт и родина». На матч специально был приглашен известный летчик-истребитель Герман Греф, которого лично сопровождал Арно Брайтмайер (в то время еще заместитель Имперского руководителя спорта). Оба они были снабжены специальными кружками для сбора пожертвований. За день до этого они присутствовали на матче, в котором встречались «Красные истреби-

тели» (футбольная команда люфтваффе, которой покровительствовал Герман Граф) против берлинского клуба LSV. Рихард Херрман воспользовался представившейся ему возможностью, чтобы обсудить возможный визит берлинских команд в Париж. Он вспоминал: «Однако в расчет пришлось принимать только те команды и спортивные клубы, которые можно было бы без особых проблем довести до Парижа. А потому нам надо было ориентироваться на Кёльн, Дортмунд, Эссен, Бохум, Дюссельдорф, а также на Манхейм». Свои выступления на территории рейха «Зольдатенэльф» закончил именно в Манхейме, Саарбрюкене, Страсбурге и Франкфурте. 7 ноября 1943 года «парижане» внезапно решили выступить в Дортмунде. Этот город очень сильно пострадал от воздушных налетов англо-американской авиации, а потому футболисты решили оказать ему некую «психологическую помощь». Больше команда уже не выезжала в рейх, и дни ее были сочтены.

Последний раз на поле команда «Зольдатенэльф Парижа» вышла 19 декабря 1943 года. В условиях объявленной «тотальной войны» развлечения были сочтены излишними. Поэтому все служащие люфтваффе должны были заниматься исключительно собственными воинскими обязанностями. Команду не спасло даже то, что она могла использоваться для пропагандистских целей. О таковых рассказывалось в специально сочиненной песенке «Зольдатенэльф». У нее был следующий текст:

Когда вступили мы в Париж,
То все еще не знали,
Что здесь родится команда,
О которой будет говорить весь Запад.

Приве.

Одиннадцать солдат из Парижа
Исполнены воинским духом,
Но мастерство свое они
Являют на футбольном поле.

Сплоченная команда состоит
Из одиннадцати человек, собранных со всех гау.
На них с гордостью взирает рейх,
Протягивая руку им издалека.

Истинная верность в крови
Спортсменов Великогерманского рейха,
Когда мы слышим свист и рев,
То бьем — мы никогда не станем мягкотелыми.

И если родина нас снова призовет,
Полагаясь на наши мышцы и тела,
То мы, немецкие спортсмены,
Не обманем ее ожиданий.

Начавшись как обычная спортивная песенка, в которой воздавалось должное товариществу, она закончилась призывом к «окончательной победе», что изображалось как финальная перспектива «развития Европы». Последний куплет намекает, что футболисты после окончания войны вернулись в свои родные клубы, но в любой момент могли вновь встать под ружье. Политика почти всегда сопровождала игры «Зольдатенэльфа». Например, когда проходила встреча немецких футболистов и АС «Рома», то приглашительные программки, напечатанные на двух языках, содержали в себе несколько цитат из Гитлера: «В Третьем рейхе почитаются не только знания, но и сила. Высший идеал нам явлен

в образе человека будущего, чей сиятельный дух воплощен в великолепном теле. Эти люди выше денег и материального богатства, они ищут путь к идеальным благам». «Умные народы, лишённые силы и мужества, в итоге скатываются до уровня домашних учителей, призванных учить здоровую расу. Духовное наследие таких народов является всего лишь попыткой претендовать на утраченное право жизни, которое даруется природой только через силу утверждения своей жизни». Собственно в этих цитатах не было ничего удивительного, поскольку не стоило забывать, что «Легион Кондор» в первую очередь был не полком связи люфтваффе, расквартированным в Париже, но добровольческим соединением, которое во время гражданской войны в Испании «отмстилось» уничтожением баскского города Герника. В военной истории эта операция считается первым массовым воздушным налетом боевой авиации на незащищенный, мирный город. 26 апреля 1937 года Герника была уничтожена по приказу Шперле. И именно ему подчинялся 3-й воздушный флот, штаб которого находился в Париже.

Глава 15

МИНИСТР ИНОСТРАННО-СПОРТИВНЫХ ДЕЛ

Однако вернемся в Германию. Несостоявшиеся в 1940 году зимние Олимпийские игры означали, что у Карла Дима стремительно сокращались шансы занять достойную должность в структуре национал-социалистического спорта. Он был востребован, когда требовалось организовать летнюю Олимпиаду 1936 года, но она была уже в прошлом. Управление Международным олимпийским институтом требовалось

только для того, чтобы наладить связи Германии с олимпийским движением, но в первый год войны в подобных отношениях не было особой необходимости. Уже весной 1939 года Карл Дим чувствовал, что ему страшно не хватало деятельности работы. В мае 1939 года он записал в своем дневнике: «Институт функционирует по наитию, я сам осознаю, что не приношу никакой практической пользы». Чтобы найти новую сферу применения своих знаний, Карл Дим обратился к Гансу фон Чаммеру, с которым у него сложились хорошие отношения. В том же самом мае 1939 года Дим в письме к Имперскому спортивному руководителю сообщал, что мог бы поделиться своими знаниями с молодежью, а потому надеялся на должность руководителя Имперской академии физического воспитания. Указанное учреждение в то время по совместительству возглавлял Карл Крюммель. Дим даже предполагал, что под его началом академия могла бы стать лучшим учебным заведением мира. Не забывая о том, что до сих пор не являлся членом НСДАП, Карл Дим даже изъявлял готовность вступить в партию, но только если это было обязательным условием для руководства учебным заведением. Кроме этого Дим не исключал, что мог стать штатным профессором Берлинского университета, где бы он мог преподавать сравнительную историю спорта и физического воспитания. Всю эту работу он планировал совмещать с должностью директора Международного олимпийского института.

Все эти предложения свидетельствуют о том, что Карл Дим в корне неверно оценивал сложившуюся ситуацию, равно как наивно переоценивал значимость своей фигуры для национал-социалистического режима. Во-первых, Крюммель отнюдь не собирался оставлять руководство академией. Во-вторых, в академии предполагалось не только физическое воспитание, но

и мировоззренческая обработка. Большой вопрос, насколько Дим мог успешно ввести национал-социалистические лозунги в свою традиционную учебную программу.

Ситуация несколько поменялась, когда Дим стал генеральным секретарем организационного комитета по подготовке в итоге так и не состоявшихся зимних Олимпийских игр 1940 года. Ганс фон Чаммер во время одной из встреч с Гитлером воспользовался случаем, чтобы замолвить слово за Карла Дима. Он повел речь о предоставлении Диму профессорской кафедры. В данном случае Гитлера несколько не смутило, что генеральный секретарь организационного комитета был женат на «четверть еврейке», а кроме этого не был даже членом партии. Он отдал распоряжение, чтобы этот вопрос в положительном ключе рассмотрел министр образования и науки Бернхард Руст. Однако до сентября 1939 года Дим, занятый проблемами Гармш-Партенкирхена, не проявлял никакого интереса к своему возможному профессорству. Но стоило только сорваться всем олимпийским планам, как эта проблема преподавания в высшей школе вновь стала насущной. Для ее решения в начале 1940 года Карл Дим подключил и знакомых из министерства внутренних дел, и Имперского спортивного руководителя. Те со всех сторон стали давить на Руста, чтобы тот все-таки организовал Диму профессорскую кафедру. Министр науки в ответ парировал, что из-за начавшейся войны у него не хватало для этого финансовых средств. Не помогли даже напоминания о том, что это распоряжение было отдано лично фюрером. В итоге Карлу Диму повысили жалование (с 12 тысяч до 15 тысяч рейхсмарок в год), а также гарантировали, что в случае выхода на пенсию он получит 30 тысяч рейхсмарок.

Жажда быть связанным с каким-нибудь большим проектом привела Карла Дима к тому, что он был готов полностью

интегрироваться в национал-социалистическую систему. Только так можно оценить его попытки организовать «Великогерманскую Олимпию». Это должна была быть свособразная национал-социалистическая Олимпиада. Сама идея подобного рода не была для Дима принципиально новой, он всего лишь пытался в свособразной манере обыграть традиции античных игр, «Немецких турниров» и гимнастических праздников. «Великогерманская Олимпия» должна была обрести особый смысл только в условиях окончательной победы вермахта, в которой Дим в те дни нисколько не сомневался. Однако он полагал, что война как таковая закончилась вместе с разгромом Польши, а потому предложил увесочечить дату — октябрь 1939 года. Нечто подобное он уже предлагал в 1916 году, когда выдвигал план «Германской Олимпии». Тогда он хотел «передать истинный дух античной культуры, которая должна быть дополнена арийской кровью, немецкой душой и новыми ценностями». Приблизительно такая же идея была заложена в основу «Немецких турниров», которые Дим организовывал во времена Веймарской республики (1922 год — Берлин, 1926 год — Кёльн, 1930 год — Бреслау). В итоге идею о «Великогерманской Олимпии» можно рассматривать как продолжение уже ранее существовавшей спортивно-праздничной традиции, заложенной лично Димом. Как и ранее, «Олимпия» должна была проводиться один раз в четыре года. Каждый раз она должна была проводиться в течение недели в новом месте. Однако на этот раз к соревнованиям должны были допускаться спортсмены исключительно с «германской кровью». С одной стороны, это выводил праздник за рамки Германии, так как в нем могли принимать участие бельгийцы, голландцы, датчане и т.д. С другой стороны, в «Олимпию» был закрыт путь для евреев, что полностью

соответствовало установкам гитлеровского режима. Забегая вперед, надо отметить, что «Великогерманская Олимпия» так и осталась только лишь проектом, который никогда не был претворен в жизнь.

После того как началась Вторая мировая война, многим немцам стало ясно, что «нормальная» жизнь закончилась. Когда же 3 сентября 1939 года Франция и Великобритания объявили войну Германии, то Имперский спортивный руководитель Ганс фон Чаммер решил, что можно было ставить крест на всех международных соревнованиях. По его мнению, борьба между нациями с этого момента велась не на спортивном ринге, а на полях сражений. Совершенно иного мнения придерживался Имперский министр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп. Он полагал, что международные соревнования, насколько они могли проводиться в годы войны, открывали ранее невиданные пропагандистские возможности. Во-первых, спортивные соревнования должны были убедить немецкое население, что их повседневной жизни ничего не угрожало, то есть спорт должен был имитировать «нормальность» жизни. Во-вторых, спортивные состязания могли использоваться для пропаганды, направленной за пределы рейха. Сам факт проведения соревнований международного уровня должен был убедить противников Германии, что рейх обладал настолько огромным военным преимуществом, что национал-социалистический режим мог себе позволить не призывать лучших спортсменов в ряды действующей армии. Кроме этого спорт мог выступать средством для выяснения отношений с союзниками. В первую очередь это касалось фашистской Италии, которая до сих пор не оставляла попыток конкурировать с Германией. Наконец, спортивные соревнования с участием команд из нейтральных стран позволяли ре-

шать «обходными путями» многие важные дипломатические задачи. В Швейцарии рейх интересовали финансы, в Швеции — залежи полезных ископаемых, на Балканах — важные стратегические контакты. Именно на территории нейтральных стран Германия могла продолжить свое противоборство с Англией. Именно Третий рейх породил специфический вид внешней политики. «Дипломаты в тренировочных костюмах» из ГДР и «политика пинг-понга», проводимая президентом США Никсоном в отношении Китая, по большому счету не были оригинальными изобретениями.

Организация международных спортивных контактов была возложена на Национал-социалистический имперский союз физической культуры (именно так со временем стал называться Немецкий имперский союз физической культуры). В мирное время международный отдел этой организации возглавлял Вольф фон Шуленбург. Однако в первые дни войны он оказался призван в парашютно-десантный полк. А потому его преемником стал Карл Дим. Выбор пал на Дима исключительно потому, что у него была «хорошая репутация». Он не был членом партии, был близко знаком с большинством представителей международного спорта. Для нейтральных стран это значило очень много. При этом всем Ганс фон Чаммер мог быть уверен в полной лояльности Дима, что тот доказывал уже не раз. Судя по всему, сам Дим согласился на это назначение, так как еще не оставил надежд получить профессорскую кафедру. Нельзя сказать, что должность начальника международного отдела в имперском союзе физической культуры была очень перспективной для уже немолодого человека. Но Дим решил с характерной для пруссаков ответственностью взяться за работу. По крайней мере до весны 1943 года, когда полностью прекратило свое существование любое международное спортивное дви-

жение, он пытался сделать все от него зависящее, чтобы рейх предстал в «спортивном блеске».

Задачи, которые приходилось решать Карлу Диму, можно было условно разделить на две группы. С одними он мог справиться, не выходя из-за письменного стола. В данном случае он принимал решения, разрешить или запретить проведение тех или иных международных соревнований. К числу вторых относилась негласная дипломатическая деятельность, которую он мог вести в качестве главы немецких спортивных делегаций, оказавшихся за границей, или же качестве «радушного хозяина», принимавшего иностранные делегации на территории рейха. В обоих случаях Дим должен был понимать, что «независимость» и «самостоятельность» спорта (на чем он настаивал в начале 30-х годов) оказались химерами.

Первым крупным проектом, который Дим осуществил в качестве начальника международного отдела, было своеобразное замещение зимней Олимпиады. С 26 января по 4 февраля 1940 года в Гармиш-Партенкирхене состоялась IV Международная неделя зимнего спорта. Непосредственная ее организация была возложена на оберштурмбанфюрера СС Артура Йенша. Но все-таки все наработки были выполнены Карлом Димом. Эти соревнования нельзя было назвать очень успешными с пропагандистской точки зрения. Конечно, они собрали 500 спортсменов, 182 из которых были иностранцами, прибывшими из Италии, Югославии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Словакии и Моравии. В то же самое время на Международной неделе не были представлены спортсмены из стран, считавшихся «законодателями мод» в зимнем спорте: Швейцария, Швеция, Норвегия, Финляндия. Этот факт не смогла проигнорировать даже пропаганда Геббельса. В некоторых газетных материалах гово-

рилось о том, что «Международная неделя зимнего спорта была праздником для самих себя». Но в данном случае для министерства пропаганды было много важнее, что рейх был единственной страной, которая смогла организовать международные соревнования во время мировой войны.

Международная неделя зимнего спорта в Гармиш-Партенкирхене смогла в некоторой мере оживить спортивное движение рейха. По крайней мере в период с февраля по март 1940 года Карл Дим разрешил проведение 13 спортивных мероприятий международного уровня. На эти соревнования прибывали спортсмены с Балкан, из Бельгии, Голландии и Дании. Например, датские боксеры принимали участие в чемпионате, проводившемся 26 марта 1940 года в Ольденбурге. А два дня спустя Дим согласовал участие бельгийских и голландских пловцов в соревнованиях, запланированных на 21 апреля 1940 года. Однако эта дружелюбная на первый взгляд пропаганда была крайне обманчивой. 9 апреля 1940 года части вермахта вторглись в Данию, а 10 мая была начата агрессия в отношении Бельгии и Голландии. Как уже отмечалось выше, Карл Дим занимался уже не столько организацией спортивных мероприятий, сколько их разрешением. Всего же с его согласия в рейхе с период с декабря 1940 по январь 1942 года было проведено около 270 соревнований международного уровня. Однако Диму пришлось не только разрешать, но и запрещать. Прежде всего это относилось к чешскому спорту. В данном случае ему приходилось ориентироваться на приказ Гитлера, который 24 февраля 1940 года запретил любые спортивные встречи между немецкими и чешскими командами. Одновременно с этим командам из протекторатов запрещалось выступать в качестве представительниц чешского народа. Впрочем, случались и «недогляды». Так, например, в

июне 1940 года Имперское министерство иностранных дел сообщало Карлу Диму, что, несмотря на имевшийся запрет, чешские спортсмены выступали на международном турнире в Испании. Дим в характерной для него мягкой манере проинформировал власти протекторатов, что «участие чешских команд за границей было нежелательным».

Если говорить о стратегических интересах Германии, то два европейских региона имели для нее особое значение. Это была Швеция и Балканы. Две трети руды в рейх поступало именно из Швеции, а Румыния постоянно поставляла нефть. Интерес к Балканам имели не только власти рейха, но англичане и фашистская Италия, которая в 1939 году оккупировала Албанию. Принимая в расчет эти сведения, нет ничего удивительного в том, что Швеция и Балканы были приоритетными направлениями в развитии международного спорта. Многие были сделаны уже в 1939 году. Весной того года Дим организовал показательную поездку немецких спортсменов в Швецию, в ноябре 1939 года вместе с Гансом фон Чаммером прибыл в Болгарию. Когда обстановка на Балканах стала дестабилизироваться, то было принято решение провести пропагандистско-спортивное турне по Греции, Румынии, Болгарии, Югославии и Венгрии. Однако от нее было решено отказаться, так как итальянские войска вторглись на территорию Греции. Более успешно удалось поставить работу со Швецией. Во время одного из визитов в эту скандинавскую страну Карл Дим даже встречался с известным путешественником Свенем Хедином. Это был не просто визит вежливости. Хедин, не скрывавший своих симпатий к Гитлеру, консультировал Дима по множеству вопросов.

Отношения Германии и Италии никогда не были безоблачными, как бы то ни пытались показать некоторые иссле-

дователи. В первой половине 30-х годов два тоталитарных режима соперничали между собой в борьбе за влияние на Австрию. Затем конкуренция переместилась в балканский регион. Ко всему этому добавлялись взаимные обиды, причиной которых было то, что рейх не всегда выполнял обещания, данные своему альпийскому союзнику. Негласное соперничество двух диктатур привело к тому, что возникла некая «эмоциональная оппозиция», которая была присуща как партийной верхушке, так и широким слоям населения обеих стран. Спорт являлся одним из проявлений этой «эмоциональной оппозиции», так как ни один из режимов не хотел выглядеть слабее другого. Все это еще больше запутывало и без того непростые отношения фашистской Италии и национал-социалистической Германии. В конце 1939 года на спортивном уровне возникло некое подобие «холодной войны». В декабре 1939 года немецкая сборная по боксу с подачи Ганса фон Чаммера и Карла Дима проигнорировала приглашения на итальянские чемпионаты. В ответ на это итальянцы отказались прислать своих лыжников на IV Международную неделю зимнего спорта. Конфликт рисковал перейти на другой, более высокий уровень.

Чтобы разрядить сложившуюся обстановку, Ганс фон Чаммер по поручению Имперского министерства иностранных дел принял на себя полномочия президента «Немецко-итальянского общества», которое через сеть своих филиалов должно было вести работу на территории Италии. Когда 24 апреля 1940 года фон Чаммер стал президентом «Общества», то он сразу же назначил своим заместителем (вице-президентом) Карла Дима. Оба этих спортивных функционера должны были направиться в Рим, чтобы фактически заново налаживать связи с итальянскими физкультурниками. Визит

оказался успешным. Вернувшись в Германию, Дим записал в своем дневнике: «Вне всякого сомнения, лед сломлен». В декабре Дим вновь оказался в Италии, чтобы присутствовать на открытии аналогичной «Обществу» организации. На этом его деятельность в качестве вице-президента «Немецко-итальянского общества» не закончилась. В июне 1941 года Диму было поручено открыть очередной филиал во Фрейбурге. Вообще-то это должен был сделать Ганс фон Чаммер, но он тяжело болел. На мероприятии Карл Дим произнес речь перед собравшимися представителями партии, индустрии, вермахта и образовательных структур. В своем выступлении он обозначил три главные задачи «Немецко-итальянского общества»: «1. Создавать в Германии инициативные группы из людей, которые знают и любят Италию и итальянский народ. Прежде всего Италию сегодняшнюю: фашистскую и имперскую, являющуюся нашим другом и союзником. 2. Создавать в Германии структуры, на базе которых в ходе взаимного общения будет формироваться новое культурно-политическое итало-германское сообщество. 3. Помогать проживающим в Германии итальянцам». В своей речи Карл Дим отдельно подчеркнул, что германо-итальянская дружба не является «дружбой по расчету, в которой сегодня заключаются договоры, а завтра беспардонно нарушаются». Он говорил о том, что союз Германии и Италии основывался на общности мировоззрения (фашистско-национал-социалистического), а потому обе страны должны были стать «хребтом новой Европы». Нет никакого сомнения в том, что к 1941 году Карл Дим освоился с присущей режиму фразеологией.

Когда конфликт с Италией был урегулирован, а прерванные началом войны международные контакты восстановлены, Имперское спортивное руководство решило посвятить

себя решению более «перспективных» задач. Руководство рейха интересовало, в какой мере можно было подчинить его интересам Международный олимпийский комитет, равно как все олимпийское движение. Была поставлена задача, чтобы слово «олимпийский» стало синонимом слова «германский». 28 мая 1940 года, то есть через неделю после капитуляции Бельгии, Ганс фон Чаммер обратился к Гитлеру с просьбой посетить в Брюсселе графа Анри де Байе-Латура. Визит был продиктован отнюдь не желанием узнать о самочувствии президента МОК, а стремлением добиться преобразования комитета в соответствии с интересами рейха. Первый разговор на эту тему было поручено вести Карлу Диму. Именно он должен был прозондировать почву, и Дим без промедлений отправился в Брюссель. После разговора на частные и общеполитические темы немец поведал о планах по преобразованию МОК. В целом Байе-Латур согласился с услышанными предложениями, хотя и внес в них несколько поправок. Первым обсуждался вопрос о месте проведения послевоенной Олимпиады. В 1944 году она должна была пройти в Лондоне, что даже в случае капитуляции Англии никак не устраивало ни Гитлера, ни Чаммера. Несмотря на то что война только-только началась, уже предпринимались попытки либо повторно провести игры в Берлине, либо в Риме. Однако Карла Дима больше всего волновал принцип формирования Международного олимпийского комитета. Ганс фон Чаммер настаивал на том, что состав МОК должен был быть «омоложен самым радикальным образом». Его новые члены должны были назначаться в соответствии с так называемым фюрер-принципом. В данном случае государство получало возможность устранять из состава МОК «неудобных» членов, заменяя их «более подходящими».

После того как Карл Дим рассказал Имперскому спортивному руководству о положительном отношении к планам реорганизации МОК Байе-Латура, в июле 1940 года стали предприниматься конкретные меры по их осуществлению. Но с этим дело застопорилось — уже в самой Германии было необходимо провести множество переговоров и согласований, а потому до осени 1940 года планы так и оставались планами. Лишь в ноябре 1940 года Ганс фон Чаммер, Карл фон Халт и Карл Дим предприняли специальную поездку по городам Франции и Бельгии. Оказавшись в Брюсселе, они вновь встретились с Байе-Латуром.

Бельгийскому графу оставалось только лишь дать формальное согласие, и МОК был бы основательно «преображен». Но вопрос было решено отложить на некоторое время. Когда немецкая делегация отбывала в Германию, то она еще не полностью припимала в расчет тот факт, что Байе-Латур на неопределенное время распустил комитет. Теперь на графа бесполезно было оказывать давление. Имперскому правительству же оставалось только надеяться на «победоносный мир», после которого комитет мог бы заново начать свою деятельность. Каждая из сторон считала, что выиграла данный раунд. Немцы полагали, что реформирование МОК было всего лишь вопросом времени, тем более что они и без того полностью контролировали Международный олимпийский институт, секретариат комитета, а также выпуск журнала «Олимпийское обозрение». Граф Байе-Латур решил, что выживание в его позиции было самым важным козырем. Он скончался 6 января 1942 года, так и не передав национал-социалистам контроль над олимпийским движением.

Потерпев фактическую неудачу в деле подчинения себе олимпийского движения, с 1941 года Карл Дим решил со-

средоточить свои усилия на формировании общевропейской спортивной структуры. Вначале он успешно стремился взять под контроль уже имевшиеся европейские организации, но на этом поприще не добился успеха. В итоге в конце 1941 года было запланировано проведение Европейской спортивной конференции, на которой предполагалось все-таки осуществить «пресобразование европейского спорта». Конференция подавалась как одно из мероприятий, проходивших в Гармиш-Партенкирхене во время чемпионата мира по лыжному спорту. Чтобы придать этим соревнованиям видимость «мировых», Имперскому спортивному руководству пришлось добиваться права на участие не только командам нейтральных государств, но и оккупированных Германией стран. Так, например, вопрос о приглашении французских спортсменов поднял Ганс фон Чаммер в личной беседе с Гитлером. Но опять не обошлось без осложнений с итальянцами. Их не пригласили на конференцию, проходившую с 26 декабря 1941 года по 10 января 1942-го. Их просто поставили перед свершившимся фактом, когда все заседания уже закончились. Этот факт однозначно указывал на то, что, вопреки всем громким заявлениям, в Германии Италию никто не рассматривал как равноправного партнера.

Некоторое время спустя Гитлер посчитал неудачной идею создания Европейского спортивного конгресса, так как она якобы могла ассоциироваться у немецких солдат с холодом и льдом. По крайней мере время проведения его заседаний должно было совмещаться с зимними соревнованиями. Принимая во внимание это сумасбродное распоряжение фюрера, Ганс фон Чаммер решил провести очередной конгресс уже в октябре 1942 года. Это намеревались сделать в Мюнхене. Имперское спортивное руководство даже за-

просило для этого специальное разрешение у министерства иностранных дел. Эта предосторожность была не лишней, так как на конгрессе намечалось создать Европейский спортивный союз, в котором Карл Дим должен был занять пост генерального секретаря.

Приглашения на это мероприятие получили представители Болгарии, Дании, Финляндии, Голландии, Италии, Хорватии, Норвегии, Румынии, Словакии, Испании, Венгрии и Португалии. По самым различным причинам было решено отказаться от приглашения делегатов из Бельгии, Швеции, Швейцарии, Франции, Греции и Турции. Карл Дим распланировал работу конференции буквально по минутам, но в дело опять вмешалась случайность. Сначала конференцию перенесли на две недели, затем на неопределенный срок, а потом и вовсе про нее забыли. Причины этого неясны, но не исключено, что Карл Дим стал заложником «борьбы компетенций», а именно противостояния Геббельса и Риббентрона. Каждый из этих деятелей хотел контролировать сферу спорта.

Между тем Карл Дим стал ощущать, что сдавал позиции. Ему исполнилось 60 лет, с каждым днем становилось все сложнее и сложнее соревноваться с «активной молодежью», например с эсэсовским офицером Артуром Йенше. Когда 25 марта 1943 года в возрасте 55 лет от сердечного приступа скончался Ганс фон Чаммер, Дим потерял своего высокого покровителя. Когда новым Имперским спортивным руководителем был назначен Арно Брайтмайер, то это означало, что политическая карьера Карла Дима в Третьем рейхе была закончена. Ему оставалось лишь изредка выпускать журнал «Олимпийское обозрение» и изображать видимость работы Международного олимпийского института.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Bachrach, Susan D. The Nazi Olympics: Berlin 1936. Little, Brown, and Co., 2000. S. 128.

Berliner Illustrierte Zeitung. Die 16 olympischen Tage. 1936. 98 S.

Bernett, Hajo. Sportpolitik im Dritten Reich. Beiträge zur Lehre und Forschung der Leibeserziehung. Hofmann, 1971. S. 132.

Blatt, Steffen. Propaganda und Berichterstattung Während Der Olympischen Spiele 1936. GRIN Verlag, 2007. S. 36.

Bode Andreas, Herzog Markwart. Fußball zur Zeit des Nationalsozialismus: Alltag, Medien, Künste, Stars. W. Kohlhammer Verlag, 2008. S. 334.

Bunse, Tobias. Fußballberichterstattung in der NS-Zeit: Eine Analyse der Fachzeitschrift «Der Kicker». GRIN Verlag, 2010. S. 61.

Das Deutsche Maedel. 1937—1941.

Die Olympischen Spiele 1936: Die XI. Olympischen Spiele in Berlin 1936, Cigaretten-Bilderdienst. Bd. 2. S. 165.

Die Woche. Olympia Zeitung 1936. 98 S.

Ellenbogen, Michael. Gigantische Visionen: Architektur und Hochtechnologie im Nationalsozialismus. Ares Verlag, 2006. S. 263.

Findling E., Pelle Kimberly D. Encyclopedia of the Modern Olympic Movement. Greenwood Publishing Group, 2004. S. 602.

Findling E., Pelle Kimberly D. Historical Dictionary of the Modern Olympic Movement. Greenwood Publishing Group, 1996. S. 460.

Fuhr, Wolfgang. Olympische Winterspiele 1936: Die vergessene Olympiade von Garmisch-Partenkirchen. Agon Sportverlag, 2006. S. 63.

GRIN Verlag, 2011. S. 140.

Krüger Arnd, Murray William J. The Nazi Olympics: sport, politics and appeasement in the 1930s. Sports and society. University of Illinois Press, 2003. S. 260.

Krüger Arnd, Murray William J. The Nazi Olympics: Sport, Politics and Appeasement in the 1930s. Sport and Society. University of Illinois Press, 2003. S. 260.

Krüger, Michael. Erinnerungen an Carl Diem. Studien zur Geschichte des Sports. LIT Verlag Münster, 2009. S. 122.

Kuster, Marie. Sport und Politik-Die Geschichte des FC Schalke 04 im «Dritten Reich».

Lach André, Beneke Esra Elise. Die Umgestaltung des deutschen Sportwesens im Dritten Reich: Darstellung der damit verbundenen Formulierung der «Politischen Leibeserziehung» und deren Auswirkungen auf den Schulsport. GRIN Verlag, 2009. S. 22.

Large, David Clay. Nazi games: the Olympics of 1936. W.W. Norton, 2007. S. 401.

Lehmann, Rudolf. Die Leibstandarte. Munin, 1978. S. 504.

Margolick, David. Max Schmeling und Joe Louis: Kampf der Giganten — Kampf der Systeme. Blessing, 2005. S. 527.

Reuss, Eberhard. Hitlers Rennschlachten: die Silberpfeile unterm Hakenkreuz. Aufbau-Verlag, 2006. S. 384.

Richter, Walter. Die Olympischen Spiele 1936: in Berlin und Garmisch-Partenkirchen. Cigaretten-Bilderdienst. Bd. 1, 1936. S. 295.

Riefenstahl, Leni. Olympia. St. Martin's Press, 1994. S. 288.

Rippon, Anton. Hitler's Olympics: the story of the 1936 Nazi Games. Pen & Sword, 2006. S. 228.

Schäche, Wolfgang, Szymanski, Norbert. Das Reichssportfeld: Architektur im Spannungsfeld von Sport und Macht. Bebra Verlag, 2001. S. 176.

Schrader, Halwart. Silberpfeile: die legendären Rennwagen 1934—1955. Heel, 1995. S. 167.

Stöckel, Karin. Berlin im olympischen Rausch: die Organisation der Olympischen Spiele 1936. Diplomica Verlag, 2009. S. 232.

Uhlitzsch, Julia. Der Körper in der NS-Propaganda während der Olympischen Spiele 1936: Moderne Körperbilder. GRIN Verlag, 2011. S. 25.

Walters, Guy. Berlin Games: how the Nazis stole the Olympic dream. William Morrow, 2006. S. 368.

Weihsmann, Helmut. Bauen unterm Hakenkreuz: Architektur des Untergangs. Promedia, 1998. S. 1166.

Wiese, Dirk. Sport im Nationalsozialismus: Besondere Betrachtung des Fußballs. GRIN Verlag, 2011. S. 87.

Wildmann, Daniel. Beghrte Körper: Konstruktion und Inszenierung des «arischen Männerkörpers» im «Dritten Reich». Königshausen & Neumann, 1998. S. 160.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Взгляд на спорт из рейхсканцелярии.....	3
Глава 2. Спорт под единым знаменателем.....	32
Глава 3. Полет «Серебряной стрелы»	48
Глава 4. Предыстория Берлинской Олимпиады	66
Глава 5. Страсти по бойкоту.....	92
Глава 6. Проекты олимпийских сооружений.....	108
Глава 7. Зимняя прелюдия	131
Глава 8. Бой гигантов.....	154
Глава 9. Новое в церемониале.....	179
Глава 10. Берлинские старты	196
Глава 11. «Олимпия» навсегда	223
Глава 12. Дипломатическое эхо Олимпиады	236
Глава 13. Не самоцель, а средство	251
Глава 14. Основной солдатский спорт	270
Глава 15. Министр иностранно-спортивных дел	285
Список использованной литературы.....	300

Научно-популярное издание

History files

Васильченко Андрей Вячеславович

**НОРДИЧЕСКИЕ ОЛИМПИЙЦЫ
Спорт в Третьем рейхе**

Выпускающий редактор *А.А. Скороход*

Корректор *Л.Г. Сафарян*

Верстка *И.В. Левченко*

Художественное оформление *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 19.09.2012. Формат 84×108 ½.

Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага газетная.

Печ.л. 9,5. Тираж 2000 экз. Заказ № 1381.

Отпечатано в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

e-mail: printing@yaroslavl.ru www.printing.yaroslavl.ru

ISBN 978-5-9533-4829-4

«О спорт, ты — мир!» Этот легендарный лозунг мог обрести в Третьем рейхе совершенно иное прочтение. Национал-социалистическая Германия по праву могла считаться одной из самых спортивных держав мира. Но дело было отнюдь не в том, чтобы создать совершенного и гармонично развитого человека. Руководство Третьего рейха нуждалось в закаленной молодежи, которой предстояло стать солдатами, направленными на завоевание мира. Однако у спорта могли быть и другие предназначения.

Вне всякого сомнения, самым важным спортивным событием 30-х годов стали Олимпиады 1936 года (зимняя и летняя), которые проходили на территории Германии. В книге историка Андрея Васильченко рассказывается о том, как спорт, олимпийское движение переплелись с политикой и тайной дипломатией. И, конечно же, в центре этого повествования оказалась Берлинская олимпиада 1936 года.

HISTORY
FILES

